

0

2

223.2

Rep. vol. 100. sub. et 29°

An. 1°

0 $\frac{2}{223}$

6

ЗАПИСКИ

ИЗЪ

МЕРТВАГО ДОМА

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Второе издание

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЮСАФАТА ОГРИЗКО

1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 Ян-
варя 1862 года

Ценсоръ Ѳ. Веселаго

12192-0

2010481445

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачныя, съ двумя церквами — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще въ Сибири, не смотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простыя, нелиберальныя; порядки старыя, крѣпкія, вѣками освященныя. Чиновники, по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства — или туземцы, закоренѣлыя сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни

почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «зачѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ же хлопчуть о своемъ переводѣ и возвращаются во-своица, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они неправы: не только съ служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ породцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надобно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей,

и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десяти-лѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Ивановича Гвоздикова, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копѣекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человѣкъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, поевропейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ-будто въ него вдумываясь, какъ-будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и наконецъ отвѣчалъ ясно и коротко, но дотога взвѣшивая каждое

слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко, и вы наконецъ сами радовались окончанію разговора. Я тогда же распросилъ о немъ Ивана Иваныча и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Иванычъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ; но что онъ страшный нелюдимъ, ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говорить весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговариваться. Иные утверждали, что онъ положительно сумашедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостаткъ, что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ - быть даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія отношенія, — однимъ словомъ вредить себѣ. Ктому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрятъ какъ на несчастія, и сожальютъ о нихъ. Но, не смотря на все это, чудакъ упорно сторонился отъ всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не знаю почему, онъ мало-помалу началъ

интересовать меня. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ-будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился его дольше спрашивать: да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шолъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Иваныча. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ-будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему, и мѣсяцъ спустя, я ни съ того, ни съ сего, самъ зашолъ къ Горянчикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи мѣщанки, у которой была большая въ чухотѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошолъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ-будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся

совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы наконецъ усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ-будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумашествія. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало наконецъ совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только-что съ почты, я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею—какъ можно подальше спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него

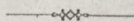
почти совсѣмъ не замѣтилъ и стало-быть несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однакоже, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просяживая до зари? Не писалъ ли онъ? а если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ниразу не позвалъ къ себѣ лекаря. Въ городѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ ли онъ чего-нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ

терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; ко-
сился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ не-
дѣлю, приходила хотъ немножко прибрать въ его ком-
натѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единого
слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ
ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча,
отвернулася къ стѣнкѣ и заплакала. Стало-быть могъ
же этотъ человѣкъ хотъ кого-нибудь заставить лю-
бить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ
ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, не-
значущіе лоскутки или ученическія упражненія съ про-
писей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно
объемистая, мелко исписанная и недоконченная, мо-
жетъ-быть заброшенная и забытая самимъ авторомъ.
Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней
каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петрови-
чемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то дру-
гою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспо-
минаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ-
будто по какому-то принужденію. Я нѣсколько разъ
перечитывалъ эти отрывки и почти убѣдился, что они
писаны въ сумашествіи. Но каторжныя записки —
«Сцены изъ Мертваго Дома», — какъ называетъ онъ
ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ
не совсѣмъ безынтересными. Совершенно новый міръ,
до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ,
нѣкоторыя особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ, —

увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ-три главы; пусть судить публика...

I.

МЕРТВЫЙ ДОМЪ

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ божій: не увидишь ли хоть чего-нибудь? — и только и увидишь, что краешекъ неба, да высокой земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленький краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другаго, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полторасти ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестигульника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ попе-

речными планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкіе ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сию сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе непохожій, тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь — какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, — видите внутри ея нѣсколько зданій. — По обѣимъ сторонамъ широкаго внутреннего двора тянутся два длинныхъ одно-этажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сарай. Средина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ повѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣскольку разъ въ день, — судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задамъ стро-

еній, иные изъ заключенныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменныя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать пали. Ихъ было тысячи полторы и у него онѣ были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая палѣ означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ по одной палѣ и такимъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ палъ, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще остается ему пробить въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону шестиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться; но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арстантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и наконецъ выходившій на волю. Были люди, помнившіе какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ. — Помню я тоже, какъ однажды одного аре-

станта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ подъ вечеръ позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая жена его вышла замужъ, и крѣпко запечалился. Теперь она сама подъѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаваніе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились на вѣки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски: это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человекъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритья головы, клейменныя лица, лоскутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человекъ! Человекъ есть существо ко всему привыкающее и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человекъ двѣсти пятьдесятъ, — цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И ка-

кого народу тутъ не было! Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожнаго населенія составляли ссыльно-каторжные разряда гражданскаго (*сильно-каторжные*, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишонные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклеяннымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. — Были преступники и военнаго разряда, не лишонные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки; по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли, въ солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, пре-

имуущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ «особымъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоить и утроить рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. «Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ» — говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю стало-быть старину, дѣла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было; все это снится мнѣ теперь какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось: народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ наконецъ двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ниразу, ни одной минуты не буду одинъ? на работѣ всегда подъ конвоемъ, дома

съ двумя-стами товарищей и ниразу, ниразу — одинъ!
Впрочемъ, къ этому ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ или по столовской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы кажется они могли придти сюда? — А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго хмѣля. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще жизнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ, изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. «Мы — народъ грамотный!» говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствомъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма,

доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человекъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому-что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человекъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ? Слышалъ я потомъ, кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губить народъ. Это ошибка: тутъ совсѣмъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самопадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. — Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а другая темнобурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвчонка-калашница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала. — «Фу, какъ не славно! закричала она: — и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достало!» Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперегъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистоцимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, — былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность, были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужь слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужь и преступленія свои дѣ-

ляли подконецъ какъ-будто не сами собой, какъ-будто сами не зная зачѣмъ, какъ-будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ было и какое-то наружное смиреніе, такъ-сказать официальное, какое-то спокойное резонерство: — «Мы погибшій народъ», говорили они: «не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣрай ряды». — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». — «Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ правоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей незаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбрать его (хотя впрочемъ не въ русскомъ духѣ попрекать преступника) — ругатель-

ствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался: если и не былъ прежде развращенъ, то въ ка-торгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе.

«Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабы наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю, были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, безстрашные. Этихъ какъ-то невольно уважали; они же съ своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей славѣ, но вообще старались не быть другимъ въ тягость, въ пустыя ругательства не вступали, вели себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти всегда послушны начальству, — не изъ принципа послушанія, не изъ сознанія обязанностей, а такъ, какъ будто по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впро-

чемъ съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ; онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго, рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшенными, злыми поступками, и еслибъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя впрочемъ и былъ отданъ подъ судъ.

Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія,

какъ встрепаный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ впрочемъ поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокия; но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что-нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новыя. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели палъ. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришло конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ маіоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошолъ съ отѣздомъ маіора. Арестантъ послушенъ и покоренъ до извѣстной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ странныхъ вспышекъ нетерпѣнія и строптивости. Часто человѣкъ терпитъ нѣсколько лѣтъ, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается

на какой-нибудь малости, на какомъ-нибудь пустякѣ, почти за ничто. На иной взглядъ можно даже назвать его сумашедшимъ; да такъ и дѣлають.

Я сказалъ уже, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердець и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ, хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе кажется не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагають. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляють преступника; они только его наказываютъ и обезпечивають общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развивають только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой,

наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумашедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Ктому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а чрезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить наконецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самаго преступника. Но несмотря на всевозможныя точки зрѣнія, всякій согласится, что есть такія преступленія, которыя всегда и вездѣ, по всевозможнымъ законамъ, съ начала міра считаются безспорными преступленіями и будутъ считаться такими до тѣхъ поръ, покамѣстъ человѣкъ останется человѣкомъ. Только въ острогѣ я слышалъ рассказы о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о самыхъ чудовищныхъ убійствахъ, рассказанные съ самымъ неудержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Особенно не выходитъ у меня изъ памяти одинъ отцеубійца. Онъ былъ изъ дворянъ, служилъ и былъ у своего шестидесяти-лѣтняго отца чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына. Поведенія онъ былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги. Отецъ ограничивалъ его, уговаривалъ; но у отца былъ домъ, былъ хуторъ, подозревались деньги, и — сынъ убилъ его, жаждая наслѣдства. Преступленіе было розыскано только чрезъ

мѣсяць. Самъ убійца подалъ объявленіе въ полицію, что отецъ его исчезъ неизвѣстно куда. Весь этотъ мѣсяць онъ провелъ самымъ развратнымъ образомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока нечистотъ, прикрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было одѣто и убрано, сѣдая голова была отрѣзана прочь, приставлена къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ не сознался; былъ лишонъ дворянства, чина и сосланъ въ работу на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я жилъ съ нимъ, онъ былъ въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа. Это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразумительный въ высшей степени человѣкъ, хотя совсѣмъ не глупецъ. Я никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. Арестанты презирали его не за преступленіе, о которомъ не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ разговорахъ онъ иногда вспоминалъ о своемъ отцѣ. Разъ, говоря со мной о здоровомъ сложеніи, наслѣдственномъ въ ихъ семействѣ, онъ прибавилъ: «вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь». Такая звѣрская безчувственность разумѣется невозможна. Это феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе. Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію. Но люди изъ его города,

которые должны были знать всё подробности его истории, рассказывали мнѣ все его дѣло. Факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во снѣ: «Держи его, держи! голову-то ему руби, голову, голову!»...

Арестанты почти всё говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры, чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый, говорили они; у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ».

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шолъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всёмъ умомъ, всёмъ расчетомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой? Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такія преступныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человѣкъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря. И потому каждый въ острогѣ, вслѣд-

ствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работою; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, уже долженъ быть запертъ въ острогъ. Что же дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому почти каждая казарма, несмотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогъ, инструменты, а безъ этого невозможна была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастерами. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики. Былъ одинъ еврей, Исай Бумштейнъ, ювелиръ, онъ же и ростовщикъ. Всѣ они трудились и добывали копѣйку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чужанная свобода, а потому для человѣка, лишоннаго совершенно свободы, онѣ дороже вдесятеро. Если онѣ только брякаютъ у него въ карманѣ, онъ уже вполувину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строжайше за-

прещены, но всё ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій: безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянѣ. Несмотря на то и работа, и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и — какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждого обыска, виноватый, кромѣ того, что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждого обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіѣ.

Кто не имѣлъ мастерства, промышлялъ другимъ образомъ. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли на примѣръ однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такія вещи, что и въ голову не могло бы придти кому-нибудь за стѣнами острога, не только покупать и продавать ихъ, но даже считать вещами. Но каторга была очень бѣдна и чрезвычайно промышленна. Послѣдняя тряпка была въ цѣнѣ и шла въ какое-нибудь дѣло. По бѣдности же и деньги въ острогѣ имѣли совершенно другую цѣну, чѣмъ на волѣ. За большой и сложный трудъ платилось грошами. Нѣко-

торые съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или разорившійся, несъ послѣднїя свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онѣ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,—вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ дѣла, не совсѣмъ впрочемъ неожиданный: заложившій и получившій деньги, немедленно, безъ дальнихъ разговоровъ, шолъ къ старшему унтеръ-офицеру, ближайшему начальнику острога, доносилъ о закладѣ смотровыхъ вещей и онѣ тотчасъ же отбирались у ростовщика обратно, даже безъ доклада высшему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда даже не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возвращалъ чтò слѣдовало и даже какъ-будто самъ ожидалъ, что такъ будетъ. Можетъ-быть онъ не могъ сознаться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ бы такъ сдѣлалъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а такъ только, для очистки совѣсти.

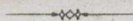
Вообще, всё воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненїя казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю можно представить, какіе были

тамъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человѣкъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому-что я ее долго искалъ. Были цѣловальники, торговавшіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда-нибудь особенно; она довольно замѣчательна. Въ острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потому нечего удивляться, какимъ образомъ, при такихъ осмотрахъ и конвояхъ, въ острогъ приносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное преступленіе. Можно ли наприимѣръ представить себѣ, что деньги, выгода у инаго контрабандиста играютъ второстепенную роль, стоять на второмъ планѣ? А между тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэтъ. Онъ рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда даже дѣйствуетъ по какому-то вдохновенію. Это страсть столь же сильная, какъ и картежная игра. Я зналъ въ острогѣ одного арестанта, наружностью размѣра колоссальнаго, но до того кроткаго, тихаго, смиреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ образомъ онъ очутился въ острогѣ. Онъ былъ до того незлобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогѣ ни съ кѣмъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы,

пришоль за контрабанду и, разумѣется, не могъ утерпѣть и пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали и какъ онъ боялся розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожные доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудагъ любилъ искусство для искусства. Онъ былъ плаксивъ какъ баба и сколько разъ, бывало, послѣ наказанія, клялся и зарекался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ преодолевалъ себя иногда по цѣлому мѣсяцу, но наконецъ все-таки не выдерживалъ... Благодаря этимъ-то личностямъ, вино не оскудѣвало въ острогѣ.

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и благодѣтельный. Это подаяніе. Высшій классъ нашего общества не имѣетъ понятія, какъ заботятся о «несчастныхъ» купцы, мѣщане и весь народъ нашъ. Подаяніе бываетъ почти непрерывное и почти всегда хлѣбомъ, сайками и калачами, гораздо рѣже деньгами. Безъ этихъ подавій, во многихъ мѣстахъ арестантамъ, особенно подсудимымъ, которые содержатся гораздо строже рѣшюныхъ, было бы слишкомъ трудно. Подаяніе религіозно дѣлится арестантами поровну. Если неостанетъ на всѣхъ, то калачи разрѣзаются поровну, иногда даже на шесть частей, и каждый заключенный непременно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я въ первый разъ получилъ денежное подаяніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней

работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, «несчастный», возьми Христа-ради копѣчку! — кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руки монетку. Я взялъ ее копѣчку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣчку я долго берегъ у себя.

II.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Первый мѣсяцъ и вообще начало моей осторожной жизни живо представляются теперь моему воображенію. Послѣдующіе мои осторожные годы мелькаютъ въ воспоминаніи моемъ гораздо тусклѣе. Иные какъ-будто совсѣмъ ступшевались, слились между собою, оставивъ по

себѣ одно цѣльное впечатлѣніе: тяжелое, однообразное, удушающее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей каторги, представляется мнѣ теперь какъ-будто вчера случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ-будто и не нашолъ въ ней ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго или, лучше-сказать, неожиданнаго. Все это какъ-будто и прежде мелькало передо мной въ воображеніи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать впередъ мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только впоследствии, уже довольно долго поживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполне всю исключительность, всю неожиданность такого существованія, и все болѣе и болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленіе сопровождало меня во весь долгій срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣніе мое, при поступленіи въ острогъ, вообще было самое отвратительное; но несмотря на то, — странное дѣло! — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили картежь. Самая работа,

напримѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, каторжною, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и каторжность этой работы — не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки. Мужикъ на волѣ работаетъ пожалуй и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаетъ на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что еслибъ захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и безсмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатурить, строить; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловчѣе, спорчѣе, лучше. Но еслибъ заставить его, напримѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно, — я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть уме-

реть, да выдти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мщеніе, и было бы бессмысленно, потому-что не достигало бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, бессмыслицы, униженія и стыда, есть непремѣнно и во всякой вынужденной работѣ, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе всякой вольной, именно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не имѣлъ понятія о лѣтней работѣ, впятеро тяжелѣйшей. Зимою же въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртышъ ломать старыя казенныя барки, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ и проч. и проч. Зимній день былъ коротокъ, работа кончалась скоро и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти бы нечего было дѣлать, еслибъ не случалось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась можетъ-быть только треть арестантовъ, остальные же били баклуши, склонялись безъ нужды по всѣмъ казармамъ острога, ругались, заводили межъ собой интриги, исторіи, напивались, если наворачивались хоть какія-нибудь деньги; по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Впослѣдствіи я понялъ, что кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще

одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это *вынужденное общее сожителство*. Общее сожителство конечно есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогъ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось бы сживатьса съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя конечно большею частью безсознательно.

Также и пища показалась мнѣ довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой нѣтъ въ арестантскихъ ротахъ европейской Россіи. Объ этомъ я не беру съудить: я тамъ не былъ. Ктому же многіе имѣли возможность имѣть собственную пищу. Говядина стоила у насъ грошъ за фунтъ, лѣтомъ три копѣйки. Но собственную пищу заводили только тѣ, у которыхъ водились постоянныя деньги; большинство же каторги ѣло казенную. Впрочемъ арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Последнее ихъ ужасало: при выдачѣ съ вѣсу, треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ. Приписывали это удачному устройству острожныхъ печей. Щи же были очень неказисты. Они варились въ общемъ котлѣ, слегка заправлялись крупой и, особенно въ будніе дни, были жидкіе, тощіе. Меня ужаснуло въ нихъ огромное количество таракановъ. Арестанты же не обращали на это никакого вниманія.

Первые три дня я не ходилъ на работу; такъ поступали и со всякимъ новопривывшимъ: давалось отдохнуть съ дороги. Но на другой же день мнѣ пришлось выйти изъ острога, чтобъ перековаться. Кандалы мои были неформенные, кольчатые, «мелкозвонъ», какъ называли ихъ арестанты. Они носились наружу. Форменные же острожные кандалы, приспособленные къ работѣ, состояли не изъ колець, а изъ четырехъ желѣзныхъ прутьевъ, почти въ палець толщиною, соединенныхъ между собою тремя кольцами. Ихъ должно было надѣвать подъ панталоны. Къ срединному кольцу привязывался ремень, который въ свою очередь прикрѣплялся къ поясному ремню, надѣвавшемуся прямо на рубашку.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у острожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю и, минутъ черезъ десять, караульный унтеръ-офицеръ началъ отпирать казармы. Стали просыпаться. При тускломъ свѣтѣ, отъ шестериковой сальной свѣчи, подымались арестанты, дрожа отъ холода, съ своихъ наръ. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клейменные лбы. Иные крестились, другіе уже начинали вздорить. Духота была страшная. Свѣжій зимній воздухъ ворвался въ дверь, какъ только ее отворили, и клубами пара понесся по казармѣ. У ведеръ съ водой столпились арестанты; они по очереди брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изо рта. Вода

заготавливалась съ вечера парашникомъ. Во всякой казармѣ по положенію былъ одинъ арестантъ, выбранный артелью, для прислуги въ казармѣ. Онъ назывался парашникомъ и не ходилъ на работу. Его занятіе состояло въ наблюденіи за чистотой казармы, въ мытьѣ и въ скобленіи нарѣ и половъ, въ приносѣ и выносѣ ночнаго ушата и въ доставленіи свѣжей воды въ два ведра — утромъ для умыванья, а днемъ для питья. Изъ-за ковша, который былъ одинъ, начались немедленно ссоры:

— Куда лѣзешь, язевый лобъ! ворчалъ одинъ угрюмый, высокій арестантъ, сухощавый и смуглый, съ какими-то странными выпуклостями на своемъ бритомъ черепѣ, толкая другого, толстаго и приземистаго, съ веселымъ и румянымъ лицомъ: — постой!

— Чего кричишь! За постой у насъ деньги платить; самъ проваливай! Ишь монументъ вытянулся. То-есть никакой-то, братцы, въ немъ фартикультяпности нѣтъ.

Фартикультяпность произвела нѣкоторый эффектъ: многіе засмѣялись. Того только и надо было веселому толстяку, который очевидно былъ въ казармѣ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго шута. Высокій арестантъ посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Бирюлина корова! проговорилъ онъ какъ бы про себя: — ишь отбѣлся на острожномъ чистякѣ *)!

*) Чистякомъ назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси.

радъ, что къ розговѣнью двѣнадцать поросятъ принесеть.

— Да ты что за птица такая? вскричалъ онъ вдругъ раскраснѣвшись.

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?

— Да ужь одно слово такая.

— Да какая?

Оба впились глазами другъ въ друга. Толстякъ ждалъ отвѣта и сжалъ кулаки, какъ-будто хотѣлъ тотчасъ же бинуться въ драку. Я и вправду думалъ, что будетъ драка. Для меня все это было ново, и я смотрѣлъ съ любопытствомъ. Но впоследствии я узналъ, что всѣ подобныя сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, какъ въ комедіи, для всеобщаго удовольствія; до драки же никогда почти не доходило. Все это было довольно характерно и изображало нравы острога.

Высокій арестантъ стоялъ спокойно и величаво. Онъ чувствовалъ, что на него смотрять и ждутъ, осрамится ли онъ или нѣтъ своимъ отвѣтомъ; что надо было поддержать себя, доказать, что онъ дѣйствительно птица и показать, какая именно птица. Съ невыразимымъ презрѣніемъ скосилъ онъ глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотрѣть на него какъ-то черезъ плечо, сверху внизъ, какъ-будто онъ разглядывалъ его какъ букашку, и медленно и внятно произнесъ:

— Кагань!...

То-есть что онъ птица кагань. Громкій залпъ хохота привѣтствовалъ находчивость арестанта.

— Подлецъ ты, а не кагань! заревѣлъ толстякъ, почувствовавъ, что срѣзался на всеѣхъ пунктахъ, и дойдя до крайняго бѣшенства.

Но только-что ссора стала серьезною, молодцовъ немедленно осадили.

— Чтò загалдѣли! закричала на нихъ вся казарма.

— Да вы лучше подеритесь, чѣмъ горло-то драть, прокричалъ кто-то изъ-за угла.

— Да, держи, подерутся! раздалось въ отвѣтъ. — У насъ народъ бойкій, задорный; семеро одного не боимся...

— Да и оба хороши! Одинъ за фунтъ хлѣба въ острогъ пришоль, а другой — крыночная блудница, у бабы простоищу поѣлъ, за то и кнута хватилъ.

— Ну-ну-ну! полно вамъ, закричалъ инвалидъ, проживавшій для порядка въ казармѣ и поэтому спавшій въ углу на особой койкѣ.

— Вода, ребята! Невалидъ Петровичъ проснулся! Невалиду Петровичу, родимому братцу!

— Братъ... Какой я тебѣ братъ? Рубля вмѣстѣ не пропили, а братъ! ворчалъ инвалидъ, натягивая въ рукава шинель...

Готовились къ повѣркѣ; начало разсвѣтать; въ кухнѣ набралась густая толпа народу, не впрорѣзъ. Арестанты толпились въ своихъ полушубкахъ и въ половинчатыхъ

шапкахъ у хлѣба, который рѣзаль имъ одинъ изъ кашеваровъ. Кашевары выбирались артелью, въ каждую кухню по двое. У нихъ же сохранялся и кухонный ножъ для рѣзанія хлѣба и мяса, на всю кухню одинъ.

По всѣмъ угламъ и около столовъ размѣстились арестанты, въ шапкахъ, въ полушубкахъ и подпоясанные, готовые выйти сейчасъ на работу. Передъ нѣкоторыми стояли деревянные чашки съ квасомъ. Въ квасъ крошили хлѣбъ и прихлебывали. Гамъ и шумъ былъ нестерпимый; но нѣкоторые благоразумно и тихо разговаривали по угламъ.

— Старичку Антонычу хлѣбъ да соль, здравствуй! проговорилъ молодой арестантъ, усаживаясь подлѣ нахмуреннаго и беззубаго арестанта.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, проговорилъ тотъ, не поднимая глазъ и стараясь ужевать хлѣбъ своими беззубыми деснами.

— А вѣдь я, Антонычъ, думалъ, что ты померъ; право-ну.

— Нѣтъ, ты сперва помри, а я послѣ...

Я сѣлъ подлѣ нихъ. Справа меня разговаривали два степенные арестанта, видимо стараясь другъ передъ другомъ сохранить свою важность.

— У меня небось не украдутъ, говорилъ одинъ: — я, братъ, самъ боюсь, какъ бы чего не украсть.

— Ну, да и меня голой рукой не бери: обожгу.

— Да чего обожжешь - то! Такой же варнакъ; больше и названія намъ нѣтъ... она тебя обереть, да

и не поклонится. Тутъ, братъ, и моя копѣечка умылась. Намедни сама пришла. Куда съ ней дѣться? Началь проситься къ Ѳедькѣ-палачу: у него еще въ форштадтѣ домъ стоялъ, у Соломонки-паршиваго у жида купить, вотъ еще который потомъ удавился...

— Знаю. Онъ у насъ въ третьемъ годѣ въ цѣловальникахъ сидѣлъ, а по прозвищу Гришка — темный кабакъ. Знаю.

— А вотъ и не знаешь; это другой темный кабакъ.

— Какъ не другой! Знать ты толсто знаешь! Да я тебѣ столько посредственникововъ приведу...

— Приведешь! Ты откуда, а я чей?

— Чей! Да я вотъ тебя и биваль, да не хвастаю, а то еще чей!

— Ты биваль! Да кто меня прибьетъ, еще тотъ не родился; а кто биваль, тотъ въ землѣ лежитъ.

— Чума бендерская!

— Чтобъ-те язвила язва сибирская!

— Чтобъ съ тобой говорила турецкая сабля!...

И пошла ругань.

— Ну-ну-ну! Загалдѣли! закричали кругомъ. — На волѣ не умѣли жить; рады, что здѣсь до чистяка добрались...

Тотчасъ уймуть. Ругаться, «колотить» языкомъ позволяется. Это отчасти и развлеченіе для всѣхъ. Но до драки не всегда допустить, и только развѣ въ исключительномъ случаѣ враги подерутся. О дракѣ донесутъ маіору; начнутъ розыски, приѣдетъ самъ маіоръ, — однимъ сло-

вомъ, всѣмъ нехорошо будетъ, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлечения, для упражненія въ слогѣ. Нерѣдко сами себя обманываютъ, начинаютъ съ страшной горячкой, остервенѣніемъ... думаешь: вотъ бросятся другъ на друга; ничуть не бывало: дойдутъ до извѣстной точки и тотчасъ расходятся. Все это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привелъ здѣсь примѣръ самыхъ обыкновенныхъ каторжныхъ разговоровъ. Не могъ я представить себѣ сперва, какъ можно ругаться изъ удовольствія, находить въ этомъ забаву, милое упражненіе, пріятность? Впрочемъ не надо забывать и тщеславія. Діалектикъ - ругатель былъ въ уваженіи. Ему только-что не аплодировали, какъ актеру.

Еще вчера съ вечера замѣтилъ я, что на меня смотрять косо.

Я уже поймалъ нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Напротивъ, другіе арестанты ходили около меня, подозрѣвая, что я принесъ съ собой деньги. Они тотчасъ же стали подслуживаться: начали учить меня, какъ носить новые кандалы; достали мнѣ, конечно за деньги, сундучокъ съ замкомъ, чтобъ спрятать въ него уже выданныя мнѣ казенныя вещи и нѣсколько моего бѣлья, которое я пронесъ въ острогъ. На другой же день они у меня его украли и проиали. Одинъ изъ нихъ сдѣлался впоследствии преданнѣйшимъ мнѣ человѣкомъ, хотя и не переставалъ обкрадывать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ дѣлалъ это безъ всякаго смущенія.

нія, почти безсознательно, какъ-будто по обязанности, и на него невозможно было сердиться.

Между прочимъ они научили меня, что должно имѣть свой чай, что не худо мнѣ завести и чайникъ, а покамѣстъ достали мнѣ на поддержаніе чужой и рекомендовали мнѣ кашевара, говоря, что копѣекъ за тридцать въ мѣсяцъ онъ будетъ стряпать мнѣ что угодно, если я пожелаю ѣсть особо и покупать себѣ провіантъ... Разумѣется, они заняли у меня денегъ и каждый изъ нихъ въ одинъ первый день приходилъ занимать раза по три.

На бывшихъ дворянъ въ каторгѣ вообще смотрять мрачно и неблагоклонно.

Несмотря на то, что тѣ уже лишены всѣхъ своихъ правъ состоянія и вполне сравнены съ остальными арестантами, — арестанты никогда не признають ихъ своими товарищами. Это дѣлается даже не по сознательному предубѣжденію, а такъ, совершенно искренно, безсознательно. Они искренно признавали насъ за дворянъ, несмотря на то, что сами же любили дразнить насъ нашимъ паденіемъ.

— Нѣтъ, теперь полно, стой! Бывало Петръ черезъ Москву претъ, а нынче Петръ веревки вьетъ, и проч. и проч. любезности.

Они съ любовью смотрѣли на наши страданія, которыя мы старались имъ не показывать. Особенно доставалось намъ сначала на работѣ, за то что въ насъ не было столько силы, какъ въ нихъ, и что мы не

могли имъ вполне помогать. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ войти къ народу въ довѣренность (и особенно къ такому народу) и заслужить его любовь.

Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ. Во-первыхъ, человѣкъ пять поляковъ. Объ нихъ я поговорю когда-нибудь особо. Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили той же монетою.

Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ, чтобъ приобрести расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ. Но большая часть изъ нихъ наконецъ меня любила и признала за «хорошаго» человѣка.

Изъ русскихъ дворянъ, кромѣ меня, было четверо. Одинъ — низкое и подленькое созданіе, страшно-развращенное, шпионъ и доносчикъ по ремеслу. Я слышалъ о немъ еще до прихода въ острогъ и съ первыхъ же дней прервалъ съ нимъ всякія отношенія. Другой — тотъ самый отцеубійца, о которомъ я уже говорилъ въ своихъ запискахъ. Третій былъ Акимъ Акимычъ; рѣдко видалъ я такого чудака, какъ этотъ Акимъ Акимычъ. Рѣзко отпечатался онъ въ моей памяти. Былъ онъ высокъ, худощавъ, слабоуменъ, ужасно безграмотенъ, чрезвычайный резонеръ и акуратенъ какъ нѣмецъ. Каторж-

ные смѣялись надъ нимъ; но нѣкоторые даже боялись съ нимъ связываться за придиричивый, взыскательный и вздорный его характеръ. Онъ съ перваго шагу сталъ съ ними за-панибрата, ругался съ ними, даже дрался. Честенъ онъ былъ феноменально. Замѣтить несправедливость и тотчасъ же вяжется, хоть бы не его было дѣло. Наивенъ до крайности: онъ, напримѣръ, браняся съ арестантами, корилъ ихъ иногда за то, что они были воры и серьезно убѣждалъ ихъ не воровать. Служилъ онъ на Кавказѣ прапорщикомъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго же дня и онъ тотчасъ же разсказалъ мнѣ свое дѣло. Началъ онъ на Кавказѣ же, съ юнкеровъ, по пѣхотному полку, долго тянулъ ляжку, наконецъ былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ въ какое-то укрѣпленіе старшимъ начальникомъ. Одинъ сосѣдній мирный князекъ заюгъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось. Акимъ Акимычъ схитрилъ и не показалъ даже виду, что знаетъ, кто злоумышленникъ. Дѣло свалили на немирныхъ, а черезъ мѣсяць Акимъ Акимычъ зазвалъ князька къ себѣ подружески въ гости. Тотъ пріѣхалъ, ничего не подозревая. Акимъ Акимычъ выстроилъ свой отрядъ; уличалъ и укорялъ князька всенародно; доказалъ ему, что крѣпости зажигать стыдно. Тутъ же прочелъ ему самое подробное наставленіе, какъ должно мирному князю вести себя впередъ и, въ заключеніе, разстрѣлялъ его, о чемъ немедленно и донесъ начальству со всѣми подробностями. За все это его судили, приговорили къ

смертной казни, но смягчили приговоръ и сослали въ Сибирь, въ каторгу второго разряда, въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что поступилъ неправильно, говорилъ мнѣ, что зналъ объ этомъ и передъ разстрѣляніемъ князька, зналъ, что мирнаго должно было судить по законамъ; но несмотря на то, что зналъ это, онъ какъ-будто никакъ не могъ понять своей вины настоящимъ образомъ:

— Да помилуйте! вѣдь онъ загогъ мою крѣпость? Чтожъ мнѣ, поклониться что ли ему за это! говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на мои возраженія.

Но несмотря на то, что арестанты подсмѣивались надъ придурью Акима Акимыча, они все-таки уважали его за акуратность и умѣлость.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ. Онъ былъ столяръ, саножникъ, башмачникъ, маляръ, золотильщикъ, слесарь, и всему этому обучился уже въ каторгѣ. Онъ дѣлалъ все самоучкой: взглянетъ разъ, и сдѣлаетъ. Онъ дѣлалъ тоже разные ящики, корзинки, фонарики, дѣтскія игрушки и продавалъ ихъ въ городѣ. Такимъ образомъ у него водились деньги и онъ немедленно употреблялъ ихъ на лишнее бѣлье, на подушку помягче, завелъ складной тюфячокъ. Помѣщался онъ въ одной казармѣ со мною и многимъ услужилъ мнѣ въ первые дни моей каторги.

Выходя изъ острога на работу, арестанты строились передъ кордегардіей, въ два ряда; спереди и сзади арестантовъ выстроивались конвойные солдаты съ за-

ряженными ружьями. Являлись: инженерный офицеръ, кондукторъ и нѣсколько инженерныхъ нижнихъ чиновъ, приставовъ надъ работами. Кондукторъ рассчитывалъ арестантовъ и посылалъ ихъ партіями куда нужно на работу.

Вмѣстѣ съ другими я отправился въ инженерную мастерскую. Это было низенькое каменное зданіе, стоявшее на большомъ дворѣ, заваленномъ разными матеріями. Тутъ была кузница, слесарня, столярная, малярная и проч. Акимъ Акимычъ ходилъ сюда и работалъ въ малярной, варилъ олифу, составлялъ краски и раздѣлывалъ столы и мебель подъ орѣхъ.

Въ ожиданіи перековки, я разговорился съ Акимомъ Акимычемъ о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ острогѣ.

— Да-съ, дворянъ они не любятъ, замѣтилъ онъ, — особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожіи, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ? Здѣсь, я вамъ скажу, жить трудно. А въ російскихъ арестантскихъ ротахъ еще труднѣе-съ. Вотъ у насъ есть оттуда, такъ не нахвалятся нашимъ острогомъ, точно изъ ада въ рай перешли. Не въ работѣ бѣда-съ. Говорятъ тамъ, въ первомъ-то разрядѣ, начальство несовершенно военное-съ, по крайней мѣрѣ другимъ манеромъ, чѣмъ у насъ, поступаетъ-съ. Тамъ, говорятъ, ссыльный можетъ жить своимъ домкомъ. Я тамъ не былъ, да такъ говорятъ-съ. Не брѣютъ, въ

мундирахъ не ходять-сь, хотя впрочемъ оно и хорошо, что у насъ они въ мундирномъ видѣ и бритые; все-таки порядку больше, да и глазу пріятнѣе-сь. Да только имъ-то это не нравится. Да и посмотрите, сбродъ-то какой-сь! Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый православный мужичокъ, семью, дѣтей милыхъ оставилъ на родинѣ, пятый жидъ, шестой цыганъ, седьмой неизвѣстно кто, и всѣ-то они должны ужиться вмѣстѣ, во что бы ни стало, согласиться другъ съ другомъ, ѣсть изъ одной чашки, спать на однихъ нарахъ. Да и воля-то какая: лишній кусокъ можно съѣсть только украдкой, всякій грошъ въ сапоги прятать, и все только и есть, что острогъ да острогъ... Поневоля дурь пойдетъ въ голову.

Но это я ужъ зналъ. Мнѣ особенно хотѣлось распросить о нашемъ маіорѣ. Акимъ Акимычъ не секретничаль и, помню, впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Но еще два года мнѣ суждено было прожить подъ его начальствомъ. Все, что рассказалъ мнѣ о немъ Акимъ Акимычъ, оказалось вполне справедливымъ, съ тою разницею, что впечатлѣніе дѣйствительности всегда сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе отъ простаго рассказа. Страшный былъ это человѣкъ, именно потому, что такой человѣкъ былъ начальникомъ, почти неограниченнымъ, надъ двумя стами душъ. Самъ по себѣ онъ только былъ беспорядочный и злой человѣкъ, больше ничего. На арестантовъ онъ смотрѣлъ какъ на своихъ естест-

венныхъ враговъ, и это была первая и главная ошибка его. Онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя способности, но все, даже и хорошее, представлялось въ немъ въ такомъ исковерканномъ видѣ. Невоздержный, злой, онъ врывался въ острогъ даже иногда по ночамъ, а если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничъ, то на утро его наказывалъ: «спи дескать на правомъ боку, какъ я приказалъ». Въ острогѣ его ненавидѣли и боялись, какъ чумы. Лицо у него было багровое, злобное. Всѣ знали, что онъ былъ вполнѣ въ рукахъ своего деньщика Ѳедьки. Любилъ же онъ больше всего своего пуделя Трезорку и чуть съ ума не сошолъ съ горя, когда Трезорка заболѣлъ. Говорять, что онъ рыдалъ надъ нимъ какъ надъ роднымъ сыномъ; прогналъ одного ветеринара и, по своему обыкновенію, чуть не подрался съ нимъ и, услышавъ отъ Ѳедьки, что въ острогѣ есть арестантъ, ветеринаръ-самоучка, который лечилъ чрезвычайно удачно, немедленно призывалъ его.

— Выручи! озолочу тебя, вылечи Трезорку! закричалъ онъ арестанту.

Это былъ мужикъ-сибирякъ, хитрый, умный, дѣйствительно очень ловкій ветеринаръ, но вполнѣ мужичокъ.

— Смотрю я на Трезорку, рассказывалъ онъ потомъ арестантамъ, впрочемъ долго спустя послѣ своего визита къ маіору, когда уже все дѣло было забыто; — смотрю: лежитъ песь на диванѣ, на бѣлой подушкѣ;

и вѣдь вижу, что воспаленіе, что надоть бы кровь пустить, и вылечился бы песь, ей-ей говорю! да и думаю про себя: а что какъ не вылечу, какъ околѣть? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, поздно позвали; кабы вчера или третьяго дня, въ это же время, такъ вылечилъ бы пса; а теперъ не могу, не вылечу...

Такъ и умеръ Трезорка.

Мнѣ рассказывали въ подробности, какъ хотѣли убить нашего маіора. Былъ въ острогѣ одинъ арестантъ. Онъ жилъ у насъ уже нѣсколько лѣтъ и отличался своимъ кроткимъ поведеніемъ. Замѣчали тоже, что онъ почти ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Его такъ и считали какимъ-то юродивымъ. Онъ былъ грамотный и весь послѣдній годъ постоянно читалъ библію, читалъ и днемъ и ночью. Когда всѣ засыпали, онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ восковую церковную свѣчу, взлѣзалъ на печку, раскрывалъ книгу и читалъ до утра. Въ одинъ день онъ пошолъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ идти на работу. Доложили маіору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичемъ, но промахнулся. Его схватили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Черезъ три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая, онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать. Онъ впрочемъ не принадлежалъ ни къ какой раскольничьей сектѣ. Въ острогѣ вспоминали о немъ съ уваженіемъ.

Наконецъ меня перековали. Между тѣмъ въ мастерскую явились одна за другою нѣсколько калашницъ. Иныя были совсѣмъ маленькія дѣвочки. До зрѣлаго возраста онѣ ходили обыкновенно съ калачами; матери пекли, а онѣ продавали. Войдя въ возрастъ, онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей; такъ почти всегда водилось. Были и не дѣвочки. Калачъ стоилъ грошъ и арестанты почти всѣ ихъ покупали.

Я замѣтилъ одного арестанта, столяра, уже сѣденькаго, но румянаго и съ улыбкой заигрывавшаго съ калашницами. Передъ ихъ приходомъ онъ только-что наvertѣлъ на шею красненькій кумачный платочекъ. Одна толстая и совершенно рябая бабенка поставила на его верстакъ свою сельницу. Между ними начался разговоръ.

— Чтожь вы вчера не приходили туда? заговорилъ арестантъ съ самодовольной улыбочкой.

— Вотъ! я пришла, а васъ Митькой звали, отвѣчала бойкая бабенка.

— Насъ потребовали, а то бы мы неизмѣнно находились при мѣстѣ... А ко мнѣ третьяго дня всѣ ваши приходили.

— Кто да кто?

— Марьяшка приходила, Хаврошка приходила, Чекундѣ приходила, Двугрошова приходила...

— Это чтоже? спросилъ я Акима Акимыча: — неужели?...

— Бываетъ-съ, отвѣчалъ онъ, скромно опустивъ глаза, потому-что былъ чрезвычайно цѣломудренный человѣкъ.

Это конечно бывало, но очень рѣдко и съ величайшими трудностями. Вообще было больше охотниковъ на примѣръ хоть выпить, чѣмъ на такое дѣло, несмотря на всю естественную тягость вынужденной жизни. До женщинъ было трудно добраться. Надо было выбирать время, мѣсто, условливаться, назначать свиданія, искать уединенія, что было особенно трудно, склонять конвойныхъ, что было еще труднѣе, и вообще тратить бездну денегъ, судя относительно. Но все-таки мнѣ удавалось, вполнѣдствіи, иногда быть свидѣтелемъ и любовныхъ сценъ. Помню, однажды лѣтомъ мы были втроемъ въ какомъ-то сараѣ на берегу Иртыша и протапливали какую-то обжигательную печку; конвойные были добрые. Наконецъ явились двѣ «суфлеры», какъ называютъ ихъ арестанты.

— Ну что такъ засидѣлись? небось у Звѣрковыхъ? встрѣтилъ ихъ арестантъ, къ которому онѣ пришли, давно уже ихъ ожидавшій.

— Я засидѣлась? Да давеча сорока на колѣхъ дольше чѣмъ я у нихъ посидѣла, отвѣчала весело дѣвица.

Это была наигрязнѣйшая дѣвица въ мірѣ. Она-то и была Чекундѣ. Съ ней вмѣстѣ пришла Двугрошова. Эта уже была внѣ всякаго описанія.

— И съ вами давно не видались, продолжалъ во-

локита, обращаясь къ Двугрошовой; — что это вы словно какъ похудѣли?

— А можетъ-быть. Прежде-то я куды была толстая, а теперь — вотъ словно иглу проглотила.

— Все по солдатикамъ-съ?

— Нѣтъ ужъ это вамъ про насъ злые люди набухвостили; а впрочемъ чтожъ-съ? Хоть безъ ребрушка ходить, да солдатика любить!

— А вы ихъ бросьте, а насъ любите; у насъ деньги есть...

Въ довершеніе картины представьте себѣ этого волокиту бритаго, въ кандалахъ, полосатаго и подь конвоемъ.

Я простился съ Акимомъ Акимычемъ, и узнавъ, что мнѣ можно воротиться въ острогъ, взялъ конвойнаго и пошолъ домой. Народъ уже сходился. Прежде всѣхъ возвращаются съ работы работающіе на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это — задать ему урокъ. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они кончаются вдвое скорѣе, чѣмъ еслибъ заставили работать вплоть до обѣденнаго барабана. Окончивъ урокъ, арестантъ беспрепятственно шолъ домой, и уже никто его не оставивалъ.

Обѣдаютъ не вмѣстѣ, а какъ попало, кто раньше пришолъ; да и кухня не вмѣстила бы всѣхъ разомъ. Я побробовалъ щей, но съ непривычки не могъ ихъ ѣсть и заварилъ себѣ чаю. Мы усѣлись на концѣ

стола. Со мной былъ одинъ товарищъ, также какъ и я изъ дворянъ.

Арестанты приходили и уходили. Было впрочемъ просторно; еще не все собрались. Кучка въ пять человекъ усѣлась особо за большимъ столомъ. Кашеваръ налилъ имъ въ двѣ чашки щей и поставилъ на столъ цѣлую латку съ жареной рыбой. Они что-то праздновали и ѣли свое. На насъ они поглядѣли искоса. Вожель одинъ полякъ и сѣлъ рядомъ съ нами.

— Дома не былъ, а все знаю! громко закричалъ одинъ высокій арестантъ, входя въ кухню и взглядомъ окидывая всехъ присутствующихъ.

Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, мускулистъ и сухощавъ. Въ лицѣ его было что-то лукавое и вмѣстѣ веселое. Въ особенности замѣчательна была его толстая, нижняя, отвисшая губа; она придавала его лицу что-то чрезвычайно комическое.

— Ну, здорово ночевали! Чтожъ не здороваются? Нашимъ курскимъ! прибавилъ онъ, усаживаясь подлѣ обѣдавшихъ свое кушанье: — хлѣбъ да соль! Встрѣчайте гостя.

— Да мы, братъ, не курскіе.

— Аль тамбовскимъ?

— Да и не тамбовскіе. Съ насъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ты ступай къ богатому мужику, тамъ проси.

— Въ брюхѣ-то у меня, братцы, сегодня Иванъ-Таскунъ, да Марья-Икотишна; а гдѣ онъ, богатый мужикъ, живетъ?

— Да вонъ Газинъ богатый мужикъ; къ нему и ступай.

— Кутить, братцы, сегодня Газинъ, запилъ: весь кошель пропиваетъ.

— Цѣлковыхъ двадцать есть, замѣтилъ другой. — Выгодно, братцы, цѣловальникомъ быть.

— Чтожь, не примете гостя! Ну такъ похлебаемъ и казеннаго.

— Да ты ступай проси чаю. Вонъ баре пьютъ.

— Какіе баре, тутъ нѣтъ баръ; такіе же какъ и мы теперь, мрачно промолвилъ одинъ, сидѣвшій въ углу арестантъ. До сихъ поръ онъ не проговорилъ слова.

— Напился бы чаю, да просить совѣстно: мы съ амбиціей! замѣтилъ арестантъ съ толстой губой, добродушно смотря на насъ.

— Если хотите, я вамъ дамъ, сказалъ я, приглашая арестанта: — угодно?

— Угодно? да ужъ какъ не угодно! — Онъ подошолъ къ столу.

— Ишь, дома лаптемъ щи хлебаль, а здѣсь чай узналъ; господскаго питья захотѣлось, проговорилъ мрачный арестантъ.

— А развѣ здѣсь никто не пьетъ чаю? спросилъ я его. Но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Вотъ и калачи несутъ. Ужъ удостойте и калачика!

Внесли калачи. Молодой арестантъ несъ цѣлую

связку и распродалъ ее по острогу. Калашница уступала ему десятый калачъ; на этотъ-то калачъ онъ и рассчитывалъ.

— Калачи, калачи! кричалъ онъ, входя въ кухню: — московскіе, горячіе! Самъ бы ѣлъ, да денегъ надо. Ну, ребята, послѣдній калачъ остался: у кого мать была?

Это воззваніе къ материнской любви размѣшило всѣхъ, и у него взяли нѣсколько калачей.

— А что, братцы, проговорилъ онъ: — вѣдь Газинъ-то сегодня догуляется до грѣха! ейбогу! когда гулять вздумалъ. Неравно осьмиглазый пріѣдетъ.

— Спрячуть. А что, крѣпче пьянъ?

— Куды! Злой, пристаесть.

— Ну такъ догуляется до кулаковъ...

— Про кого они говорятъ? спросилъ я поляка, сидѣвшаго рядомъ со мною.

— Это Газинъ, арестантъ. Онъ торгуетъ здѣсь виномъ. Когда наторгуетъ денегъ, тотчасъ же ихъ пропиваетъ. Онъ жестокъ и золъ; впрочемъ трезвый смиренъ; когда же напьется, то весь наружу; на людей съ ножомъ кидается. Тутъ ужъ его унимаютъ.

— Какже унимаютъ?

— На него бросаются человѣкъ десять арестантовъ и начинаютъ ужасно бить, до тѣхъ поръ пока онъ не лишится всѣхъ чувствъ, т. е. бьютъ до полусмерти.

Тогда укладываютъ его на нары и накрываютъ полубубкомъ.

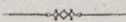
— Да вѣдь они могутъ его убить?

— Другаго бы убили, но его нѣтъ. Онъ ужасно силенъ, сильнѣе здѣсь всѣхъ въ острогѣ и самаго крѣпкаго сложенія. На другое же утро онъ встаетъ совершенно здоровый.

— Скажите пожалуйста, продолжалъ я спрашивать поляка: — вѣдь вотъ они тоже ѣдятъ свое кушанье; а я пью чай. А между-тѣмъ они смотрятъ, какъ-будто завидуютъ за этотъ чай. Что это значитъ?

— Это не за чай, отвѣчалъ полякъ. — Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ непохожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унижить. Вы еще много увидите здѣсь неприяностей. Здѣсь ужасно тяжело для всѣхъ насъ. Намъ всѣхъ тяжелѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно много равнодушія, чтобъ къ этому привыкнуть. Вы еще неразъ встрѣтите неприяности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя.

Проговоривъ это онъ всталъ и ушелъ изъ-за стола. Черезъ нѣсколько минутъ сбылись и слова его...

III.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Только-что ушолъ М—цкій (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню.

Пьяный арестантъ, среди бѣла-дня, въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ начальникѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящимся въ острогѣ безотлучно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ при всѣхъ этихъ строгостяхъ, — совершенно спутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понятія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ, прежде чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа — естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любитъ деньги и цѣнить ихъ выше всего, почти наравнѣ съ свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онѣ звенятъ у него въ карманѣ. Напротивъ, онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и

падаетъ духомъ, если ихъ нѣтъ и тогда онъ готовъ и на воровство и на что попало, только бы ихъ добыть. Но несмотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоценностью, онѣ никогда не залеживались у счастливица, ихъ имѣющаго. Во-первыхъ трудно было ихъ сохранить, чтобъ не украли или не отобрали. Если маіоръ добирался до нихъ, при внезапныхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ-быть онъ употреблялъ ихъ на улучшеніе арестантской пищи; по крайней мѣрѣ онѣ приносились къ нему. Но всего чаще ихъ брали; ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на сохраненіе старику-старовѣру, поступившему къ намъ изъ стародубовскихъ слободъ, бывшихъ когда-то Вѣтковцевъ... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ непохожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно

поощряло ихъ и стало употреблять всё усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строиться едино-вѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошолъ въ ссылку, потому-что въ ослѣпленіи своемъ считалъ ее «мукою за вѣру». Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій какъ дитя человѣкъ, быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». — Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между-тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запирался въ этомъ. Казалось, что по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятые за него «муки» онъ долженъ бы былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы, большею частью сибиряки. Это былъ сильно развитой народъ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоѣды и по-своему сильные діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый въ высочайшей степени. Совсѣмъ другой человѣкъ былъ старикъ. Начетчикъ можетъ быть больше

ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени сообщительнаго. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся — не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шолъ къ сѣдинамъ. Можетъ-быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человѣка, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятель смѣхъ кого-нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человѣкъ хорошій. — Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понималъ, какое могъ онъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но, несмотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлечимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачь. Старикъ сидѣлъ на печи (той самой, на которой прежде него по ночамъ молился зачитавшійся, хотѣвшій убить майора) и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидаться!» Не могу рассказать какъ мнѣ стало грустно. — Вотъ этому-то старику мало-помалу почти

всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть. Знали, что онъ куда-то пряталъ врученныя ему деньги, но въ такое потаенное мѣсто, что никому нельзя было ихъ отыскать. Впослѣдствіи мнѣ и нѣкоторымъ изъ поляковъ онъ объяснилъ свою тайну. Въ одной изъ палъ былъ сучокъ, повидимому твердо сросшійся съ деревомъ. Но онъ вынимался и въ деревѣ оказалось большое углубленіе. Туда-то дѣдушка пряталъ деньги и потомъ опять вкладывалъ сучокъ, такъ что никто никогда не могъ ничего отыскать.

Но я отклонился отъ разказа. Я остановился на томъ: почему въ казармѣ у арестанта не залеживались деньги. Но кромѣ труда убересть ихъ, въ острогѣ было столько тоски; арестантъ же по природѣ своей существо дотога жаждущее свободы и наконецъ, по социальному своему положенію, дотога легкомысленное и безпорядочное, что его естественно влечетъ вдругъ «развернуться на всѣ», закутить на весь капиталъ, съ громомъ и съ музыкой, такъ чтобъ забыть, хоть на минуту, тоску свою. Даже странно было смотрѣть, какъ иной изъ нихъ работаетъ, не разгибая шеи, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, единственно для того, чтобъ въ одинъ день спустить весь заработокъ, все дочиста, а потомъ опять, до новаго кутежа, нѣскольку мѣсяцевъ корпѣть за работой. — Многіе изъ нихъ любили заводить себѣ обновки, и непременно партикулярнаго свой-

ства: какіе-нибудь неформенные, черные штаны, поддевки, сибирки. Въ большомъ употребленіи были тоже ситцевыя рубашки и пояса съ мѣдными бляхами. Рядились въ праздники и разрядившійся непременно бывало пройтись по всѣмъ казармамъ показать себя всему свѣту. Довольство хорошо-одѣтаго доходило до ребячества: да и во многомъ арестанты были совершенныя дѣти. Правда, всѣ эти хорошія вещи какъ-то вдругъ исчезали отъ хозяина, иногда въ тотъ же вечеръ закладывались и спускались за безцѣнокъ. Впрочемъ кутежь развертывался постепенно. Пригонялся онъ обыкновенно или къ праздничнымъ днямъ, или къ днямъ именинъ кутившаго. Арестантъ-именинникъ, вставая поутру, ставилъ къ образу свѣчку и молился; потомъ наряжался и заказывалъ себѣ обѣдь. Покупалась говядина, рыба, дѣлались сибирскіе пельмени; онъ наѣдался какъ воль, почти всегда одинъ, рѣдко приглашая товарищей раздѣлить свою трапезу. Потомъ появлялось и вино: именинникъ напивался какъ стелька и непременно ходилъ по казармамъ, покачиваясь и спотыкаясь, стараясь показать всѣмъ, что онъ пьянъ, что онъ «гуляетъ», и тѣмъ заслужить всеобщее уваженіе. Вездѣ въ русскомъ народѣ къ пьяному чувствуется нѣкоторая симпатія; въ острогѣ же къ загулявшему даже дѣлались почтительны. Въ острожной гульбѣ былъ своего рода аристократизмъ. Развеселившись, арестантъ непременно занималъ музыку. Былъ въ острогѣ одинъ полячокъ изъ бѣглыхъ солдатъ, очень гаденькій, но

игравшій на скрипкѣ и имѣвшій при себѣ инструментъ — все свое достояніе. Ремесла онъ не имѣлъ никакого и тѣмъ только и промышлялъ, что нанимался къ гуляющимъ играть веселые танцы. Должность его состояла въ томъ, чтобъ безотлучно слѣдовать за своимъ пьянымъ хозяиномъ изъ казармы въ казарму и пилить на скрипкѣ изъ всей мочи. Часто на лицѣ его являлась скука, тоска. Но окрикъ: «играй, деньги взял!» заставлялъ его снова пилить и пилить. Арестантъ, начиная гулять, могъ быть твердо увѣренъ, что если онъ ужь очень напьется, то за нимъ непременно присмотрятъ, вовремя уложатъ спать и всегда куда-нибудь спрячутъ при появленіи начальства, и все это совершенно безкорыстно. Съ своей стороны унтеръ-офицеръ и инвалиды, жившіе для порядка въ острогѣ, могли быть тоже совершенно спокойны: пьяный не могъ произвести никакого беспорядка. За нимъ смотрѣла вся казарма и еслибъ онъ зашумѣлъ, забунтовалъ — его бы тотчасъ же умирили, даже просто связали бы. А потому низшее острожное начальство смотрѣло на пьянство сквозь пальцы, да и не хотѣло замѣчать. Оно очень хорошо знало, что не позволъ вина, такъ будетъ и хуже. — Но откуда же доставалось вино?

Вино покупалось въ острогѣ же, у такъ называемыхъ цѣловальниковъ. Ихъ было нѣсколько человекъ, и торговлю свою они вели непрерывно и успѣшно, несмотря на то, что пьющихъ и «гуляющихъ» было вообще немного, потому что гульба требовала денегъ,

а арестантскія деньги добывались трудно. Торговля начиналась, шла и разрѣшалась довольно оригинальнымъ образомъ. Иной арестантъ, положимъ, не имѣетъ ремесла и не желаетъ трудиться (такіе бывали), но хочетъ имѣть деньги и притомъ человѣкъ нетерпѣливый, хочетъ скоро нажиться. У него есть нѣсколько денегъ для начала, и онъ рѣшается торговать виномъ: предпріятіе смѣлое, требующее большого риска. Можно было за него поплатиться спиной и разомъ лишиться товара и капитала. Но цѣловальникъ на то идетъ. Денегъ у него сначала немного, и потому въ первый разъ онъ самъ проноситъ въ острогъ вино и разумѣется сбываетъ его выгоднымъ образомъ. Онъ повторяетъ опытъ второй и третій разъ, и если не попадаетъ начальству, то быстро расторговывается, и только тогда основываетъ настоящую торговлю на широкихъ основаніяхъ; дѣлается антрепренеромъ, капиталистомъ, держитъ агентовъ и помощниковъ, рискуетъ гораздо меньше, а наживаетъ все больше и больше. Рискують за него помощники.

Въ острогѣ всегда бываетъ много народу промотавшагося, проигравшагося, прогулявшаго все до копѣйки, народу безъ ремесла, жалкаго и оборванаго, но одареннаго до извѣстной степени смѣлостью и рѣшимостью. У такихъ людей остается, въ видѣ капитала, въ цѣлости одна только спина; она можетъ еще служить къ чему-нибудь, и вотъ этотъ-то послѣдній капиталъ промотавшійся гуляка и рѣшается пустить въ оборотъ.

Онъ идетъ къ антрепренеру и нанимается къ нему для проноски въ острогъ вина; у богатаго цѣловальника такихъ работниковъ нѣскольکو. Гдѣ-нибудь внѣ острога существуетъ такой человѣкъ, — изъ солдатъ, изъ мѣщанъ, иногда даже дѣвка, — который на деньги антрепренера и за извѣстную премію, сравнительно очень немалую, покупаетъ въ кабацкѣ вино и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда арестанты приходятъ на работу. Почти всегда поставщикъ первоначально испробовываетъ доброту воды и отпитое — безчеловѣчно добавляетъ водой; — бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишкомъ разборчивымъ; и то хорошо, что еще не совсѣмъ пропали его деньги и доставлена водка, хоть какая-нибудь да все-таки водка. Къ этому-то поставщику и являются, указанные ему напередъ отъ острожнаго цѣловальника, проносители, съ бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываются, потомъ наливаются водой и, такимъ образомъ, сохраняются въ первоначальной влажности и растяжимости, чтобы современемъ быть удобными къ воспріятію воды. Наливъ кишки водкой, арестантъ обвязываетъ ихъ кругомъ себя, по возможности въ самыхъ скрытныхъ мѣстахъ своего тѣла. Разумѣется, при этомъ выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость контрабандиста. Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойныхъ и караульныхъ. Онъ ихъ надуетъ: у хорошаго вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутскій, всегда прозѣваетъ. Разумѣется, кон-

войный изучается предварительно; ктому же принимается въ соображеніе время, мѣсто работы. Арестантъ напримѣръ печникъ, полѣзеть на печь: кто увидить, что онъ тамъ дѣлаеть? Не лѣзть-же за нимъ и конвойному. Подходя къ острогу, онъ беретъ въ руки монетку, — пятнадцать или двадцать копѣекъ серебромъ, на всякій случай, и ждетъ у воротъ ефрейтора. Всякаго арестанта, возвращающагося съ работы, караульный ефрейторъ осматриваетъ кругомъ и ощупываетъ и потомъ уже отпираетъ ему двери острога. Проноситель вина обыкновенно надѣется, что посовѣстятся слишкомъ подробно его ощупывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но иногда пролазь-ефрейторъ добирается и до этихъ мѣстъ и нащупываетъ вино. Тогда остается одно послѣднее средство: контрабандистъ, молча и скрытно отъ конвойнаго, суетъ въ руки ефрейтора затаенную въ рукѣ монетку. Случается, что вслѣдствіе такого маневра, онъ проходитъ въ острогъ благополучно и проноситъ вино. Но иногда маневръ не удается, и тогда приходится расчитаться своимъ послѣднимъ капиталомъ, т. е. спиной. Докладываютъ маіору, капиталъ сѣкутъ, и сѣкутъ больно, вино отбирается въ казну, и контрабандистъ принимаетъ все на себя, не выдавая антрепренера, но, замѣтимъ себѣ, не потому, чтобъ гнушался доноса, а единственно потому, что доносъ для него невыгоденъ; его бы все-таки высѣкли; все утѣшеніе было бы въ томъ, что ихъ бы высѣкли обоихъ. Но антрепренеръ ему еще нуженъ, хотя, по обычаю и по предвари-

тельному договору, за высѣченную спину контрабандистъ не получаетъ съ антрепренера ни копѣйки. Что же касается вообще доносовъ, то они обыкновенно процвѣтають. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, еслибъ вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли. Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ маіорскимъ деньщикомъ Оедькой и служилъ у него шпиономъ, а тотъ передавалъ все, услышанное имъ объ арестантахъ, маіору. У насъ всѣ это знали, и никто никогда даже и не вздумалъ наказать или хоть бы укорить негодяя.

Но я отклонился всторону. Разумѣется, бываетъ, что вино проносится и благополучно; тогда антрепренеръ принимаетъ принесенныя кишки, заплативъ за нихъ деньги и начинаетъ расчитывать. По расчету оказывается, что товаръ стоитъ уже ему очень дорого; а потому, для бѣльшихъ барышей, онъ переливаетъ его еще разъ, сызнава разбавляя еще разъ водой, чуть не на половину, и такимъ образомъ приготовившись совершенно, ждетъ покупателя. Въ первый же праздникъ, а иногда въ будни, покупатель является: это арестантъ, работавшій нѣсколько мѣсяцевъ какъ кордонный волъ и скопившій копѣйку, чтобы пропить все въ заранѣе опредѣленный для того день. Этотъ день

еще задолго до своего появления снился бѣдному труженнику и во снѣ и въ счастливыхъ мечтахъ за работой, и обаяніемъ своимъ поддерживалъ его духъ на скучномъ поприщѣ осторожной жизни. Наконецъ, заря свѣтлаго дня появляется на востокѣ; деньги скоплены, не отобрали, не украдены, и онъ ихъ несетъ цѣловальнику. Тотъ подаетъ ему сначала вино, возможности чистое, т. е. всего только два раза разбавленное; но, по мѣрѣ отпиванія изъ бутылки, все отпитое немедленно добавляется водою. За чашку вина платится впятеро, вшестеро больше, чѣмъ въ кабацѣ. Можно представить себѣ, сколько нужно выпить такихъ чашекъ и сколько заплатить за нихъ денегъ, чтобъ напиться! Но по отвычкѣ отъ питья и отъ предварительнаго воздержанія, арестантъ хмѣлѣетъ довольно скоро, и обыкновенно продолжаетъ пить до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ свои деньги. Тогда идутъ въ ходъ всѣ обновки: цѣловальникъ въ тоже время и ростовщикъ. Сперва поступаютъ къ нему новозаведенныя партикулярныя вещи, потомъ доходить и до стараго хлама, а наконецъ и до казенныхъ вещей. Съ пропитіемъ всего, до послѣдней тряпки, пьяница ложится спать, и на другой день, проснувшись съ неминуемой трескотней въ головѣ, тщетно проситъ у цѣловальника хоть глотокъ вина на похмѣлье. Грустно переноситъ онъ невзгду, и въ тотъ же день принимается опять за работу и опять нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ, не разгибая шеи, мечтая о счастливомъ ку-

тежномъ днѣ, безвозвратно канувшемъ въ вѣчность, и мало-помалу начиная ободряться и поджидать другого такого же дня, который еще далеко, но который все-таки придетъ же когда-нибудь, въ свою очередь.

Чтоже касается цѣловальника, то наторговавъ наконецъ огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, онъ заготавливаетъ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому-что назначаетъ его для себя; довольно торговать: пора и самому поприрадовать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія; задобривается даже и ближайшее, низшее острожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣсколько дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не пропиваетъ всего до копейки. Какъ ни оберегаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадаетъ на глаза высшему начальству, маіору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, избираютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ, и въ заключеніе сѣкутъ. Встряхнувшись, онъ приходитъ обратно въ острогъ и чрезъ нѣсколько дней снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные изъ гулякъ, разумѣется богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробираются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштатъ, въ сопровожденіи подкупленнаго конвойнаго. Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домикѣ, гдѣ-нибудь

на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ, и ухлопываются дѣйствительно большія суммы. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ-нибудь заранѣ, съ знаніемъ дѣла. Обыкновенно такіе конвойные сами — будущіе кандидаты въ острогъ. Впрочемъ за деньги все можно сдѣлать, и такія путешествія остаются почти всегда въ тайнѣ. Надо прибавить, что они весьма рѣдко случаются; на это надо много денегъ, и любители прекраснаго пола прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, совершенно безопаснымъ...

Еще съ первыхъ дней моего острожнаго житія одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенькій мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо, во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отроду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ безрочномъ, слѣдственно считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое, нѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полуобритая голова мало его безобразила: такой онъ былъ хорошенькій мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть понемногу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ неряхой. Развѣ кто другой одѣнетъ его хорошо, иногда даже

въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показывается. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходитъ бывало за казармами — руки въ карманахъ, смиренный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Okликнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ же отвѣтитъ и даже какъ-то почтительно, не поарестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядитъ же на васъ какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги, — онъ не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, не отдастъ починить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ, а купитъ калачика, пряничка и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отроду. — «Эхъ ты, Сироткинъ! говорятъ бывало ему арестанты: — сирота ты казанская!» Въ нерабочее время онъ обыкновенно скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ, одному ему нечего дѣлать. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку (надъ нимъ и его товарищами таки часто посмѣивались), — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень просмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ: зачѣмъ это смиренное, простодушное существо явилось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подъ вечеръ, мы съ нимъ разговорились; онъ невзначай одушевился и, къ слову, расска-

заль мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ про-
вожая его плакала надъ нимъ его мать и какъ тяжело
ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ
не могъ вытерпѣть рекрутской жизни: потому-что тамъ
все были такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда
почти были имъ недовольны...

— Какъ же кончилось? спросилъ я: — зачтожь ты
сюда-то попалъ? да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ
ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ
пробылъ въ батальонѣ; а сюда пришолъ за то, что
Григорья Петровича, моего ротнаго командира, убилъ.

— Слышалъ я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну
кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Ужь
оченно мнѣ тяжело стало.

— Да какъ же другіе-то рекруты живутъ? Конечно
тяжело сначала, а потомъ привыкають и, смотришь,
выходить славный солдатъ. Тебя должно-быть мать за-
баловала; пряничками да молочкомъ до восемнадцати
лѣтъ кормила.

— Матушка-то меня, правда, очень любила-съ.
Когда я въ некруты пошолъ, она послѣ меня слегла,
да слышно, и не вставала... Горько мнѣ ужъ очень,
подконецъ по некрутству стало. Командиръ не взлю-
билъ, за все наказываетъ, — а и зачто-съ? Я все́мъ
покоряюсь, живу въ агурать; винишка не пью, ничѣмъ
не заимствуюсь, а ужъ это, Александръ Петровичъ,

плохое дѣло, коли чѣмъ займствуется человѣкъ. — Все кругомъ такіе жестокосердые, — всплакнута негдѣ. Бывало пойдешь куда за уголь, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ. Ужь ночь; поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ: осень была, а темень такая, что хотъ глазъ раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло наставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него и большимъ пальцемъ ноги спустилъ курокъ. Смотрю — осѣчка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешокъ пообилъ и опять къ груди приставилъ. Чтоже-съ? порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! — Чтожь это, думаю? Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ примкнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать: хотъ куда хошь, только вонъ изъ некрутства! Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главнымъ рундомъ правилъ. Прямо на меня: «Развѣ такъ стоятъ въ караулѣ?» Я взялъ ружье на-руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошолъ, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Онъ не лгалъ. Да и зачто же его прислали бы въ особое отдѣленіе? Обыкновенныя преступленія наказываются гораздо легче. Впрочемъ только одинъ Сироткинъ и былъ изъ всѣхъ своихъ товарищей такой красавчикъ. Чтоже касается другихъ, подобныхъ ему, которыхъ было у насъ всѣхъ человѣкъ до пятнадцати, то

даже странно было смотрѣть на нихъ; только два-три лица были еще сносны; остальные же все такіе вислоухіе, безобразные, неряхи; иные даже сѣдые. Если позволять обстоятельства, я скажу когда-нибудь о всей этой кучкѣ подробнѣе. Сироткинъ же часто былъ друженъ съ Газинымъ, тѣмъ самымъ, по поводу котораго я началъ эту главу, упомянувъ, что онъ пьяный ввалился въ кухню и что это спутало мои первоначальныя понятія объ осторожной жизни.

Этотъ Газинъ былъ ужасное существо. Онъ производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. Я видѣлъ въ Тобольскѣ знаменитаго своими злодѣяніями разбойника Каменева; видѣлъ потомъ Соколова, подсудимаго арестанта, изъ бѣглыхъ солдатъ, страшнаго убійцу. Но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого отвратительнаго впечатлѣнія какъ Газинъ. Мнѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собою огромнаго, исполинскаго паука, съ человѣка величиною. Онъ былъ татаринъ; ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ исподлобья. Въ острогѣ носились объ немъ странные слухи: знали, что онъ былъ изъ военныхъ; но арестанты толковали межъ собою, не знаю правда ли, что онъ бѣглый изъ Нерчинска; въ Сибирь сосланъ былъ уже неразъ, бѣгалъ неразъ, неразъ пе-

ремѣняли имя, и наконецъ-то попалъ въ нашъ острогъ, въ особое отдѣленіе. Разсказывали тоже про него, что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: заведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто; сначала напугаетъ его, измучаетъ, и уже вполнѣ насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ. Все это можетъ-быть и выдумывали, вслѣдствіе общаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое производилъ собою на всѣхъ Газинъ, но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему, были клицу. А между тѣмъ въ острогѣ онъ велъ себя, нещяный, въ обыкновенное время, очень благоразумно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился и избѣгалъ ссоръ, но какъ-будто отъ презрѣнія къ другимъ, какъ-будто считая себя выше всѣхъ остальныхъ: говорилъ очень мало и былъ какъ-то преднамѣренно несообщителенъ. Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень неглупъ и чрезвычайно хитеръ; но что-то высокомерно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ. Онъ торговалъ виномъ и былъ въ острогѣ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ цѣловальниковъ. Но въ годъ два ему приходилось напиваться самому пьянымъ, и вотъ тутъ-то высказывалось все звѣрство его натуры. Хмѣлѣя постепенно, онъ сначала начиналъ задирать людей насмѣшками, самыми злыми, рассчитанными и какъ-будто давно заготовленными; наконецъ, охмѣлѣвъ

совершенно, онъ приходилъ въ страшную ярость, схватывалъ ножъ и бросался на людей. Арестанты, зная его ужасную силу, разбѣгались отъ него и прятались; онъ бросался на всякаго встрѣчнаго. Но скоро нашли способъ справляться съ нимъ. Человѣкъ десять изъ его казармы бросались вдругъ на него всѣ разомъ и начинали бить. Невозможно представить себѣ ничего жестооче этого битья: его били въ грудь, подъ сердце, подъ ложечку, въ животъ; били много и долго, и переставали только тогда, когда онъ терялъ всѣ свои чувства и становился какъ мертвый. Другого бы не рѣшились такъ бить: такъ бить — значило убить; но только не Газина. Послѣ битья, — его, совершенно безчувственного, завертывали въ полушубокъ и относили на нары. — «Отлежится молъ!» — И дѣйствительно, на утро онъ вставалъ почти здоровый и молча и угрюмо выходилъ на работу. — И каждый разъ, когда Газинъ напивался пьянъ, въ острогѣ всѣ уже знали, что день кончится для него непременно побоями. Да и самъ онъ зналъ это и все-таки напивался. Такъ шло нѣсколько лѣтъ. Наконецъ замѣтили, что и Газинъ начинаетъ поддаваться. Онъ сталъ жаловаться на разные боли, сталъ замѣтно хирѣть; все чаще и чаще ходилъ въ госпиталь... «Поддался таки!» говорили про себя арестанты.

Онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи того гаденькаго полячка со скрипкой, котораго обыкновенно нанимали гулявшіе для полноты своего увеселенія, и остановился посреди кухни, молча и внимательно огля-

дывая всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, увидя тогда меня и моего товарища, онъ злобно и насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ, самодовольно улыбнулся, что-то какъ-будто сообразилъ про себя и, сильно покачиваясь, подошелъ къ нашему столу:

— А позволѣте спросить, началъ онъ (онъ говорилъ порусски): — вы изъ какихъ доходовъ изволите здѣсь чай распивать?

Я молча переглянулся съ моимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ приполъ бы въ ярость.

— Стало-быть у васъ деньги есть? продолжалъ онъ допрашивать.

— Стало-быть у васъ денегъ куча, а? А развѣ вы затѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чай распивать? Вы чай распивать пришли? Да говорите же, чтобъ васъ!...

Но видя, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (лотокъ), въ которую складывался весь нарѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика, что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного, и онъ бы раздробилъ намъ головы. Несмотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными неприя́тностями всему острогу: начались бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому аре-

станты всѣми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — несмотря на это, теперь всѣ притихли и выжидали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газина! — до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только-что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то кривнулъ изъ сѣней:

— Газинъ! Вино украли!...

Онъ грохнулъ сельницу на полъ и какъ сумашедшій бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! говорили межъ собой арестанты. — И долго потомъ они говорили это.

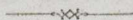
Я не могъ узнать потомъ, было ли это извѣстіе о покражѣ вина справедливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечеромъ, уже въ темнотѣ, передъ запоромъ казармъ, я ходилъ около палъ и тяжолая грусть пала мнѣ на душу, и никогда послѣ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день заточенія, гдѣ бы то ни было: въ острогѣ ли, въ казаматѣ ли, въ каторгѣ ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ, — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь: это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣже преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнить одно съ другимъ, даже

приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и потому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ напримѣръ зарѣзаль человѣка такъ, за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзаль мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. «Чтожь, батька! ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзаль и всего-то луковицу нашолъ. — Дуракъ! луковица — анъ копѣйка! Сто душъ — сто луковицъ, вотъ-те и рубль!» — (Острожная легенда). — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И чтоже? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть варіація въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но варіацій этихъ, сравнительно, немного; а варіацій въ одномъ и томъ же родѣ преступленій — безчисленное множество. Что характеръ, то и варіація. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача — квадратура круга, положимъ такъ. Но еслибъ даже это неравенство и не су-

ществовало, — посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человекъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ какъ свѣча; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ напримѣръ человекъ образованный, съ развитой совѣстью, съ знаніемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ниразу о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленія, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего антрепренера съ утра до ночи; а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаваніе, есть возможность заработать копѣйку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всезнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почтительнымъ изумленіемъ; онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ быть въ

свѣтъ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ одинаково чувствительно? Но впрочемъ что заниматься неразрѣшными вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

IV.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Началась послѣдняя повѣрка. Послѣ этой повѣрки запирались казармы, каждая особымъ замкомъ, и арестанты оставались запертыми вплоть до разсвѣта.

Повѣрка производилась унтеръ-офицеромъ съ двумя солдатами. Для этого арестантовъ выстраивали иногда на дворѣ и приходилъ караульный офицеръ. Но чаще вся эта церемонія происходила домашнимъ образомъ: повѣряли по казармамъ. Такъ было и теперь. Повѣряющіе часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконецъ бѣдные караульные досчитались до желанной цыфры и заперли казарму. Въ ней помѣщалось человекъ до тридцати арестантовъ, сбитыхъ довольно тѣсно на нарахъ. Спать было еще рано. Каждый, очевидно, долженъ былъ чѣмъ-нибудь заняться.

Изъ начальства въ казармѣ оставался только одинъ инвалидъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Въ

каждой казармѣ тоже былъ старшій изъ арестантовъ, назначаемый самимъ плацъ-маіоромъ, разумѣется за хорошее поведеніе. Очень часто случалось, что и старшіе въ свою очередь попадались въ серьезныхъ шалостяхъ; тогда ихъ сѣкли, немедленно разжалывали въ младшіе и замѣщали другими. Въ нашей казармѣ старшимъ оказался Акимъ Акимычъ, который, къ удивленію моему, нерѣдко покрикивалъ на арестантовъ. Арестанты отвѣчали ему обыкновенно насмѣшками. Инвалидъ былъ умнѣе его и ни во что не вмѣшивался, а если и случалось ему шевелить когда языкомъ, то не болѣе какъ изъ приличія, для очистки совѣсти. Онъ молча сидѣлъ на своей койкѣ и тачалъ сапогъ. Арестанты не обращали на него почти никакого вниманія.

Въ этотъ первый день моей осторожной жизни я сдѣлалъ одно наблюденіе и впослѣдствіи убѣдился, что оно вѣрно. Именно: что всѣ не арестанты, кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, какъ-то конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторжнымъ бытомъ — какъ-то преувеличенно смотрятъ на арестантовъ. Точно они каждую минуту въ безпокойствѣ ожидаютъ, что арестантъ нѣтъ-нѣтъ, да и бросится на кого-нибудь изъ нихъ съ ножомъ. Но что всего замѣчательнѣе — сами арестанты сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу. А между тѣмъ самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, ко-

торый ихъ не боится. Да и вообще, несмотря на куражъ, самимъ арестантамъ гораздо пріятнѣе, когда къ нимъ имѣютъ довѣріе. Этимъ ихъ можно даже привлечь къ себѣ. Случалось въ мое осторожное время, хотя и чрезвычайно рѣдко, что кто-нибудь изъ начальства заходилъ въ острогъ безъ конвоя. Надо было видѣть, какъ это поражало арестантовъ, и поражало съ хорошей стороны. Такой безстрашный посѣтитель всегда возбуждалъ къ себѣ уваженіе, и еслибъ даже дѣйствительно могло случиться что-нибудь дурное, то при немъ бы оно не случилось. Внушаемый арестантами страхъ повсемѣстенъ, гдѣ только есть арестанты, и право не знаю, отчего онъ собственно происходитъ. Нѣкоторое основаніе онъ конечно имѣетъ, начиная съ самаго наружнаго вида арестанта, признаннаго разбойника; кромѣ того всякій, подходящій къ каторгѣ, чувствуетъ, что вся эта куча людей собралась здѣсь не своею охотою, и что, несмотря ни на какія мѣры, живого человѣка нельзя сдѣлать трупомъ: онъ останется съ чувствами, съ жаждой мщенія и жизни, съ страстями и съ потребностями удовлетворить ихъ. Но несмотря на то, я положительно увѣренъ, что бояться арестантовъ все-таки нечего. Не такъ легко и не такъ скоро бросается человѣкъ съ ножомъ на другого человѣка. Однимъ словомъ, если и возможна опасность, если она и бываетъ иногда, то, по рѣдкости подобныхъ несчастныхъ случаевъ, можно прямо заключить, что она ничтожна. Разумѣется, я говорю теперь только объ арестантахъ рѣ-

шонныхъ, изъ которыхъ даже многіе рады, что добрались наконецъ до острога (до того хороша бываетъ иногда жизнь новая!), а слѣдовательно расположены жить спокойно и мирно; да кромѣ того и дѣйствительно спокойнымъ изъ своихъ сами не дадутъ много куражиться. Каждый каторжный, какъ бы онъ смѣль и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ. Подсудимый же арестантъ — другое дѣло. Этотъ дѣйствительно способенъ броситься на посторонняго человѣка такъ, ни за что, единственно потому наприимѣръ, что ему завтра должно выходить къ наказанію; а если затѣется новое дѣло, то стало-быть отдалается и наказаніе. Тутъ есть причина, цѣль нападенія: это — «перемѣнить свою участь» во что бы ни стало и какъ можно скорѣе. Я даже знаю одинъ странный психологическій случай въ этомъ родѣ.

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишонный правъ состоянія, присланный года на два въ острогъ по суду, страшный фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Вообще фанфаронство и трусость встрѣчаются въ русскомъ солдатѣ чрезвычайно рѣдко. Нашъ солдатъ смотритъ всегда такимъ занятымъ, что еслибъ и хотѣлъ, то ему бы некогда было фанфаронить. Но если ужъ онъ фанфаронъ, то почти всегда бездѣльниязъ и трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ наконецъ свой коротенькій срокъ и вышелъ опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобные, посылаемые въ острогъ для

исправленія, окончательно въ немъ балуются, то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ не на два или на три года, а во «всегдашній» разрядъ, на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ-подъ замка; сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до-нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать сквозь строй, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилить свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія! Онъ до того былъ трусъ, что бросившись съ ножомъ, онъ даже не ранилъ офицера; а сдѣлалъ все для проформы, для того только, чтобъ оказалось новое преступленіе, за которое бы его опять стали судить.

Минута передъ наказаніемъ конечно ужасна для приговореннаго, и мнѣ въ нѣсколько лѣтъ пришлось видѣть довольно подсудимыхъ, наканунѣ рокового для нихъ дня. Обыкновенно я встрѣчался съ подсудимыми арестантами въ госпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ,

когда лежалъ больной, что случалось довольно часто. Извѣстно всѣмъ арестантамъ во всей Россіи, что самые сострадательные для нихъ люди — доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ невольнo дѣлаютъ почти всѣ посторонніе, кромѣ развѣ одного простого народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастье. Недаромъ же весь народъ во всей Россіи называетъ преступленіе несчастьемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубокознаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано безсознательно, инстинктивно. Доктора же — истинное прибѣжище арестантовъ, во многихъ случаяхъ, особенно для подсудимыхъ, которые содержатся тяжеле рѣшковыхъ... И вотъ подсудимый, рассчитавъ вѣроятный срокъ ужаснаго для него дня, уходитъ часто въ госпиталь, желая хоть сколько-нибудь отдалить тяжолоую минуту. Когда же онъ обратно выписывается, почти навѣрно зная, что роковой срокъ завтра, то всегда почти бываетъ въ сильномъ волненіи. Иные стараются скрыть свои чувства изъ самолюбія, но неловкій, напускной куражъ не обманываетъ ихъ товарищей. Всѣ понимаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ про себя изъ челоуѣколюбія. Я зналъ одного арестанта, молодого челоуѣка, убійцу, изъ солдатъ, приговореннаго къ полному числу палокъ. Онъ до того заробѣлъ, что наканунѣ наказанія рѣшился выпить крышку вина, настоявъ въ немъ нюхальнаго та-

баку. Кстати: вино всегда является у подсудимаго арестанта передъ наказаніемъ. Оно проносится еще за долго до срока, добывается за большія деньги и подсудимый скорѣе будетъ полгода отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, но скопить нужную сумму на четверть штофа вина, чтобъ выпить его за четверть часа до наказанія. Между арестантами вообще существуетъ убѣжденіе, что хмѣльной не такъ больно чувствуетъ плеть или палки. Но я отвлекся отъ разказа. Бѣдный малый, выпивъ свою крышку вина, дѣйствительно тотчасъ же сдѣлался боленъ; съ нимъ началась рвота съ кровью, и его отвезли въ госпиталь почти безчувственнымъ. Эта рвота дотога разстроила его грудь, что черезъ нѣсколько дней въ немъ открылись признаки настоящей чахотки, отъ которой онъ умеръ черезъ полгода. Доктора, лечившіе его отъ чахотки, не знали отчего она произошла.

Но рассказывая о часто встрѣчающемся малодушіи преступниковъ передъ наказаніемъ, я долженъ прибавить, что, напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ изумляютъ наблюдателя необыкновеннымъ безстрашіемъ. Я помню нѣсколько примѣровъ отваги, доходившей до какой-то безчувственности, и примѣры эти были не совсѣмъ рѣдки. Особенно помню я мою встрѣчу съ однимъ страшнымъ преступникомъ. Въ одинъ лѣтній день распространился въ арестантскихъ палатахъ слухъ, что вечеромъ будутъ наказывать знаменитаго разбойника Орлова, изъ бѣглыхъ солдатъ, и послѣ наказанія при-

ведутъ въ палаты. Больные арестанты, въ ожиданіи Орлова, утверждали, что накажутъ его жестоко. Всѣ были въ нѣкоторомъ волненіи и, признаюсь, я тоже ожидалъ появленія знаменитаго разбойника съ крайнимъ любопытствомъ. Давно уже я слышалъ о немъ чудеса. Это былъ злодѣй, какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей, — человѣкъ съ страшною силой воли и съ гордымъ сознаніемъ своей силы. Онъ повинился во многихъ убійствахъ и былъ приговоренъ къ наказанію палками, сквозь строй. Привели его уже вечеромъ. Въ палатѣ уже стало темно и зажгли свѣчи. Орловъ былъ почти безъ чувствъ, страшно блѣдный, съ густыми, включенными черными какъ смоль волосами. Спина его вспухла и была кроваво-синяго цвѣта. Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ-нибудь своимъ благодѣтелемъ. На другой же день онъ очнулся вполне и прошолся раза два по палатѣ! Это меня изумило: онъ прибылъ въ госпиталь слишкомъ слабый и измученный. Онъ прошолъ заразъ цѣлую половину всего предназначеннаго ему числа палокъ. Докторъ остановилъ экзекуцію только тогда, когда замѣтилъ, что дальнѣйшее продолженіе наказанія грозило преступнику неминуемой смертью. Кромѣ того Орловъ былъ малаго роста и слабаго сложенія, и ктому же истощенъ долгимъ содержаніемъ подъ судомъ. Кому случалось встрѣчать когда-нибудь подсудимыхъ арестан-

товъ, тотъ вѣроятно надолго запомнилъ ихъ изможденныя, худыя и блѣдныя лица, лихорадочныя взгляды. Несмотря на то, Орловъ быстро поправлялся. Очевидно, внутренняя, душевная его энергія сильно помогала натурѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Изъ любопытства я познакомился съ нимъ ближе и цѣлую недѣлю изучалъ его. Положительно могу сказать, что никогда въ жизни я не встрѣчалъ болѣе сильнаго, болѣе желѣзнаго характеромъ человѣка какъ онъ. Я видѣлъ уже разъ, въ Тобольскѣ, одну знаменитость въ такомъ же родѣ, одного бывшаго атамана разбойниковъ. Тотъ былъ дикій звѣрь вполнѣ, и вы, стоя возлѣ него и еще не зная его имени, уже инстинктомъ предчувствовали, что подлѣ васъ находится страшное существо. Но въ томъ ужасало меня духовное отупѣніе. Плоть до того брала верхъ надъ всѣми его душевными свойствами, что вы съ перваго взгляда по лицу его видѣли, что тутъ остались только одна дикая жажда тѣлесныхъ наслажденій, сладострастія, плотоугодія. Я увѣренъ, что Кореневъ — имя того разбойника — даже упалъ бы духомъ и трепеталъ отъ страха передъ наказаніемъ, несмотря на то, что способенъ былъ рѣзать даже непоморщившись. Совершенно противоположенъ ему былъ Орловъ. Это была наяву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что этотъ человѣкъ могъ повелѣвать собою безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ вы видѣли одну безконечную энергію,

жажду дѣятельности, жажду мщенія, жажду достигъ предположенной цѣли. Между прочимъ я пораженъ былъ его страннымъ высокобріемъ. Онъ на все смотрѣлъ какъ-то до невѣроятности свысока, но вовсе не усиливаясь подняться на ходули, а такъ, какъ-то натурально. Я думаю не было существа въ мірѣ, которое бы могло подѣйствовать на него однимъ авторитетомъ. На все онъ смотрѣлъ какъ-то неожиданно спокойно, какъ-будто не было ничего на свѣтѣ, что бы могло удивить его. И хотя онъ вполне понималъ, что другіе арестанты смотрятъ на него уважительно, но нисколько не рисовался передъ ними. А между тѣмъ тщеславіе и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія. Былъ онъ очень неглупъ и какъ-то странно откровененъ, хотя отнюдь не болтливъ. На вопросы мои онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что ждетъ выздоровленія, чтобъ поскорѣй выходить остальное наказаніе, и что онъ боялся сначала, передъ наказаніемъ, что не перенесетъ его. — «Но теперь, прибавилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, — дѣло кончено. Выхожу остальное число ударовъ, и тотчасъ же отправятъ съ партіей въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу! Непремѣнно бѣгу! Вотъ толькобъ скорѣе спина зажила!» — И всѣ эти пять дней онъ съ жадностью ждалъ, когда можно будетъ проситься на выписку. Въ ожиданіи же онъ былъ иногда очень смѣшливъ и веселъ. Я пробовалъ съ нимъ заговаривать объ его похожденияхъ. Онъ немного хмурился при этихъ распросахъ, но отвѣ-

чалъ всегда откровенно. Когда же понялъ, что я добираюсь до его совѣсти и добиваюсь въ немъ хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того презрительно и высококомѣрно, какъ-будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать какъ съ большими. Даже что-то въ родѣ жалости ко мнѣ изобразилось въ лицѣ его. Черезъ минуту онъ расхохотался надо мной самымъ простодушнымъ смѣхомъ, безъ всякой ироніи и, я увѣренъ, оставшись одинъ и вспоминая мои слова, можетъ-быть нѣсколько разъ онъ принимался про себя смѣяться. Наконецъ онъ выписался, еще съ несовѣмъ поджившей спиной; я тоже пошолъ въ этотъ разъ на выписку, и изъ госпиталя намъ случилось возвращаться вмѣстѣ: мнѣ въ острогъ, а ему въ кордегардію подлѣ нашего острога, гдѣ онъ содержался и прежде. Прощаясь, онъ пожалъ мнѣ руку, и съ его стороны это былъ знакъ высокой довѣренности. Я думаю, онъ сдѣлалъ это потому, что былъ очень доволенъ собой и настоящей минутой. Въ сущности онъ не могъ не презирать меня и непремѣнно долженъ былъ глядѣть на меня какъ на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всѣхъ отношеніяхъ передъ нимъ низшее. На завтра же его вывели къ вторичному наказанію...

Когда заперли нашу казарму, она вдругъ приняла какой-то особенный видъ, — видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть аре-

стантовъ, моихъ товарищей, вполнѣ какъ дома. Днемъ унтеръ-офицеры, караульные и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держатъ себя иначе, какъ-будто несполнѣ успокоившись, какъ-будто поминутно ожидая чего-то, въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размѣстились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный. Кто засѣлъ тачать сапоги, кто шить какую-нибудь одѣжу. — Мефитическій воздухъ казармы усиливался съ часу на часъ. Кучка гулякъ засѣла въ уголку на корточкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій ковригъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось: майданъ. Содержатель получалъ плату съ играющихъ, копейекъ пятнадцать за ночь; тѣмъ онъ и промышлялъ. Игроки играли обыкновенно въ три листа, въ горку и проч. Всѣ игры были азартныя. Каждый играющій высыпалъ передъ собою кучу мѣдныхъ денегъ — все что у него было въ карманѣ, и вставалъ съ корточекъ только проигравшись въ пухъ или обыгравъ товарищей. Игра кончалась поздно ночью, а иногда длилась до разсвѣта, до самой той минуты, какъ отворялась казарма. Въ нашей комнатѣ, также

какъ и во всѣхъ другихъ казармахъ острога, всегда бывали нищіе, байгуши, проигравшіеся и пропившіеся, или такъ просто, отъ природы нищіе. Я говорю «отъ природы» и особенно наираю на это выраженіе. Дѣйствительно, вездѣ въ народѣ нащемъ, при какой бы то ни было обстановкѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, всегда есть и будутъ существовать нѣкоторыя странныя личности, смиренныя и нерѣдко очень нелѣпныя, но которымъ ужь такъ судьбой предназначено на вѣки вѣчныя оставаться нищими. Они всегда были, они всегда неряхи, они всегда смотрятъ какими-то забитыми и чѣмъ-то удрученными и вѣчно состоятъ у кого-нибудь на помычкѣ, у кого-нибудь на посылкахъ, обыкновенно у гулякѣ или у внезапно разбогатѣвшихъ и возвысившихся. Всякій починъ, всякая инициатива — для нихъ горе и тягость. Они какъ-будто и родились съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ничего не начинать самимъ и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудкѣ; ихъ назначеніе — исполнять одно чужое. Въ довершеніе всего, никакія обстоятельства, никакіе перевороты не могутъ ихъ обогатить. Они всегда нищіе. Я замѣтилъ, что такія личности водятся и не въ одномъ народѣ, а во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, партіяхъ, журналахъ и ассоціаціяхъ. Такъ-то случалось и въ каждой казармѣ, въ каждомъ острогѣ, и только что составлялся майданъ, одинъ изъ такихъ немедленно являлся прислуживать. Да и вообще ни одинъ майданъ не могъ обойтись безъ прислужника. Его на-

нимали обыкновенно игроки всё вообще, на всю ночь, копёекъ за пять серебромъ, и главная его обязанность была стоять всю ночь на караулѣ. Большею частью онъ мерзъ часовъ шесть или семь въ темнотѣ, въ снѣгахъ, на тридцати-градусномъ морозѣ, и прислушиваясь къ каждому стуку, къ каждому звону, къ каждому шагу на дворѣ. Плацъ маіоръ или караульные являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора. По крайней мѣрѣ, когда вдругъ начиналъ гремѣть замокъ на дверяхъ изъ снѣней на дворъ, было уже поздно прятаться, тушить свѣчи и улягаться на нары. Но такъ какъ караульному прислужнику послѣ того больно доставалось отъ майдана, то и случаи такихъ промаховъ были чрезвычайно рѣдки. Пять копёекъ конечно смѣшно-ничтожная плата даже и для острога; но, меня всегда поражала въ острогѣ суровость и безжалостность нанимателей, и въ этомъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ. «Деньги взялъ, такъ и служи!» Это былъ аргументъ, нетерпѣвшій никакихъ возражений. За выданный грошъ наниматель бралъ все, что могъ брать, бралъ, если возможно, лишнее и еще считалъ, что онъ одолжаетъ наемщика. Гуляка, хмѣльной, бросающій деньги направо и налево безъ счету, непременно обсчитывалъ своего прислужника, и это замѣтилъ я не въ одномъ острогѣ, не у одного майдана.

Я сказалъ уже, что въ казармѣ почти всѣ усѣлись за какія-нибудь занятія: кромѣ игроковъ, было не болѣе пяти человѣкъ совершенно праздныхъ; они тотчасъ же легли спать. Мое мѣсто на нарахъ приходилось у самой двери. Съ другой стороны наръ, голова съ головой со мною, помѣщался Акимъ Акимычъ. Часовъ до десяти или до одиннадцати онъ работалъ, клеилъ какой-то разноцвѣтный китайскій фонарикъ, заказанный ему въ городѣ, за довольно хорошую плату. Фонарики онъ дѣлалъ мастерски, работалъ методически, не отрываясь; когда же кончилъ работу, то аккуратно прибрался, разостлалъ свой тюфячокъ, помолился Богу и благообразно улегся на свою постель. Благообразіе и порядокъ онъ простиралъ повидимому до самаго мелочнаго педантизма; очевидно, онъ долженъ былъ считать себя чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, какъ и вообще всѣ тупые и ограниченные люди. Не понравился онъ мнѣ съ перваго же дня, хотя помню, въ этотъ первый день я много о немъ раздумывалъ и всего болѣе дивился, что такая личность, вмѣсто того, чтобъ успѣвать въ жизни, очутилась въ острогѣ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ придется говорить объ Акимѣ Акимычѣ.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ, и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Понятно, что я вглядывался въ нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Слѣва отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка

кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большею частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо; почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, изподлобья и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ, тонкимъ, горбатымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Нурра, произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще нестарый, росту невысокаго, сложенный какъ геркулесъ, совершенный блондинъ съ свѣтло-лубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной прежней ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирной, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно; но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурного поступка. Былъ

онъ чрезвычайно богомоленъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили.— «Нурра — левъ», говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ, его воротятъ домой на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется онъ бы умеръ, еслибъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго, симпатизирующаго лица среди злыхъ, угрюмыхъ и насмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжныхъ. Въ первые полчаса какъ я пришолъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошолъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять, и такъ продолжалось три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался я и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ, какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а

на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо, съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ было у него пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять пашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго гунца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Всю милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень лю-

били его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылке, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ-будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутиломъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задумчивость, симпатичность, не загубить, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впоследствии. Онъ былъ цѣломудренъ какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ, зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со

мною онъ былъ только вѣжливъ. Мало-помалу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить порусски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?...

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ: но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ

его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспомина- ній, что тотчасъ же напoль, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мѣрѣ.

— Чтò, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздни- къ? Вѣрно тамъ хорошо?

— Да, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! что, тамъ лучше чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть теперь какіе цвѣты у васъ, ка- кой рай!...

— О-охъ, и не говори лучше. — Онъ былъ въ силь- номъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а чтò тебѣ?

— Должно-быть она красавица, если на тебя по- хожа.

— Чтò на меня! она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видаль такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ — никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ чѣмъ могъ въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, точалъ сапоги и, впоследствии, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, сказалъ я ему однажды, —

отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! и онъ даже всталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго завѣта,—книга, не за-прещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ-будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицо.

— Ахъ, да! отвѣчалъ онъ, — да, Иса святой про-рокъ, Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Чтожъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говорить!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то-есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили: что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполне были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполне счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не

плакалъ. «Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ», — говорилъ онъ, — «что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!...

Кромѣ черкесовъ въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; объ нихъ я буду говорить особо и подробно впослѣдствіи. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги. Первая книга, прочтенная мною, произвела на меня сильное, странное, особенное впечатлѣніе. Объ этихъ впечатлѣніяхъ я когда-нибудь скажу особо. Для меня они слишкомъ любопытны, и я увѣренъ, что многимъ они будутъ совершенно непонятны. Не испытавъ, нельзя судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Скажу одно: что нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолудинъ, идущій въ каторгу, приходитъ въ свое общество, даже можетъ быть еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ конечно много — родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ образованный,

подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолюдиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки; перейти въ среду для него недостаточную, долженъ пріучиться дышать не тѣмъ воздухомъ... Это — рыба, вытащенная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе, обращается для него вдесятеро мучительнѣйшее. Это истина... даже еслибъ дѣло касалось однихъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать.

Но поляки составляли особую цѣльную кучку. Ихъ было шестеро и они были вмѣстѣ. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жида и можетъ быть единственно потому, что онъ ихъ забавлялъ. Нашего жидка впрочемъ любили даже и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ у насъ одинъ и я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху. Каждый разъ, когда я глядѣлъ на него, мнѣ всегда приходилъ на память Гоголевъ жидокъ Янкель, изъ Тараса-Бульбы, который раздѣвшись, чтобъ отправиться на ночь съ своей жидовкой въ какой-то шкафъ, тотчасъ же сталъ ужасно похожъ на цыпенка. Исай Омичъ, нашъ жидокъ, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго цыпенка. Это былъ человѣкъ уже немолодой, лѣтъ около пятидесяти, маленькій ростомъ и слабосильный, хитренькій и въ тоже время рѣ-

шительно глупый. Онъ былъ дерзокъ и заносчивъ и въ тоже время ужасно трусливъ. Весь онъ былъ въ какихъ-то морщинкахъ, и на лбу и на щекахъ его были клейма, положенныя ему на эшафотѣ. Я никакъ не могъ понять, какъ могъ онъ выдержать шестьдесятъ плетей. Пришолъ онъ по обвиненію въ убійствѣ. У него былъ припрятанъ рецептъ, доставленный ему отъ доктора его жидками, тотчасъ же послѣ эшафота. По этому рецепту можно было получить такую мазь, отъ которой недѣли въ двѣ могли сойти его клейма. Употребить эту мазь въ острогѣ онъ не смѣлъ и выжидалъ своего двѣнадцати-лѣтняго срока каторги, послѣ которой, выйдя на поселеніе, непременно намѣревался воспользоваться рецептомъ. «Не то нельзя будетъ зениться, сказалъ онъ мнѣ однажды, — а я непременно хочу зениться». Мы съ нимъ были большіе друзья. Онъ всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Въ каторгѣ жить ему было легко; онъ былъ по ремеслу ювелиръ, былъ заваленъ работой изъ города, въ которомъ не было ювелира, и такимъ образомъ избавился отъ тяжелыхъ работъ. Разумѣется, онъ въ тоже время былъ ростовщикъ и снабжалъ подъ проценты и залоги всю каторгу деньгами. Онъ пришолъ прежде меня и одинъ изъ поляковъ описывалъ мнѣ подробно его прибытіе. Это пресмѣшная исторія, которую я расскажу впослѣдствіи; объ Исаѣ Өомичѣ я буду говорить еще не разъ.

Остальной людъ въ нашей казармѣ состоялъ изъ

четырёхъ старообрядцевъ, стариковъ и начетчиковъ, между которыми былъ и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; изъ двухъ-трехъ малороссовъ, мрачныхъ людей, изъ молоденькаго каторжнаго, съ тоненькимъ личикомъ и съ тоненькимъ носикомъ, лѣтъ двадцати трехъ, уже убившаго восемь душъ, изъ кучки фальшивыхъ монетчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ потѣшникъ всей нашей казармы и наконецъ изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ изъ подлобья кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы,— весь срокъ своей каторги. Все это только мелькнуло передо мной въ этотъ первый, безотрадный вечеръ моей новой жизни,— мелькнуло среди дыма и копоти, среди ругательствъ и невыразимаго цинизма, въ мефитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота. Я легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у меня еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя и былъ весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня. Но новая жизнь моя только еще начиналась. Многое еще ожидало меня впереди, о чемъ я никогда не мыслилъ, чего и не предугадывалъ...

V.

ПЕРВЫЙ МЪСЯЦЪ

Три дня спустя по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя въ продолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжелыхъ ощущеніяхъ. «Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогѣ!» — повторялъ я себѣ поминутно: — «вотъ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголь, въ который я вступаю съ такимъ недовѣрчивымъ, съ такимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ? можетъ-быть — когда, черезъ много лѣтъ, придется оставить его, — еще пожалѣю о немъ!...» — прибавлялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходитъ иногда до потребности нарочно беречь свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть дѣйствительно наслажденіе. Мысль современемъ пожалѣть объ этомъ углѣ — меня самого поражала ужасомъ: я и тогда уже предчувствовалъ, до какой

чудовищной степени приживчивъ человѣкъ. Но это еще было впереди, а покамѣстъ теперь, кругомъ меня все было враждебно и — страшно... хоть не все, но разумѣется такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые товарищи-каторжники, усиленная ихъ суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпораціи, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти,— все это дотога измучило меня, что я самъ желалъ ужь поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнать и извѣдать все мое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многого не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что у меня было подъ самымъ носомъ; между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднато. Впрочемъ нѣсколько привѣтливыхъ, ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣстъ сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ, я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. «Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе», — спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе: — кто знаетъ? эти люди можетъ-быть вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые *остались* тамъ, за острогомъ». Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой! — еслибъ я только

зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ напримѣръ тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполне, а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня тоже былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ, — Осипа, говоря, что за тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужъ такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантами по выбору въ наши двѣ кухни, хотя впрочемъ оставлялось вполне и на ихъ волю принять или не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хоть завтра же опять отказаться. Повара ужъ такъ и не ходили на работу, и вся должность ихъ состояла въ печеннн хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ), впрочемъ не изъ презрѣнн къ нимъ, тѣмъ болѣе, что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ милой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду

онъ постоянно былъ стряпкой, и отказывался иногда только на время, когда его ужь очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охота проносить вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости человѣкъ, хотя и пришолъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокій, здоровый малый, о которомъ уже я упоминалъ; трусъ до всего, особенно до розогъ, смиренный, безотвѣтный, ласковый со всѣми, ни съ кѣмъ *никогда* не поссорившійся, но который не могъ не проносить вина, несмотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговалъ тоже виномъ, хотя конечно не въ такомъ размѣрѣ, какъ напримѣръ Газинъ, потому-что не имѣлъ смѣлости на многое рискнуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Что же касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужь я былъ очень голоденъ, несмотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое впрочемъ почти совсѣмъ прошло впоследствии. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, по фунту на день. А зимой говядина у насъ стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надзора за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ

за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственнаго спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ они проносили табакъ, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. Объ винѣ ихъ не просили, хотя иногда и подчивали. Осипъ страпалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ зажареной говядины. Ужь какъ онъ былъ зажаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется бывало или отвѣтитъ *да* или *нѣтъ*, да и только. Даже странно было смотрѣть на этого геркулеса семи лѣтъ отъ роду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей, мнѣ помогавшихъ, былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашолъ меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ казенныхъ корытахъ, и мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ

мою куртку въ починку, смазываль мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяць; все это дѣлаль усердно, суетливо, какъ-будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ совершенно связаль свою судьбу съ моею и взяль всё мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ напримѣръ: «у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана» и проч., а всегда: «у насъ теперь столько-то рубахъ, у насъ куртка разорвана». Онъ такъ и смотрѣль мнѣ въ глаза и кажется приняль это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремесла или, какъ говорятъ арестанты, рукомесла у него не было никакого, и кажется только отъ меня онъ и добываль копѣйку. Я платиль ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбраль меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Быль онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться, и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ ночамъ въ сѣняхъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-маіора, и брали за это по пяти копѣекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ просмотра теряли все и отвѣчали спиной. Я ужь объ нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть не передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третъестепенную роль. Все это у нихъ ужь такъ по

природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкой малый, вполнѣ безотвѣтный и приниженный, даже забитый, хотя его и никто у насъ не билъ, а такъ ужъ отъ природы забитый. Мнѣ его всегда было отчего-то жаль. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства; а почему жаль, — я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать не умѣлъ, и видно, что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживлялся, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже наконецъ увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не высокъ и не малъ ростомъ, не хорошъ и не дурень, не глупъ и не уменъ, не молодъ и не старъ, немножко рябовать, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго объ немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ мнѣ кажется и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забитости и безотвѣтности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное за то, что онъ смѣнялся дорогою, идя въ партіи въ Сибирь, и смѣнялся за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣниться значить перемѣниться съ вѣмъ-нибудь именемъ, а слѣдственно и участію. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще

существовалъ между препровождающимися въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я никакъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось наконецъ повѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается напимѣрь въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе: и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселенье; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну хоть въ пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльныхъ пожелаетъ смѣняться съ другимъ. Напимѣрь какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, находитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ, онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ той же партіи попростѣ, позабитѣ, побезотвѣтнѣ, и которому опредѣлено наказаніе небольшое сравнительно: или въ заводъ на малые годы, или на поселенье, или даже въ каторгу, только поменьше срокомъ. Наконецъ находитъ Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселенье. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстъ, разумѣется безъ копѣйки денегъ, потому-что у Сушилова никогда не можетъ быть ни копѣйки, — идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствѣ, безъ сладкаго куска хоть мимоходомъ, въ одной казенной одеждѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ, сходится, даже

дружится и наконецъ на какомъ-нибудь этапѣ поить его виномъ. Наконецъ предлагаетъ ему: не хочетъ ли онъ смѣняться? Я дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то «особое отдѣленіе». Оно хоть и каторга, но особая, по-лучше стало быть. — Объ особомъ отдѣленіи во время существованія его, даже изъ начальства-то не всѣ знали, хоть бы напримѣръ и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немногочисленный (при мнѣ было въ немъ до семидесяти человѣкъ), что трудно было и на слѣдъ его напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей, служившихъ и знающихъ о Сибири, которые отъ меня только въ первый разъ услышали о существованіи «особаго отдѣленія». Въ Сводѣ Законовъ сказано объ немъ всего строкъ шесть: «Учреждается при такомъ-то острогѣ Особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ». Даже сами арестанты этого «Отдѣленія» не знали: что оно, навѣчно или на срокъ? Сроку не было положено, сказано — впредь до открытія самыхъ тяжелыхъ работъ, и только; — стало быть «вдоль по каторгѣ». Немудрено, что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланнаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ Особомъ отдѣленіи судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому и за которое уже онъ прошолъ тысячи три или четыре. Слѣдственно не пошлютъ

же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же шолъ на поселеніе; чего же лучше? «Не хочешь ли смѣняться?» Сушиловъ подъ хмѣлькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Ктому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются, слѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ нѣтъ ничего. Соглашаются. Бесовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. Назавтра Сушиловъ уже не пьянъ, но его поятъ опять, ну да и плохо отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропить, красная рубашка немного спустя тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдасть, такъ артель заставить отдать: за этимъ смотреть въ артели строго. Ктому же, если далъ обѣщаніе, то исполни, — и на этомъ артель настоятъ. Иначе сгрызутъ. Забьютъ пожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ застрашаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ такомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Коли можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать уже сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ его потомъ исполнять? Однимъ словомъ — тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. На-

конецъ Сушиловъ видитъ, что ужь не отмолишься и рѣшается вполне согласиться. Объявляется всей партіи; ну тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарять и поять, если надо. Тѣмъ разумѣется все равно: Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну а вино-то выпито, угостили; — слѣдственно и съ ихъ стороны молчокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ напимѣръ перекличку; доходить до Михайлова: «Михайловъ!» Сушиловъ откликается: я! «Сушиловъ!» Михайловъ кричитъ: я — и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужь больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльныхъ разсортировываютъ. «Михайлова» на поселеніе, а «Сушилова» подъ усиленнымъ конвоемъ препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ невозможенъ; да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется такое дѣло? Чтò за него еще будетъ? Гдѣ наконецъ свидѣтели? Отрекутся, еслибъ и были. Такъ и остается въ результатѣ, что Сушиловъ за рубль серебромъ, да за красную рубаху въ «особое отдѣленіе» приполъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ, — не за то, что онъ смѣнился (хотя къ смѣнившимся на болѣе тяжелую работу съ легкой, вообще питаютъ презрѣніе, какъ ко всякимъ попавшимся въ просакъ дуракамъ), а за то, что онъ взялъ только красную рубаху и рубль серебромъ: слишкомъ ужь ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большія суммы, опять таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣскольку десятковъ рублей.

Но Сушиловъ былъ такъ безотвѣтенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться-то какъ-то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-помалу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды, — никогда не могу простить себѣ этого, — онъ чего-то по моей просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: «вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣло-то не дѣлаете». Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Антонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третій день я и говорю ему: «Сушиловъ, вы кажется у меня хотѣли денегъ спросить, для Антона Васильева? Нате». Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ кажется очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, ужь слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ

и нашолъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой.— «Сушиловъ, что съ вами?» спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня и я, къ чрезвычайному удивленію, замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать: «Вы, Александръ Петровичъ... думаете...» — началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, «что я вамъ... за деньги... а я... я... ээхъ!» Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаеть!... Первый разъ я видѣлъ въ каторгѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хотъ онъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и «наблюдать меня», но по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ я замѣтилъ, что его сердце никогда не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыняли его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда крѣпко, — а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ представлялась впослѣдствіи. Вотъ почему я и сказалъ, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много таковаго, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естест-

венно меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ можетъ-быть принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжелое, безнадежно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А — вымъ, тоже арестантомъ, прибывшимъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. Я впрочемъ узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А — вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжелое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія. А — въ былъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переносилъ нашему плацъ-маіору все, что дѣлается въ острогѣ, и былъ друженъ съ его деньщикомъ Федькой. Вотъ краткая его исторія: Недокончивъ нигдѣ курса и разсорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ и, чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый доносъ, т. е. рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, до которыхъ онъ, соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣ-

щанскими, сдѣлался падокъ до такой степени, что, будучи человѣкомъ неглухимъ, рискнулъ на безумное и безсмысленное дѣло. Его скоро обличили; въ доносъ свой онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только-что начиналась. Казалось бы, такая страшная переменѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмутился передъ ней нравственно, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что званіе каторжнаго только еще развязало ему руки на еще бѣльшія подлости и пакости. «Каторжникъ, такъ ужъ каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало-быть ужъ можно подличать, и не стыдно». Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ какъ объ феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійць, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полного нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглої низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благо-

роднѣ и человѣчнѣ А—ва. На мои глаза, во все время моей осторожной жизни, А—въ сталь и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ, и съ неутомимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренно никакою нормой, никакою законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный квазимодо. Прибавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности; нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ исподлилось, что шпионство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружелюбнѣ чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго маіора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсъ. Между прочимъ онъ увѣрилъ маіора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его выслали на работу къ нему на

домъ, для того разумѣется, чтобъ рисовать маіорскій портретъ. Тутъ-то онъ и сошелся съ деньщикомъ Оедькой, имѣвшимъ чрезвычайное вліяніе на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ острогѣ. А—въ шпионилъ на насъ по требованію маіора же, а тотъ, хмѣльной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругаль шпиономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побой маіоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ маіоръ кажется дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный художникъ, чуть не Брюловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя вправѣ лупить его по щекамъ, потому дескать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты раз-Брюловъ, а я все-таки твой начальникъ, а стало-быть что захочу, то съ тобою и сдѣлаю. Между прочимъ онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разныя вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ маіоръ догадался, что его надуваютъ, и убѣдившись вполнѣ, что портретъ не оканчивается, а напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, разсердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ маіорскаго стола, отъ друга-Оедьки и отъ

всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у маіора на кухнѣ. По крайней мѣрѣ маіоръ, съ удаленіемъ А—ва, пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ непрерывно ему наговаривалъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ; не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходилъ съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно. Причина, по которой А—въ попалъ въ острогъ, была М. неизвѣстна. Напротивъ А—въ, догадавшись съ кѣмъ имѣеть дѣло, тотчасъ же увѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за тоже, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги, предполагая, что онъ долженъ былъ очень страдать, отдалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на всякую низость, за то именно, что былъ совершенно непохожъ на него, и все, что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и о маіорѣ, все это А—въ воспользовался при первомъ случаѣ донести маіору. Маіоръ страшно возненавидѣлъ

за это и угнеталъ М., и еслибъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А— въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывалъ на это самъ М. Эта подлая тварь потомъ бѣжалъ съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ побѣгѣ я скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ подлизывался, думая, что я не слыхалъ о его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня ввергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: я судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня, я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдавъ шить надежному арестанту, указанному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго холста, рубашки, разумѣется за плату (по сколько-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ по настоящему совѣту Акима Акимыча складной тюфячокъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоненькій, какъ блинъ, и подушку, набитую шерстью, страшно жесткую съ непривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ въ немъ участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ выносившихся панталонъ и кур-

токъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. — Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставлялись въ собственность арестанта; онѣ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была заношена вещь, все-таки имѣла надежду сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому я сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же просто-народьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ-будто тоже моими, по крайней мѣрѣ по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно и не подозрѣвалъ прежде ничего этого и не слыхалъ ни о чемъ, хотя и зналъ и слышалъ. Но дѣйствительность производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ ли я, напримѣръ, хотъ когда-нибудь прежде подозрѣвать, что такія вещи, какъ такіе старые обноски, могутъ считаться тоже вещами? — а вотъ шилъ же себѣ изъ этихъ старыхъ обносковъ одѣяло! Трудно было и представить себѣ, какого сорта было сукно, определенное на арестантское платье. Съ виду оно какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое, солдатское; но чуть-чуть поношенное, оно обращалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ суконное платье давалось на годичный срокъ, но и съ этимъ срокомъ трудно было справиться. Арестантъ работаетъ, носить на себѣ тяжести; платье обтирается и обдирается скоро.

Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили впродолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и подстилками. Но тулупы крѣпки, хотя и нерѣдкость было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, т. е. срока выноски, тулупъ, заплатанный простою холстиной. Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продавались копѣекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шесть или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же, — я уже говорилъ объ этомъ, — имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хоть какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и к чему бы кажется имѣть ему деньги? — какъ разсуждало наше начальство. Опять-таки повторяю, что еслибъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы какъ мухи (несмотря на то, что были во всемъ обезпечены), или наконецъ пустились бы въ неслыханныя злодѣйства, — одни отъ тоски, другіе — чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казненнымъ и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь «перемѣнить участь» (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ потомъ свою копѣйку, или рѣшась для приобрѣтенія ея на не-

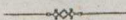
обыкновенныя хитрости, сопряженныя часто съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ тоже время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмысліемъ тратить ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что онъ ихъ не цѣнить, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если дѣйствительно бросаетъ ихъ какъ щепки, когда кутить, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной степенью выше денегъ. Чтò же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. А арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но, къ слову пришлось: повѣрятъ ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатимѣтный* срокъ, которые мнѣ самому говорили, очень спокойно, такія напимѣръ фразы: «а вотъ подожди, дастъ-Богъ кончу срокъ, и тогда»... Весь смыслъ слова «арестантъ» означаетъ человѣка безъ воли; а тратя деньги, онъ поступаетъ уже по *своей воли*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему божій міръ и огораживающія его какъ звѣря въ клѣткѣ, — онъ можетъ достать вина, т. е. страшно запрещенное наслажденіе, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, инвалидовъ и даже унтеръ-офицера, которые сквозь пальцы будутъ смотрѣть на то, что онъ нарушаетъ законъ и дисциплину; даже можетъ, свехъ торгу, еще покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ ужасно любить, то-

есть представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя *хоть на время*, что у него воли и власти несравненно больше, чѣмъ кажется, — однимъ словомъ — можетъ накутить, набуянить, разобидѣть кого-нибудь въ прахъ и доказать ему, что онъ все это *можетъ*, что все это «въ нашихъ рукахъ», т. е. увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣдняку и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего можетъ-быть въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая склонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивнѣйшему возвеличенію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ во всемъ этомъ кутежѣ есть свой рискъ, — значить все это имѣетъ хоть какой-нибудь призракъ жизни, хоть отдаленный призракъ свободы. А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщикъ, еслибъ ему сдавили горло петлей, не отдалъ бы всѣхъ своихъ миллионовъ за одинъ глотокъ воздуха?

Удивляются иногда начальники, что вотъ какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ такъ смиренно, примѣрно, даже десяточнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего, — точно бѣсъ въ него влѣзъ, — зашалилъ, накутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ: или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ можетъ-быть

вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его,— это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ можетъ-быть живо схороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ, колотить въ свою крышу и силится сбросить ее, хотя разумѣется разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ его усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужь не до разсудка: тутъ судороги. Возьмемъ еще въ соображеніе, что почти всякое самовольное проявленіе личности въ арестантѣ считается преступленіемъ; а въ такомъ случаѣ ему естественно все равно, что большое, что малое проявленіе. Кутить такъ ужь кутить, рискнуть такъ ужь рискнуть на все, даже хоть на убійство. И только вѣдь стоитъ начать: опьянѣеть потомъ человѣкъ, даже не удержишь! А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всѣмъ было бы спокойнѣе.

Да; но какъ это сдѣлать?

VI.

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякой случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетѣ евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири, и почти всегда не переводится, нѣсколько лицъ, которыя кажутся значеніемъ жизни своей поставляютъ себѣ — братскій уходъ за «несчастными», состраданіе и соблюденіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое. Не могу не припомнить здѣсь вкратцѣ объ одной встрѣчѣ. Въ городѣ, въ которомъ находился нашъ острогъ, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумѣется никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно

дорогихъ и близкихъ ея сердцу людей пострадалъ по такому же преступленію, но только она какъ-будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многого она конечно не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сидя въ острогѣ, чувствовали, что тамъ за острогомъ есть у насъ преданнѣйшій другъ. Между прочимъ она намъ часто сообщала извѣстія, въ которыхъ мы очень нуждались. Выйдя изъ острога и отправляясь въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и познакомиться съ нею лично. Она жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образована ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагѣ, одна безконечная доброта, непреодолимое желаніе угодить, облегчить, сдѣлать для васъ непременно что-нибудь пріятное. Все это такъ и видѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провелъ вмѣстѣ съ другимъ изъ осторожныхъ моихъ товарищей у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась когда мы смѣялись, спѣшила соглашаться со всѣмъ, что бы мы ни сказали; суетилась угостить насъ хоть чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Поданъ былъ чай, закуска, какія-то сласти, и еслибъ у ней были тысячи, она бы кажется имъ обрадовалась только потому, что могла бы лучше намъ угодить да облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на па-

мять. Эти сигарочницы она склеила для насъ сама изъ картона (ужь Богъ знаетъ какъ онѣ были склеены), оклеила ихъ цвѣтной бумажкой, точно такую же, въ какую переплетаются краткія ариѳметики для дѣтскихъ школъ (а можетъ-быть и дѣйствительно на оклейку пошла какая-нибудь ариѳметика). Кругомъ же обѣ папирочницы были, для красоты, оклеены тоненькимъ бордюрикомъ изъ золотой бумажки, за которою она можетъ-быть нарочно ходила въ лавки. «Вотъ вы курите же папирочки, такъ можетъ-быть и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ тоже время и величайшій эгоизмъ. Ужь въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ, — никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьезно досадовать на тѣхъ изъ каторжныхъ, которые, почти въ первые часы моей острожной жизни, уже обманувъ меня разъ, пренаивно приходили по другому, по третьему и даже по пятому разу занимать у меня. Но признаюсь въ одномъ откровенно: мнѣ очень было досадно, что весь этотъ людъ, съ своими наивными хитростями, непременно долженъ былъ, какъ мнѣ казалось, считать меня простофилей и дурачкомъ и смѣяться надо мной, именно потому, что я въ пятый разъ давалъ имъ деньги. Имъ непременно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ обманы и хитрости, и еслибъ, напро-

тивъ, я имъ отказывалъ и прогонялъ ихъ, то я увѣренъ, они стали бы несравненно болѣе уважать меня. Но какъ я ни досадовалъ, а отказать все-таки не могъ. Досадовалъ же я потому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни о томъ, какъ и на какой ногѣ поставлю я себя въ острогѣ или, лучше сказать, на какой ногѣ я долженъ былъ стоять съ ними. Я чувствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велить. Но я зналъ тоже, что вѣдь это только афоризмъ, а передо мной все-таки явится самая неожиданная практика.

И потому, несмотря на всѣ мелочныя заботы о своемъ устройствѣ въ казармѣ, о которыхъ я уже упоминалъ и въ которыя вовлекалъ меня попреимуществу Акимъ Акимычъ, несмотря на то, что онѣ нѣсколько и развлекали меня, — страшная, ядущая тоска все болѣе и болѣе меня мучила. «Мертвый домъ!» говорилъ я самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнавать, что они за люди и какіе у нихъ характеры? Они же шлялись передо мной съ нахму-

ренными лбами, или уже слишкомъ развеселые (эти два вида наиболѣе встрѣчаются и почти характеристика каторги), ругались или просто разговаривали, или наконецъ прогуливались въ одиночку, какъ-будто въ задумчивости, тихо, плавно, иные съ усталымъ и апатическимъ видомъ, другіе (даже и здѣсь!) — съ видомъ заносчиваго превосходства, съ шапками набекрень, съ тулупами въ накидку, съ дерзкимъ лукавымъ взглядомъ и съ нахальной пересмѣшкой. Все это моя среда, мой теперешній міръ, — думалъ я, — съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить... Я пробовалъ было спрашивать и разузнавать объ нихъ у Акима Акимыча, съ которымъ очень любилъ пить чай, чтобъ не быть одному. Мимоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти единственною моею пищею. Отъ чаю Акимъ Акимычъ не отказывался и самъ наставлялъ нашъ смѣшной, самодѣльный, маленькій самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на поддержаніе М. Акимъ Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у него были и стаканы), выпивалъ молча и чинно, возвращая мнѣ его благодарилъ и тотчасъ же принимался отдѣлывать мое одѣяло. Но того, чтò мнѣ надо было узнать — сообщить не могъ и даже не понималъ, къ чему я такъ особенно интересуюсь характерами окружающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжныхъ, и слушалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ памятной. Нѣтъ, видно надо самому испытывать, а не спрашивать, подумалъ я.

На четвертый день, также какъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ перековываться, выстроились рано поутру арестанты, въ два ряда, на площадкѣ передъ кордегардіей, у острожныхъ воротъ. Впереди, лицомъ къ нимъ, и сзади — вытянулись солдаты, съ заряжонными ружьями и съ примкнутыми штыками. Солдатъ имѣеть право стрѣлять въ арестанта, если тотъ вздумаетъ бѣжать отъ него; но въ то же время и отвѣчаетъ за свой выстрѣлъ, если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необходимости; то же самое и въ случаѣ открытаго бунта каторжниковъ. Но кто-же бы вздумалъ бѣжать явно? Явился инженерный офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-офицеры и солдаты, приставы надъ производившимися работами. Сдѣлали перекличку; часть арестантовъ, ходившая въ швальни, отправлялась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное начальство и не касалось; они работали собственно на острогъ и обшивали его. Затѣмъ отправились въ мастерскія, а затѣмъ и на обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человѣкъ двадцати другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерзшей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негодностью нужно было разобрать, чтобъ по крайней мѣрѣ старый лѣсъ не пропалъ даромъ. Впрочемъ весь этотъ старый матерьялъ кажется очень мало стоилъ, почти ничего. Дрова въ городѣ продавались по цѣнѣ ничтожной и кругомъ лѣсу было множество. Посылали почти только для того, чтобъ арестантамъ не сидѣть сложа руки,

что и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вяло и апатически, и почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣльная, цѣнная, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хоть имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобъ ее поскорѣй и получше докончить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для проформы, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ, а надо было работать вплоть до барабана, бывшаго призывъ домой въ одиннадцать часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ чуть не таялъ. Вся наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпями, которыя хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тонкій и рѣзкій металлическій звукъ съ каждымъ шагомъ. Два-три человѣка отдѣлились за необходимымъ инструментомъ въ цейхаузъ. Я шолъ вмѣстѣ со всѣми и даже какъ-будто оживился: мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что за работа? какая это каторжная работа? и какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принялъ подаваніе — пять копѣекъ и проворно воротился къ сво-

имъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошолъ своею дорогою. Эти пять копѣекъ въ тоже утро проѣли на ка-лачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одни были, по обыкновенію, угрюмы и неразговорчивы, другіе равнодушны и вялы, третьи лѣнливо болтали промежъ собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и веселъ, пѣлъ и чуть не танцевалъ дорогой, прибрякивая съ каждымъ прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ самый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро мое въ острогѣ поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то, что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселивагося парня Скуратовъ. Наконецъ онъ запѣлъ какую-то лихую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

Безъ меня меня женили—
Я на мельницѣ былъ.

Недоставало только балалайки.

Его необыкновенно-веселое расположеніе духа разомъется тотчасъ же возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нашей партіи негодованіе, даже принято было чуть не за обиду.

— Завылъ! съ укоризною проговорилъ одинъ арестантъ, до котораго впрочемъ вовсе не касалось дѣло.

— Одна была пѣсня у волка, и ту перенялъ, ту-лякъ! — замѣтилъ другой, изъ мрачныхъ, хохлацкимъ выговоромъ.

— Я-то положимъ тулякъ, немедленно возразилъ Скуратовъ, а вы въ вашей Полтавѣ галушкой подавились.

— Ври! самъ-то что ѣдалъ! Лаптемъ щи хлѣбалъ.

— А теперь словно чортъ ядрами кормить, — прибавилъ третій.

— Я и вправду, братцы, изнѣженный человѣкъ, — отвѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ, какъ-будто раскаяваясь въ своей изнѣженности и обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности: — съ самаго сызмалѣтства на черносливѣ да на пампрусскихъ булкахъ испытанъ (т. е. воспитанъ. Скуратовъ нарочно коверкалъ слова), родимые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ свою лавку имѣютъ, въ проходимъ ряду вѣтромъ торгуютъ, купцы богатѣющіе.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происходили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя двѣсти...

— Неужто рублей! — подхватилъ одинъ любопытный, даже вздрогнувъ, услышавъ про такія деньги.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не рублей, а палокъ. Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, нехотя отозвался маленькой и тоненькой арестантинѣ, съ востренькимъ носикомъ.

— Ну Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ ужь и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дядюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дядюшкой, не стоить и говорить! А хорошее было слово хотѣлъ сказать. Ну такъ вотъ, братцы, такъ это случилось, что не долго я нажилъ въ Москвѣ; дали мнѣ тамъ на послѣдокъ пятнадцать кнутиковъ, да и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то?... перебилъ одинъ, прилежно слѣдившій за разговоромъ.

— А не ходи въ карантинъ, не пей шпунтовъ, не играй на белендрасѣ; такъ что я не успѣлъ, братцы, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбогатѣть. А очень, очень, очень того хотѣлъ, чтобъ богатымъ быть. И ужъ такъ мнѣ этого хотѣлось, что и не знаю какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ очевидно изъ добровольныхъ весельчаковъ, или лучше шутовъ, которые какъ-будто ставили себѣ въ обязанность развешивать своихъ угрюмыхъ товарищей и разумѣется ровно ничего кромѣ брани за это не получали. Онъ принадлежалъ къ особенному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ можетъ-быть еще придется поговорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно, замѣтилъ Лука Кузьмичъ. Ишь, одной одѣжи рублей на сто будетъ.

На Скуратовѣ былъ самый ветхій, самый заносенный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ торчали заплаты. Онъ довольно равнодушно, но внимательно осмотрѣлъ его сверху до низу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова! отвѣчалъ онъ. — Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пойдетъ. Прощай Москва, спасибо за баню, за вольный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ нечего тебѣ, милый человѣкъ, смотрѣть...

— Небось на твою голову смотрѣть?

— Да и голова-то у него не своя, а подаянная, опять ввязался Лука. — Ее ему въ Тюмени Христа-ради подали, какъ съ партіей проходилъ.

— Чтожъ ты, Скуратовъ, небось мастерство имѣлъ?

— Како мастерство! поводырь былъ, гаргосовъ водилъ, у нихъ голыши таскалъ, замѣтилъ одинъ изъ нахмуренныхъ, — вотъ и все его мастерство.

— Я дѣйствиительно пробоваль-было сапоги точать, — отвѣчалъ Скуратовъ, совершенно незамѣтивъ колкаго замѣчанія. — Всего одну пару и сточаль.

— Чтожъ, покупали?

— Да нарвался такой, что видно Бога не боялся, отца-мать не почиталь; наказаль его Господь, — купилъ.

Всѣ вокругъ Скуратова такъ и покатались со смѣху.

— Да потомъ еще разъ работаль, ужъ здѣсь, продолжалъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ Скуратовъ, — Степану Ѳедорычу Поморцеву, поручику, головки приставляль.

— Чтожъ онъ, доволенъ былъ?

— Нѣтъ, братцы, недоволенъ. На тысячу лѣтъ

обругалъ, да еще колѣнкомъ напиналъ меня сзади. Оченно ужъ разсердился. — Эхъ, солгала моя жизнь, солгала каторжная!

Погодя-того немножко,
Ак-кулининъ мужъ на дворъ...

Неожиданно залился онъ снова и пустился притопывать въ припрыжку ногами.

— Ишь, безобразный человѣкъ! проворчалъ шедшій подлѣ меня хохоль, съ злобнымъ презрѣніемъ скосивъ на него глаза.

— Безполезный человѣкъ! замѣтилъ другой, окончательнымъ и серьезнымъ тономъ.

Я рѣшительно не понималъ, зачто на Скуратова сердятся, да и вообще — почему всѣ веселые, какъ уже успѣлъ я замѣтить въ эти первые дни, какъ-будто находились въ нѣкоторомъ презрѣніи? Гнѣвъ хохла и другихъ я относилъ къ личностямъ. Но это были не личности, а гнѣвъ зато, что въ Скуратовѣ не было выдержки, не было строгаго напускного вида собственнаго достоинства, которымъ заражена была вся каторга до педантства, однимъ словомъ зато, что онъ былъ, по ихъ же выраженію, «безполезный» человѣкъ. Однако на веселыхъ не на всѣхъ сердились и не всѣхъ такъ третировали, какъ Скуратова и другихъ ему подобныхъ. Кто какъ съ собой позволялъ обходиться: человѣкъ добродушный и безъ затѣй, тотчасъ же подвергался униженію. Это меня даже поразило. Но были и изъ веселыхъ, которые умѣли и любили отгрызнуться и

спуску никому не давали: тѣхъ принуждены были уважать. Тутъ же, въ этой же кучкѣ людей былъ одинъ изъ такихъ зубастыхъ, а въ сущности развеселый и премилѣйшій человѣкъ, но котораго съ этой стороны я узналъ уже послѣ, видный и рослый парень, съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, впрочемъ довольно красиваго и смѣтливаго. Называли его піонеромъ, потому-что когда-то онъ служилъ въ піонерахъ; теперь же находился въ особомъ отдѣленіи. Про него мнѣ еще придется говорить.

Впрочемъ и не всѣ «серьезные» были такъ экспансивны какъ негодующій на веселость хохоль. Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ, мѣтившихъ на первенство, на знаніе всякаго дѣла, на находчивость, на характеръ, на умъ. Многіе изъ такихъ дѣйствительно были люди умные, съ характеромъ, и дѣйствительно достигали того, на что мѣтили, то-есть первенства и значительнаго нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто большіе враги—и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ достоинствомъ и даже съ снисходительностью, ссоръ ненужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошемъ счету, на работахъ являлись какъ-будто распорядителями, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ бы придираться напримѣръ за пѣсни; до такихъ мелочей они не унижались. Со мной всѣ такіе были замѣчательно вѣжливы,

во все продолженіе каторги, но не очень разговорчивы, тоже какъ-будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется поговорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла замерзшая въ водѣ старая барка, которую надо было ломать. На той сторонѣ рѣки синѣла степь; видъ былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ всѣ и бросятся за работу, но объ этомъ и не думали. Иные разсѣлись на валявшихся по берегу бревнахъ; почти всѣ вытащили изъ сапогъ кисеты съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ листахъ по три копѣйки за фунтъ, и коротенькіе талиновые чубучки съ маленькими деревянными трубочками-самодѣльщиной. Трубки закурились: конвойные солдаты обтянули насъ цѣпью и съ скучнѣйшимъ видомъ принялись насъ стеречь.

— И кто догадался ломать эту барку? промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому впрочемъ не обращаясь. — Щепокъ чтоль захотѣлось?

— А кто насъ не боится, тотъ и догадался, замѣтилъ другой.

— Куда это мужичье-то валить? помолчавъ спросилъ первый, разумѣется незамѣтивъ отвѣта на прежній вопросъ и указывая вдаль на толпу мужиковъ, пробиравшихся куда-то гуськомъ по цѣльному снѣгу. Всѣ лѣниво оборотились въ ту сторону и отъ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужичковъ, послѣдній, шолъ какъ-то необыкновенно смѣшно, разставивъ руки и свѣсивъ набокъ голову,

на которой была длинная мужичья шапка, гречневикомъ. Вся фигура его цѣльно и ясно обозначалась на бѣломъ снѣгу.

— Ишь братанъ Петровичъ, какъ облокался! — замѣтилъ одинъ, передразнивая выговоромъ мужиковъ. Замѣчательно, что арестанты вообще смотрѣли на мужиковъ нѣсколько свысока, хотя половина изъ нихъ были изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходитъ точно рѣдку садить.

— Это тяжкодумъ, у него денегъ много, замѣтилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣниво, какъ-будто нехотя. Между тѣмъ подошла калашница, бойкая и разбитная бабенка.

У ней взяли калачей на подаянный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой паренъ, торговавшій въ острогѣ калачами, забралъ десятка два и крѣпко сталъ спорить, чтобъ выторговать три, а не два калача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но калашница не соглашалась.

— Ну а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те язвило! взвизгнула бабенка и засмѣялась.

Наконецъ появился и приставъ надъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что разсѣлись! Начинать!

— Да что, Иванъ Матвѣичъ, дайте урокъ, проговорилъ одинъ изъ «начальствующихъ», медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего давеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и урокъ.

Кое-какъ наконецъ поднялись, и спустились къ рѣкѣ, едва волоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же появились и «распорядители» по крайней мѣрѣ на словахъ. Оказалось, что барку не слѣдовало рубить зря, а надо было повозможности сохранить бревна и въ особенности поперечныя кокоры, прибитыя по всей длинѣ своей ко дну барки деревянными гвоздями, — работа долгая и скучная.

— Вотъ надо-тъ бы перво-наперво оттащить это бревнушко. Принимайся-ка, ребята! замѣтилъ одинъ, вовсе не распорядитель и не начальствующій, а просто черноработчій, безсловесный и тихій малый, молчавшій до сихъ поръ, и нагнувшись обхватилъ руками толстое бревно, поджидая помощниковъ. Но никто не помогъ ему.

— Да, подынешь небось! И ты не подынешь, да и дѣдъ твой, медвѣдъ, приди — и тотъ не подыметъ! — проворчалъ кто-то сквозь зубы.

— Такъ чтожь, братцы, какъ начинать-то? я ужь и не знаю... проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и приподымаясь.

— Всей работы не переработаетъ... чего выскочилъ?

— Треть курамъ корму раздать обочтется, а туда же первый... Стрепета!

— Да я, братцы, ничего, отговаривался озадаченный: — я только такь...

— Да чтожь мнѣ на васъ чехлы понадѣть, что ли? аль солить васъ прикажете на зиму? крикнулъ опять приставъ, съ недоумѣніемъ смотря на двадцатиголовую толпу, не знавшую какъ приняться за дѣло. — Начинать! скорѣй!

— Скорѣй скорого не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ.

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь, эй! Савельевъ! Разговоръ Петровичъ! тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!... начинать!

— Да я чтожь одинъ сдѣлаю?...

— Ужь задайте урокъ, Иванъ Матвѣичъ.

— Сказано — не будетъ урка. Растащи барку и иди домой. Начинать!

Принялись наконецъ, но вяло, нехотя, неумѣло. Даже досадно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжихъ работниковъ, которые кажется рѣшительно недоумѣвали, какъ взяться за дѣло. Только было принялись вынимать первую, самую маленькую кокору, — оказалось, что она ломается, «сама ломается», какъ принесено было въ оправданіе приставу; слѣдственно такъ нельзя было работать, а надо было приняться какъ-нибудь иначе. Пошло долгое разсужденіе промежь собой о томъ, какъ приняться иначе, что дѣлать? Разумѣется мало-помалу дошло до ругани, грозило зайти

и подальше... Приставъ опять прикрикнулъ и помахалъ палочкой, но кокора опять сломалась. Оказалось наконецъ, что топоровъ мало и что надо еще принести какой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, подъ конвоемъ, за инструментомъ въ крѣпость; а въ ожиданіи, всѣ остальные преспокойно усѣлись на баркѣ, вынули свои трубочки и опять закурили.

Приставъ наконецъ плюнулъ.

— Ну, отъ васъ работа не заплачетъ! Эхъ народъ, народъ! — проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошолъ въ крѣпость, помахивая палочкой.

Черезъ часъ пришолъ кондукторъ. Спокойно выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что даетъ на урокъ вынуть еще четыре кокоры, но такъ, чтобъ ужъ онѣ не ломались, а цѣликомъ, да сверхъ того отдѣлилъ разобрать значительную часть барки, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ большой, но, батюшки, какъ принялись! Куда дѣлась лѣнь, куда дѣлось недоумѣніе! Застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди. Остальные подкладывали толстые шесты и налегая на нихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали кокоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались теперь совершенно цѣлыя и непопорченныя. Дѣло кипѣло. Всѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поумнѣли. Ни лишнихъ словъ, ни ругани! всякъ зналъ чтò сказать, чтò сдѣлать, куда стать, чтò посовѣтовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и аре-

станты пошли домой усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то какихъ-нибудь полчаса противъ указаннаго времени. Но относительно меня я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ неумѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь.

Какой-нибудь послѣдній оборвышъ, который и самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ пикнуть передъ другими каторжниками, побойчѣе его и потолковѣе, и тотъ считалъ вправѣ крикнуть на меня и прогнать меня, если я становился подлѣ него, подъ тѣмъ предлогомъ, что я ему мѣшаю. Наконецъ одинъ изъ бойкихъ прямо и грубо сказалъ мнѣ: «куда лѣзете, ступайте прочь! чтò соваться куда не спрашиваютъ».

— Попался въ мѣшокъ! тотчасъ же подхватилъ другой.

— А ты лучше кружку возьми, — сказалъ мнѣ третій, — да и ступай собирать на каменное построение, да на табашное разорение, а здѣсь тебѣ нечего дѣлать.

Приходилось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, когда всѣ работаютъ, какъ-то совѣстно. Но когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошелъ и сталъ на конецъ барки, тотчасъ же закричали: — Вонъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

Все это разумѣется было нарочно, потому-что всѣхъ

это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и конечно они были рады случаю.

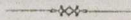
Очень понятно теперь, почему, какъ уже я говорилъ прежде, первымъ вопросомъ моимъ при вступленіи въ острогъ было: какъ вести себя, какъ поставить себя передъ этими людьми? Я предчувствовалъ, что часто будутъ у меня такія же столкновенія съ ними, какъ теперь на работѣ. Но несмотря ни на какія столкновенія, я рѣшился не измѣнять плана моихъ дѣйствій, уже отчасти обдуманнаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно проще и независимѣе, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сближаться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами пожелаютъ сближенія. Отнюдь не бояться ихъ угрозъ и ненависти и, по возможности, дѣлать видъ, что не замѣчаю того. Отнюдь не сближаться съ ними на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ, однимъ словомъ — не напрашиваться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они первые презирали бы меня за это. Однако, по ихъ понятіямъ (и я узналъ это впоследствии навѣрно), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское происхожденіе мое, то-есть нѣжиться, ломаться, брезгать ими, фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. Такъ именно они понимали, что такое дворянинъ. Они разумѣется ругали бы меня за

это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ; я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но зато я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Еслибъ я сталъ, имѣ въ угоду, подлещаться къ нимъ, соглашаться съ ними, фамиллярничать съ ними и пускаться въ разныя ихъ «качества», чтобъ выиграть ихъ расположеніе, — они бы тотчасъ же предположили, что я дѣлаю это изъ страха и трусости и съ презрѣніемъ обошлись бы со мной. А — въ былъ не примѣръ: онъ ходилъ къ маіору и они сами боялись его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали поляки. Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня за то, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не нѣжился и не ломался передъ ними; и хоть я навѣрно зналъ, что потомъ они принуждены будутъ перемѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, но все-таки мысль, что теперь они какъ-будто имѣютъ право презирать меня, думая, что я на работѣ заискивалъ передъ ними, — эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣ-обѣденной работы, я воротился въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣла меня. «Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди, — думалъ я, — все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!» Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора и вдругъ

увидаль нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ, какъ бываютъ ротныя, батарейныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворняшка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то никогда не ласкалъ ее, никто-то никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я погладилъ ее и изъ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла смирно, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо махала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя, — меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала и отыскивала меня между всѣми и, отыскавъ за казармами, съ визгомъ пустилась мнѣ навстрѣчу. Ужь и не знаю, что со мной случилось, но я бросился цѣловать ее, я обнялъ ея голову; она вскочила мнѣ передними лапами на плеча и начала лизать мнѣ лицо. «Такъ вотъ другъ, котораго мнѣ посылаетъ судьба!» — подумалъ я, и каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще никуда, я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, обхватывалъ его голову и цѣловалъ-цѣловалъ ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство щемило

мнѣ сердце. И помню, мнѣ даже пріятно было думать, какъ-будто хвалясь передъ собой своей же мукой, что вотъ, на всемъ свѣтѣ только и осталось теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ, мой единственный другъ, — моя вѣрная собака Шарикъ.

VI.

НОВЫЯ ЗНАКОМСТВА. ПЕТРОВЪ

Но время шло, и я мало-помалу сталъ обживатьсь. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моею новой жизни. Происшествія, обстановка, люди — все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этою жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще остались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу какъ потерянный, и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытные взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видно примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя

дома, зная свое мѣсто на нарахъ и даже повидимому привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую недѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбрившійся уже самъ отвѣчалъ за себя), и тамъ цырюльники изъ батальоновъ мылили холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пытке. Впрочемъ скоро нашлось лекарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военнаго разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многіе изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣжать казенныхъ цырюльниковъ, а между тѣмъ народъ былъ не нѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *маіоромъ*, — почему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напоминать маіора — тоже не могу сказать. Теперь, какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ маіоръ, высокій, сухощавый и молчаливый парень, довольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непремѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ денно и ночью направлялъ свою донельзя сточенную бритву, и кажется весь уходилъ въ это занятіе, принявъ его очевидно за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто-нибудь прихо-

диль побриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритве бархатное. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и небрежно принималъ заработанную копѣйку, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копѣйкѣ. Больно досталось А—ву отъ нашего плацъ-маіора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожного цырюльника и неосторожно назвалъ его *маіоромъ*. Плацъ-маіоръ разсвирѣпѣлъ и обидѣлся до послѣдней степени. «Да знаешь ли ты, подлець, что такое маіоръ! кричалъ онъ, съ пѣной у рта, посвойски расправляясь съ А—вымъ: — понимаешь ли ты, что такое маіоръ! И вдругъ какой-нибудь подлець каторжный, и смѣть его звать маіоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присутствіи!...» Только А—въ могъ ужиться съ такимъ человѣкомъ.

Съ самаго перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Расчетъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣренъ, что такъ поступаетъ всякій, лишенный на срокъ свободы. Не знаю думали-ль, рассчитывали-ль каторжные такъ же какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надеждъ поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго, лишеннаго свободы — совершенно другого рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человѣка. Свободный человѣкъ конечно надѣется (напримѣръ на

перемѣну судьбы, на исполненіе какого-нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ; настоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ вполне. Не то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь,—острожная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какой бы срокъ онъ ни былъ сосланъ, онъ рѣшительно, инстинктивно не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не *у себя дома*, а какъ-будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ-будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать пять.— «Поживемъ еще!» — думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ рассчитывали иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначить сроки». Тогда славно: во-первыхъ въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! а потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ рассчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!

Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ. Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершенное уже въ Сибири. Сидятъ

по пяти лѣтъ, сидять и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я видѣлъ какъ-будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служилъ. Говорилъ онъ смиренхонько, пришепетывая; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. Тотъ должно быть была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Кчему бы кажется? А вотъ кчему: выйдеть онъ тогда изъ душной, промзлой комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдетъ по двору острога, и... и только. За острогъ ужь его не выпустять никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной-то сидѣть?

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы, могли бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, приучаться носить тяжести — и по крайней мѣрѣ я спасу себя, — думалъ я, — укрѣплю себя, выйду здоровый,

бодрый, сильный, нестарый. Я не ошибся: работа и движение были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка. Вошолъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ хотъ обжигать и толочь алебастръ,— одна изъ первыхъ работъ, мною узанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство повозможности готово было облегчать работу дворянамъ, что впрочемъ было вовсе не поблажкой, а только справедливостью. Странно было бы требовать съ человѣка, вполнину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался по положенію настоящему работнику. Но это «баловство» не всегда исполнялось, даже исполнялось-то какъ-будто украдкой; за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжелую, и тогда разумѣется дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человѣка три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну и насъ въ томъ числѣ разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящего работника,

знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ все одинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый, смуглый и сухощавый человѣкъ, уже въ лѣтахъ, необщительный и брезгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ онъ былъ очень неразговорчивъ, дотога, что даже лѣнился ворчать на насъ. Сарай, въ которомъ обжигали и толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекій берегъ, было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце, было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстиралась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдились, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно управлялся одинъ, нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи, какъ-будто для того, чтобъ мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись собственной бесполезностью. А всего-то и дѣла было вытопить печь, чтобъ обжечь наложенный въ нее алебастръ, который мы же бывало и натаскаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожженъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжелую колотушку, накладывалъ

себѣ особый ящикъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была премилая работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошился. Мы взмахивали тяжелыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы наконецъ, и легко въ тоже время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрѣе. Тутъ ужъ и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ снисходительно, какъ смотрять на малолѣтнихъ дѣтей; снисходительно покуривалъ свою трубочку, и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему заговорить. Впрочемъ онъ и со всѣми былъ такой же, а въ сущности кажется добрый человекъ.

Другая работа, на которую я посылался, — въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось немалыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ) точилъ что-нибудь въ родѣ лѣстничной балясины, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному въ такомъ случаѣ было вертѣть не подъ силу и обыкновенно посылали двоихъ, — меня и еще одного изъ дворянъ, Б. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что-нибудь точить. Б. былъ слабосильный, тщедушный человекъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прибылъ въ острогъ съ годъ

передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей, — однимъ старикомъ, все время осторожной жизни денно и ноцно молившимся Богу (за что очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и съ другимъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, румянымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ устававшаго съ поль-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ, и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

Особенно тоже я любилъ разгребать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ бурановъ, и бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ суточного бурана заметало иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими кучами, а иногда и всѣмъ острогомъ — отгребать сугробы снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ урокъ, иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только-что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухъ обращаясь въ блестящую пыль. Ло-

пата такъ и врѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе, разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохоть, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ снѣжки, не безъ того разумѣется, чтобъ черезъ минуту не закричали благоразумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всеобщее увлеченіе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-помалу я сталъ распространять и кругъ моего знакомства. Впрочемъ самъ я не думалъ о знакомствахъ: я все еще былъ неспокоенъ, угрюмъ и недобѣрчивъ. Знакомства мои начались сами собою. Изъ первыхъ сталъ посѣщать меня арестантъ Петровъ. Я говорю *посѣщать* и особенно напиралъ на это слово. Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ меня казармѣ. Связей между нами по видимому не могло быть никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было и быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ какъ-будто обязанностью почиталъ чуть не каждый день заходить ко мнѣ въ казарму, или останавливать меня въ шабашное время, когда бывало я хожу за казармами, по возможности подальше отъ всѣхъ глазъ. Мнѣ сначала это было неприятно. Но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что вскорѣ его посѣщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно общительный и разговорчивый человѣкъ. Съ виду былъ

онъ невысокаго роста, сильнаго сложенія, ловкій, вертлявый, съ довольно пріятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взглядомъ, съ бѣлыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчной щепотью тертаго табаку за нижней губой. Класть за губу табакъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мной всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на равной ногѣ, т. е. чрезвычайно порядочно и деликатно. Если онъ замѣчалъ напримѣръ, что я ищу уединенія, то, поговоривъ со мной минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего разумѣется не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не становились короче, хотя онъ дѣйствительно былъ мнѣ преданъ. Я даже и теперь не могу рѣшить: чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко мнѣ каждый день? Хоть ему и случалось воровать у меня въ послѣдствіи, но онъ воровалъ какъ-то *нечаянно*; денегъ же почти никогда у меня не просилъ, слѣдственно приходилъ вовсе не за деньгами или за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но мнѣ всегда казалось, что онъ какъ-будто вовсе не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ,

и только посѣщаль острогъ мимоходомъ, чтобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотрѣть какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не додѣлалъ. А между тѣмъ какъ-будто и не очень суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ отѣнкомъ смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ; какъ-будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался разсмотрѣть какой-то другой, подальше. Это придавало ему разсѣянный видъ. Я нарочно смотрѣлъ иногда: куда пойдетъ отъ меня Петровъ? гдѣ это его такъ ждутъ? Но отъ меня онъ торопливо отправлялся куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, а потомъ вдругъ какъ-то оборветъ и замолчитъ. Но говорилъ ли онъ, сидѣлъ ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ его ждутъ. Страннѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ разумѣется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ не много горевалъ. И объ чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же странный, какъ и онъ самъ. Увидить наприимѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за

острогомъ, и вдругъ круто поворотить въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется будто онъ подбѣжалъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ вѣдь родня тому, что въ двѣнадцатомъ году былъ? (Петровъ былъ изъ кантонистовъ и грамотный).

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ будто ему надо было какъ можно поскорѣе объ чемъ-то узнать. Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ и прибавилъ, что можетъ-быть скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я по возможности и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скоро соображая, даже наклонивъ въ мою сторону ухо.

— Гм. А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда ли, говорятъ есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самага высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

Я объяснилъ сколько зналъ и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ что-ли? Какъ это говорятъ, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете. — Я объяснилъ что такое Америка и, по возможности, что такое антиподы. Онъ слушалъ такъ же внимательно, какъ-будто нарочно прибѣжалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Лавальеръ читалъ, отъ адъютанта Арефьевъ книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только выдуманно? Дюма сочиненіе.

— Разумѣется выдуманно.

— Ну прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не производили на него такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, говорилъ М. — Онъ на все

способенъ; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придется капризъ. Онъ и васъ зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онъ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, почти каждый день говорилъ съ нимъ; все время онъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что), — и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. былъ правъ и что Петровъ можетъ быть самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человѣкъ. Почему это такъ мнѣ казалось, — тоже не могу дать отчета. Замѣчу впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-маіора, когда его позвали къ наказанію и когда маіоръ «спасся чудомъ», какъ говорили арестанты, — уѣхавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на ученіи. Вѣроятно его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололъ своего полковника открыто, среди бѣла дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ я не знаю въ подроб-

ности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не разсказывалъ. Конечно это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣликомъ. Но все-таки онѣ были въ немъ очень рѣдки. Онъ дѣйствительно былъ благоразуменъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тлѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщеславія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ напримѣръ у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, зато и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Сироткинымъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ впрочемъ я видѣлъ какъ онъ серьезно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь; чѣмъ-то обдѣлили его. Спорилъ съ нимъ арестантъ силачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали и я думалъ, что дѣло кончится много-много что простыми колотушками, потому-что Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дирался и ругался какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и посинѣли; дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (лѣтомъ онъ очень любилъ ходить босой) подошелъ къ Антонову. Вдругъ, разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ всѣ затихли; муху было бы слышно. Всѣ ждали что будетъ. Анто-

новъ вскочилъ ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго человѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ: Антоновъ, не успѣлъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь (дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверткахъ). Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его помаленьку, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ ужъ струсилъ. Но на ругань Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не отвѣчалъ: дѣло было не въ ругани и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему слонялся по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣлья и какъ-будто искалъ, не заговорятъ ли гдѣ-нибудь о чемъ-нибудь полюбопытнѣе, чтобъ приткнуться туда и свой носъ и послушать. Его казалось все занимало, но какъ-то такъ случалось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушень и только такъ слонялся по острогу безъ дѣла, метало его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрещитъ работа, но которому покамѣстъ не даютъ работы и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжить? Онъ не заду-

мался бы бѣжать, еслибъ только крѣпко того захотѣлъ. Надъ такими людьми, какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, покамѣстъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ нѣтъ препятствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать сумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, по недѣлѣ могъ бы сидѣть безъ хлѣба, гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчномъ камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ этого *исполнить*. Большого разсужденія, особеннаго здраваго смысла я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и рождаются объ одной идеѣ, всю жизнь бессознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь, пока не найдутъ себѣ дѣла *исполнѣ* по желанію; тутъ ужъ имъ и голова *ничемъ*. Удивлялся я иногда, какъ это такой человѣкъ, который зарѣзалъ своего начальника за побой, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и сѣкли, когда онъ попадался съ виномъ. Какъ и всѣ каторжные безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложился какъ-будто съ собственнаго согласія, т. е. какъ-будто сознавалъ, что за дѣло; въ противномъ случаѣ низачто бы не легъ, хоть убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полосами. Это онъ укралъ у меня библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ, но онъ успѣлъ найти по

дорогѣ покушника, продалъ ее и тотчасъ же пропилъ деньги. Вѣрно ужь очень ему пить захотѣлось, а ужь что очень захотѣлось, то *должно* быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить косушку, хотя въ другое время пропустить мимо съ сотнею тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянья, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было попробовалъ хорошенько его побранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смиренно; соглашался, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ее у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что я тотчасъ же и пересталъ браниться. Брань же мою онъ сносилъ вѣроятно разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужь пусть дескать душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить - то было бы совѣстно. Мнѣ кажется онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, непонимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если наприимѣръ я самъ съ нимъ объ чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ наукъ и книжекъ, то онъ правда мнѣ отвѣчалъ, но какъ-будто только изъ учтивости, ограничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ:

что ему въ этихъ книжныхъ занятіяхъ, о которыхъ онъ меня обыкновенно спрашиваетъ? Случалось, что вовремя этихъ разговоровъ я нѣтъ-нѣтъ, да и посмотрю на него сбоку: ужь не смѣется ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьезно, внимательно, хотя впрочемъ не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и принималъ ихъ даже разсѣянно... Казалось мнѣ еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить какъ съ другими людьми, что кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже неспособенъ понять, такъ что и беспокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня и это меня очень поражало. Считалъ ли онъ меня недоросшимъ, неполнымъ человѣкомъ, чувствовалъ ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому слабѣйшему, признавъ меня за такое... не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. «Эхъ дескать! думалъ онъ можетъ-быть, запуская руку въ мое добро, чтожь это за человѣкъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!» Но за это-то онъ кажется и любилъ меня. Онъ мнѣ самъ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я уже «слишкомъ доброй души человѣкъ», и «ужь

такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ. Только вы, Александръ Петровичъ, не примите въ обиду — прибавилъ онъ черезъ минуту: — я вѣдь такъ отъ души сказалъ».

Съ такими людьми случается иногда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозначаются въ минуты какого-нибудь крутого, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ быть зачинщиками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, незадумавшись, безъ страха, идя прямо на всѣ ножи, — и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы. Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончитъ, и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значить случай его не приполъ. Кто знаетъ впрочемъ? можетъ и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умереть отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но мнѣ кажется М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный человѣкъ изъ всей каторги.

VIII.

РЪШИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ. ЛУЧКА.

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду пожалуй и страшный человѣкъ; сообразишь бывало, что про иного рассказываютъ, и даже сторонисься отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ я во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другого, который по шести убійствамъ пришолъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: дотога въ совершеніи ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьи инья убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: Живетъ этотъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая, — терпитъ. Положимъ онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: навремя человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но

потомъ ужь онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для чотки, или просто: «прочь съ дороги, не попадайся, я иду!» Точно опьянѣть человѣкъ; точно въ горячениномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знаетъ онъ къ тому же, что ждетъ его страшная казнь. Все это можетъ - быть похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужь самъ наконецъ радъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концомъ! И случается это все даже съ самыми смиренными и непримѣтными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ, въ этомъ чаду, даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣй подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой «отчаянный» иногда самъ ужь поскорѣе ждетъ наказанія, ждетъ, чтобъ *поръшили* его, потому-что самому становится наконецъ тяжело носить на себѣ эту напущ-

ную *отчаянность*. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало: точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ-будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, ступовывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнить — просить у народа прощенія. Приходить въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: «да неужели это тотъ самый, который зарѣзаль пять-шесть человѣкъ?»

Конечно иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость; вотъ дескать, я вѣдь не то, что вы думаете; я «по шести душамъ». Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшитъ себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывший разъ въ его жизни, когда онъ былъ «отчаяннымъ», и очень любить, если только найдетъ простычка, съ приличной важною передъ нимъ поломаться, похвастаться и рассказать ему свои подвиги, не показывая впрочемъ и вида, что ему самому рассказать хочется. Вотъ дескать какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво-небреженъ бываетъ иногда такой рассказъ! Какое изученное фатство

проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ рассказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я прослушала одинъ изъ такихъ рассказовъ, и по неопытности приняла рассказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный, желѣзный характеръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой разсказа было, какъ онъ, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія *уложилъ* одного маіора.

Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькой, тоненькой, съ востренькимъ носикомъ, молоденькой арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онъ въ сущности русскій, а только родился на югѣ, кажется дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-то вострое, заносчивое: «мала птичка, да ноготокъ востеръ». Но арестанты инстинктивно раскусываютъ человѣка. Его очень немного уважали или, какъ говорятъ въ ка-торгѣ, «ему очень немного уважали». Онъ былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ на нарахъ и шилъ рубашку. Шитье бѣлья было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный парень, но добрый и ласковый, плотный и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и

не замѣчалъ по своему простодушію. Онъ вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ разсказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы все его слушали, хотя напротивъ и старался дѣлать видъ, что разсказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, началъ онъ, ковыряя иглой, — въ Ч — въ, по бродяжеству значитъ.

— Это когда же, давно было? спросилъ Кобылицъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ, другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К — въ — и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидятъ со мной человѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоровые, дюжіе, точно быки. Да смиренные такіе: ѣда плохая, вертить ими ихній маіоръ какъ его милости *завгодно* (Лучка нарочно перековеркалъ слово). Сижу день, сижу другой; вижу трусь-народъ. Чтожъ вы, говорю, такому дураку поблажааете?

— А подика-съ самъ съ нимъ поговори! даже ухмыляются на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохоль, братцы, прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще. — Разсказывалъ какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается плачетъ; дѣти, говоритъ, у него остались, жена. Самъ матерой такой, сѣдой, толстый. «Я ему, говоритъ, бачу: ни! А винъ, бисовъ сынъ, все пишеть, все пишеть! Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, а ябъ подывився! А

винъ все пишеть, все пишеть; да якъ писне!... Тутъ и пропала моя голова!» Дай-ка, Вася, ниточку; гнилыя каторжныя.

— Базарныя, отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись Невалида посылали, и у какой онъ тамъ подлой бабы беретъ? продолжалъ Лучка, вдѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы значить.

— Значить у кумы.

— Такъ чтоже, какъ же маіоръ-то? спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожь онъ не сейчасъ продолжалъ свой разговоръ, даже какъ-будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣниво передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужъ заговорилъ:

— Взбудоражилъ наконецъ я моихъ хохловъ, потребовали маіора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ^{*)} спросилъ, взялъ да и спряталъ, значить на случай. Разсвирѣпѣлъ маіоръ. Ёдетъ. Ну, говорю, не трусить хохлы! А у нихъ ужъ душа въ пятки ушла; такъ и трясутся. Вбѣжалъ маіоръ; пьяный. «Кто здѣсь! какъ здѣсь! Я царь, я и богъ!»

Какъ сказалъ онъ: «я царь, я и богъ», я и выдвинулся, продолжалъ Лучка: — ножъ у меня въ рукавѣ.

*) Ножъ.

— Нѣтъ говорю, ваше высокоблагородіе, — а самъ помаленьку все ближе да ближе: — нѣтъ ужъ это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты? закричалъ маіоръ: — бунтовщикъ!

— Нѣтъ, говорю (а самъ все ближе да ближе), — нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ можетъ извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и вездѣсущій, единъ есть, говорю. И царь нашъ единъ, надъ всѣми нами самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только маіоръ — начальникъ нашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостью, говорю, и своими заслугами.

— Какъ-какъ-какъ-какъ! Такъ и закудакталъ, говоритъ не можетъ, захлебывается. Удивился ужъ очень.

— Да вотъ какъ, говорю; да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Ловко пришлось. Покатился, да только ногами задрыгалъ. Я ножъ бросилъ:

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь!

Здѣсь уже я сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастью такія выраженія: «я царь, я и богъ» и много другихъ, подобныхъ этому, были въ немаломъ употребленіи встарицу, между многими изъ командировъ. Надо впрочемъ признаться, что такихъ командировъ остается уже не-

много, а можетъ-быть и совсѣмъ перевелись. Замѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями большею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ будто переворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ лямкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи; разумѣется только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ высшими же они попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ спѣшатъ заявить передъ своими высшими командирами, что вѣдь они и сами изъ нижнихъ чиновъ, хоть и офицеры, и «свое мѣсто завсегда помнятъ». Но относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ ли ужь есть такіе, и врядъ ли найдется такой, чтобъ прокричалъ: «я царь, я и богъ». Но несмотря на это я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ этакія выраженія начальниковъ. Эта нахальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастью, все это дѣло почти прошлое, даже

и встарину-то строго преслѣдовалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая свысока небрежность, всякая брезгливость въ обращеніи съ ними. Иные думаютъ напримѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это тоже заблужденіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо съ нимъ обращаться почеловѣчески. Боже мой! да *человѣческое* обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускннулъ образъ божій. Съ этими-то «несчастливыми» и надо обращаться наиболѣе почеловѣчески. Это спасеніе и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ — и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность: сами арестанты не любятъ слишкомъ фамиллярнаго и *слишкомъ* ужъ добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать

начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо напримѣръ, чтобъ у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важенъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значить и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало-быть и все хорошо и красиво.

.....

— Ужь и жарили-жь тебя должно-быть за это? спокойно замѣтилъ Кобылинъ.

— Гм. Жарили-то, братъ, оно правдо, что жарили. Алей, дай-ка ножницы! Чтой-то братцы, сегодня май-дана нѣтъ?

— Даве пропились, замѣтилъ Вася. — Еслибъ не пропились, такъ оно пожалуй и было бы.

— Еслибъ! за еслибъ и въ Москвѣ сто рублей даютъ, замѣтилъ Лучка.

— А сколько тебѣ, Лучка, дали за все про все? заговорилъ опять Кобылинъ.

— Дали, другъ любезный, сто-пять. А что скажу, братцы: вѣдь чуть меня не убили, подхватилъ Лучка, опять бросая Кобылина. — Вотъ какъ вышли мнѣ эти сто-пять, повезли меня въ полномъ парадѣ. А никогда-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ сбѣжался: разбойника наказывать будутъ, убивецъ значить. Ужь и

какъ глупъ этотъ народъ, такъ не знаю какъ и сказать. Тимошка *) раздѣль, положилъ, кричить: поддержи, ожгу! жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпитъ разъ, — хотѣль-было я крикнуть, раскрыль-было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ значитъ остановился. Какъ влѣпитъ два, ну вѣришь иль невѣришь, я ужь и не слыхалъ какъ *два* просчитали. А какъ очулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братъ, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ: водой обливали. Гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: «тутъ же помру»...

— А и не померъ? наивно спросилъ Кобылинъ.

Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

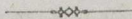
— Балясина, какъ есть!

— На чердакѣ нездорово, замѣтилъ Лучка, точно раскаяваясь, что могъ заговорить съ такимъ человекомъ.

— Умомъ значитъ рѣшонъ, скрѣпилъ Вася.

Лучка хоть и убилъ шесть человекъ, но въ острогѣ его никогда и никто не боялся, несмотря на то, что можетъ-быть онъ душевно желалъ прослыть страшнымъ человекомъ...

*) Палачъ.

IX.

ИСАЙ ӨОМИЧЪ. БАНЯ. РАЗСКАЗЪ БАКЛУШИНА

Наступалъ праздникъ рождества христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое время, особенно въ первые мои годы, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было идти послѣ обѣда и въ эти послѣ-обѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исая Өомичъ Бумштейнъ, каторжный изъ евреевъ, о которомъ уже я упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до отупѣнiя, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь, перебирая старыя воспоминанiя, вспомнить и о нашей каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ объ ней не забыть), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исая Өомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за уморительный и смѣшной былъ этотъ человѣкъ! Я уже сказалъ нѣсколько словъ про его фигурку: лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣ-

лымъ цыплячимъ тѣломъ. Въ выраженіи лица его видѣлось непрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ-какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ непрерывно по господамъ и по начальству города одну ювелирскую работу. Ему все-таки хотъ сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и давалъ подѣ-закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подѣ конвоемъ въ свою городскую молельную (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припѣваючи, съ нетерпѣніемъ впрочемъ ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ «зениться». Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исай Өомичъ очевидно служилъ всѣмъ для развлеченія и всегдашней потѣхи. «Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Өомича», говорили арестанты, и Исай Өомичъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ рассказывали). Вдругъ, однажды,

передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и брѣютъ въ кордегардіи и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Осторожный унтеръ-офицеръ провелъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на нарахъ. Въ рукахъ у Исая Өомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, взошелъ на нары и усѣлся, подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза. Кругомъ него раздавался смѣхъ и острожные шуточки, имѣвшія въ виду еврейское его происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснился молодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія свои шаровары, съ придачею казенныхъ подвертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исая Өомича и ударилъ его по плечу:

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ поджидаю. Вотъ смотри, много ли дашь?

И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исай Өомичъ, который при входѣ въ острогъ робѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова, — увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ перебирать

пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Чтожь, рубля-то серебромъ небось не дашь? а вѣдь стоило бы! продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Ѳомичу.

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копѣекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Ѳомичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатались со смѣху.

— Семь! Ну давай хоть семь; твое счастье! Смотрижь, береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копѣйки, будетъ десять копѣекъ, отрывисто и дрожащимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ что ли три копѣйки проценту?

— Нѣтъ не въ годъ, а въ мѣсяць.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исай Ѳомиць.

— Ну, Исай Ѳомичь, далеко ты у насъ пойдешь!

Прощай.

Исай Ѳомичь еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Его дѣйствительно всѣ какъ-будто даже любили и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ незлобивъ какъ курица и, видя всеобщее расположеніе къ себѣ, даже куражился, но съ

такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка, знавшій на своемъ вѣку много жидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно также какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, учеными звѣрками и проч. Исай Өомичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и преловко отшучивался.

— Эй жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять, молодцовато отвѣчаетъ Исай Өомичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; грѣши ма.

— Христа продалъ.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Өомичъ, молодець! Не троньте его, онъ у насъ одинъ! кричатъ съ хохотомъ арестанты.

— Эй жидъ,хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше ушлютъ.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну нехай; былъ бы панъ Богъ, да грѣши, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодець Исай Өомичъ, видно что молодець!

кричать кругомъ, а Исай Өомичъ, хотъ и видить, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ляля! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ въ продолженіе всей каторги. Потомъ, познакомившись ближе со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и именно тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунъ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотрѣть, какъ Исай Өомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исай Өомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ педантскою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, развертывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*рижу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный ящичекъ, такъ что казалось изо

лба Исая Өомича выходитъ какой-то смѣшной рогиъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читаль онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, оплевывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно все это было предписано обрядами молитвы и въ этомъ ничего не было смѣшного и страннаго, но смѣшно было то, что Исай Өомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдъ. Рыданья усиливаются и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣнчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то расслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. «Ишь его разбираетъ!» говорятъ бывало арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Өомича: что значать эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исай Өомичъ ужасно любилъ эти распросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачь и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Іерусалима и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Өомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и

проговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этотъ переходъ *одругъ* и непремѣнная обязанность этого перехода, чрезвычайно нравились Исаяу Омичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый кунштигъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы въ комнату вошолъ плацъ-маіоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исаяу Омичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и, крича передъ маіоромъ, не рисковалъ разумѣется ничѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было поломаться передъ маіоромъ и порисоваться передъ нами. Маіоръ подошолъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исаяу Омичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо маіору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощутивъ глаза, смѣясь и кивая на маіора головой. Маіоръ удивился; но наконецъ фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его тутъ-же въ глаза дуракомъ и пошолъ прочь, а Исаяу Омичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ

ужиналъ, я спросилъ его: а что еслибъ плацъ-маіоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-маіоръ?

— Какъ какой? да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исая Ѳомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого маіора, что въ это время, при этихъ молитвахъ онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ, что кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исая Ѳомича, когда онъ въ субботу слоняется бывало безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какія невозможные анекдоты рассказывалъ онъ мнѣ каждый разъ когда приходилъ изъ своей молельни; какіе ниначто непохожія извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ изъ первыхъ рубъ.

Но я слишкомъ ужъ много разговорился объ Исаяѣ Ѳомичѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани. Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была номерная, съ платою по 50 копѣекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была

по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ. Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряжонными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣсною баню. Но несмотря на то баня была дотога тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ безъ моего приглашенія подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ пионеромъ и о которомъ какъ-то я поминалъ, какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому-что по непривычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть ли не также какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во-первыхъ нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандальники. Эти подкандальники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною, и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное

кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандалниковъ стоитъ не менѣ шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ разумѣется, потому-что безъ подкандалниковъ невозможно ходить. Кандалное кольцо неплотно охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палецъ; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, треть ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандалниковъ успѣлъ бы натереть себѣ раны. Но снять подкандалники еще нетрудно. Труднѣе научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ: Снявъ нижнее бѣлье, положимъ хоть съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандалнымъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь то же кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, протернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все, продѣтое сквозь правое кольцо, опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Тобольскѣ, бывшій атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копѣекъ, чтобъ заготовить мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось правда и казенное мыло, на каждаго по кусочку, величиною съ двукопѣечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемого по вечерамъ на закуску

у «средняго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ передбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На каждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ-руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры», приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька:— «а вотъ тутъ осторожниѣе, тутъ порогъ». Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было; хотѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ умѣю пройти; но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякой обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его, онъ бы зналъ какъ со мной поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ. Чтожъ побуждало его такъ ходить за мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось можетъ-быть до ста человекъ разомъ, и ужъ по крайней мѣрѣ, навѣрно, восемьдесятъ, потому-что арестанты раздѣлены были всего на двѣ смѣны,

а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Парь, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ же ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями протѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копѣйку тотъ уступилъ свое мѣсто, немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ зажавъ въ кулакѣ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость выросла вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли скрючившись арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ и, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли съезжившись и скрючившись мывшіеся. Но мылись мало. Простолюдины мало моются горячей водой и мыломъ; они только страшно парятся и потомъ обливаются холодной во-

дой, — вотъ и вся баня. Вѣниковъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьяненія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужъ не жаръ; это было пѣкло. Все это орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязлилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглянетъ усатое лицо солдата, съ ружьемъ въ рукѣ, высматривающаго нѣтъ ли безпорядковъ. Обритыя головы и распаренныя докрасна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь всѣ эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ прошолъ по кожѣ смотря на нихъ. Поддадутъ — и паръ застелетъ густымъ, горячимъ облакомъ всю баню; все загогочетъ, закричитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченныя руки, ноги; а въ довершеніе, Исай Өомичъ гогочетъ во все горло, на самомъ

высокомъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но кажется никакой жаръ не можетъ насытить его; за копѣйку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ наконецъ не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ отливаться холодной водой. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другого, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки, и смѣняетъ до пяти парильщиковъ. «Здоровъ париться, молодецъ Исай Ѳомичъ!» кричатъ ему снизу арестанты. Исай Ѳомичъ самъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и заткнулъ всѣхъ ихъ за-поясъ; онъ торжествуетъ, и рѣзкимъ, сумашедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ляля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ усѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ намъ воду и подносилъ ее по мѣрѣ надобности. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе», и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всего мыломъ. «А теперь я вамъ *ножки* вымою», прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ умень-

шительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей — ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, т. е. съ поддержками и съ предостереженіями на каждомъ шагу, точно я былъ фарфоровый, доставилъ меня въ передбанникъ и помогъ надѣть бѣлье, и уже когда совершенно кончилъ со мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался, выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришло въ голову раскошелиться и поподчивать его косушкой. Косушка наплась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отмѣнно доволенъ, выпилъ, крикнулъ, и замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, поспѣшно отправился въ кухню, какъ-будто тамъ безъ него чего-то никакъ не могли рѣшить. вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не знаю характера милѣе Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ чтобъ вмѣшивались въ его дѣла, — однимъ словомъ умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился ненадолго, и кажется всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удоволь-

ствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ зато, что онъ «пустой и бесполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ спрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, рассказавъ какъ поручикъ Ш. отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-маіора и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что кажется театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались по-маленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного деньщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ эксельбантами. Только бы плацъ-маіоръ не вздумалъ запретить, какъ

прошлаго года. Но прошлаго года на рождествѣ маіоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ кътому же нашалили, вотъ онъ и запретилъ со зла, а теперъ можетъ-быть не захочетъ стѣснятъ. Однимъ словомъ Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непременно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговорились. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что не все служилъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р., впрочемъ унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный батальонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да зачто же это? спросилъ я его.

— Зачто? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, зачто? Вѣдь зато, что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, возразилъ я смѣясь.

— Правда, прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоитъ ли ссылатъ изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожь какъ же это? Расскажите, это любопытно.

— Пресмѣшная исторія, Александръ Петровичъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Рассказывайте.

— Аль рассказать? Ну такъ ужь слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но зато довольно странную исторію одного убійства...

Дѣло это было вотъ какъ, началъ Баклушинъ. — Какъ послали это они меня въ Р., вижу — городъ хорошій, большой, только нѣмцевъ много. Ну я разумѣется еще молодой человѣкъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу себѣ шапку набекрень, время провожу значить. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ обѣ были прачки, для самага нина-есть чистаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфырная такая, а живутъ зажиточно. Я сначала мимо оконъ концы давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и порусски говорила хорошо, а только такъ какъ-будто картавила, — этакая то-есть милушка, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было сначала того да сего, а она мнѣ: «нѣтъ, этого не моги, Саша, потому я хочу всю невинность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть», и только ласкается, смѣется таково звонко... да чистенькая такая была, я ужь и не видалъ такихъ кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну какъ не жениться, подумайте! Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю — Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Чтожъ это, думаю? То-есть кабы обманывала

она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣчала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стопами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и говорю: коль не придешь, самъ къ теткѣ приду. Испугалась, пришла. Плачетъ; говорить, одинъ нѣмецъ, Шульцъ, дальній ихъ родственникъ, часовщикъ, богатый и ужь пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться,—чтобъ, говорить, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться; да и любить онъ меня, говорить, и давно ужь намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говорить, Саша, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужелижъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня обнимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говорить! Ну что толку за солдата выдти, хотя-бъ я и унтеръ?—Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А что онъ, хорошъ?—Нѣтъ говорить, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушолъ я отъ нее; чтожъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошолъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ этакъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, этакихъ длинныхъ, важный такой. Я

такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да чтò думаю! нечего трогать, пропало какъ съ возу упало! Пришолъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

Ну проходитъ этакъ день, другой, третій. Съ Луизой не вижусь. А межъ тѣмъ услыхалъ отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшилъ поскорѣй свататься. А то бы еще года два поджидалъ. Съ Луизы будто бы онъ клятву такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черномъ тѣлѣ держитъ; что можетъ дескать еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣзавтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофе звалъ и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служить. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они можетъ-быть все дѣло рѣшатъ, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли, — вскочилъ, натянулъ шинель, да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ за-

стать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ — самъ не знаю. А на всякій случай пистолеть въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолѣтишка такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужь было. Однакожь я его пулей зарядилъ; думаю: стануть выгонять, грубить; я пистолеть выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ задней комнатѣ. Окромѣ ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она-жь и кухарка. Я прошолъ магазинъ; вижу — дверь туда заперта, да старая этакъ дверь, на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился, слушаю: говорятъ понѣмцеки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофей на спиртѣ кипятъ. Сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А сбоку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужь, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошолъ я, Луиза такъ и поблѣднѣла. Тетка было привскочила да и сѣла, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый; всталъ и навстрѣчу:

— Что вамъ, говорить, угодно?

Я было сконфузился, да злость ужь меня сильно взяла.

— Чего, говорю, угодно! а ты гостя принимай, водкой подчуй. Я къ тебѣ въ гости пришолъ.

Нѣмецъ подумалъ и говорить: Садить-сь.

Сѣлъ я. — Давай же, говорю, водки-то.

— Вотъ, говорить, водка; пейте пожалуй.

— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай. — Злость-то значить меня ужь очень беретъ.

— Это хорошая водка.

Обидно мнѣ стало, что ужь слишкомъ онъ такъ меня низко ставить. А всего пуще, что Луиза смотрить. Выпилъ я, да и говорю:

— Да ты чтожь такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мной подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришолъ.

— Я не могу быть вашъ другъ, говорить: ви простой солдатъ.

Ну тутъ я и взбѣсился.

— Ахъ ты чучела, говорю, колбасникъ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты, я все что хочу съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю?

Вынулъ я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ дуло ему прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, ни мертвы; пикнуть боятся; а старикъ, такъ тотъ какъ листь трясется, молчить, поблѣднѣлъ весь.

Нѣмецъ удивился, однакожь опомнился.

— Я васъ не боюсь, говорить, и прошу васъ, какъ

благородный человекъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совѣмъ не боюсь.

— Ой врешь, говорю, боишься! А чего! самъ головы изъ-подъ пистолета пошевелить не смѣеть; такъ и сидить.

— Нѣтъ, говорить, ви это никакъ не смѣеть сдѣлать.

— Да почему-жъ, говорю, не смѣеть-то?

— А потому, говорить, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

То-есть чортъ этого дурака нѣмца знаетъ! Не поджогъ бы онъ меня самъ, былъ бы живъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

— Такъ не смѣю, говорю, по-твоему?

— Нѣтъ-тъ!

— Не смѣю?

— Ви это совершенно не смѣить со мной сдѣлать...

— Ну такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ цапну его, онъ и покотился на стулъ. Тѣ закричали.

Я пистолеть въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолеть въ крапиву и бросилъ.

Пришолъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходить, другой, — не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я; безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошолъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ

народъ, полиція. Я къ кумѣ: вызови Луизу! Чуть-чуть подождать, вижу: бѣжитъ Луиза, такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «всему я, говорить, виновата, что тетки послушалась». Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотчасъ же послѣ давешняго домоѣ пришла и такъ струсила, что заболѣла и — молчокъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говорить, запретила; боится; какъ угодно, пусть тамъ и дѣлаютъ. Насъ, говорить, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было; всѣхъ удалил. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый уполъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталъ. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говорить, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду; все для тебя покину!» Я ужъ думалъ всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня...

— Но постоитъ, прервалъ я Баклушина: — васъ за

это только могли всего-то лѣтъ на десять, ну на двѣнадцать, на полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну ужь это другое вышло дѣло, сказалъ Баклушинъ. — Какъ привели меня въ судную комиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: «Ты что ругаешься-то? развѣ не видишь, подлець, что передъ зеркаломъ сидишь!» Ну тутъ ужь и пошло по-другому; по-новому стали судить, да за все вмѣстѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеленой улицѣ, а его лишить чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданія Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

Х.

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Наконецъ наступили и праздники. Еще въ сочельникъ арестанты почти не выходили на работу. Вышли въ швальни, въ мастерскія; остальные только побыли на разводкѣ, и хоть и были кой-куда назначены, но

почти всё, по одиночекъ или кучками, тотчасъ же возвратились въ острогъ и послѣ обѣда никто уже не выходилъ изъ него. Да и утромъ бѣольшая часть ходила только по своимъ дѣламъ, а не по казеннымъ: иные чтобъ похлопотать о пронесеніи вина и заказать новое; другіе повидать знакомыхъ куманьковъ и кумушекъ, или собрать къ празднику долгишки за сдѣланныя ими прежде работы; Баклушинъ и участвовавшіе въ театрѣ — чтобъ обойти нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно изъ офицерской прислуги, и достать необходимые костюмы. Иные ходили съ заботливымъ и суетливымъ видомъ единственно потому, что и другіе были суетливы и заботливы, и хоть инымъ напримѣръ ниоткуда не предстояло получить денегъ, но они смотрѣли такъ, какъ-будто и они тоже получаютъ отъ кого-нибудь деньги; однимъ словомъ всё какъ-будто ожидали къ завтрашнему дню какой-то перемѣны, чего-то необыкновеннаго. Къ вечеру инвалиды, ходившіе на базаръ по арестантскимъ разсылкамъ, нанесли съ собою много всякой всячины изъ сѣстнаго: говядины, поросятъ, даже гусей. Многіе изъ арестантовъ, даже самые скромные и бережливые, копившіе круглый годъ свои копѣйки, считали обязанностью раскошелиться къ такому дню и достойнымъ образомъ справить розговень. Завтрашній день былъ настоящій, неотъемлемый у арестанта праздникъ, признанный за нимъ фформально закономъ. Въ этотъ день арестантъ не могъ быть высланъ на работу, и такихъ дней всего было три въ году.

И наконецъ, кто знаетъ, сколько воспоминаній должно было зашевелиться въ душахъ этихъ отверженцевъ при встрѣчѣ такого дня! Дни великихъ праздниковъ рѣзко отпечатлѣваются въ памяти простолюдиновъ, начиная съ самаго дѣтства. Это дни вдохновенія отъ ихъ тяжелыхъ работъ, дни семейнаго сбора. Въ острогѣ же они должны были припоминаться съ мученіями и тоской. Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ-будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность. Смѣхъ какъ-будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него какъ-будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ-будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ стало-быть отверженецъ, погибшій человекъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ тоже что у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно.

Акимъ Акимычъ тоже очень готовился къ празднику. У него не было ни семейныхъ воспоминаній,

потому-что онъ выросъ сиротой въ чужомъ домѣ, и чуть не съ пятнадцати лѣтъ пошолъ на тяжолую службу; не было въ жизни его и особенныхъ радостей, потому-что всю жизнь свою провелъ онъ регулярно, однообразно, боясь хоть на волосокъ выступить изъ показанныхъ ему обязанностей. Не былъ онъ и особенно религіозенъ, потому-что благонравіе казалось поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особенности, всѣ страсти и желанія, дурныя и хорошія. Вслѣдствіе всего этого онъ готовился встрѣтить торжественный день не суетясь, не волнуясь, не смущаясь тоскливыми и совершенно бесполезными воспоминаніями, а съ тихимъ, методическимъ благонравіемъ, котораго было ровно настолько, сколько нужно для исполненія обязанности и разъ навсегда указаннаго обряда. Да и вообще онъ не любилъ много задумываться. Значеніе факта казалось никогда не касалось его головы, но разъ указанныя ему правила онъ исполнялъ съ священной акуратностью. Еслибъ завтра же приказали ему сдѣлать совершенно противное, онъ бы сдѣлалъ и это съ тою же самою покорностью и тщательностью, какъ дѣлалъ и противоположное тому наканунѣ. Разъ, одинъ только разъ въ жизни онъ попробовалъ пожить своимъ умомъ— и попалъ въ каторгу. Урокъ не пропалъ для него даромъ. И хоть ему несуждено было судьбою понять хоть когда-нибудь, въ чемъ именно онъ провинился, но зато онъ вывелъ изъ своего приключенія спасительное правило — не разсуждать никогда и ни въ какихъ обсто-

ательствахъ, потому-что разсуждать «не его ума дѣло», какъ выражались промежъ себя арестанты. Слѣпо преданный обряду, онъ даже и на праздничнаго поросенка своего, котораго начинилъ кашей и изжарилъ (собственноручно, потому-что умѣлъ и жарить), смотрѣлъ съ какимъ-то предварительнымъ уваженіемъ, точно это былъ не обыкновенный поросенокъ, котораго всегда можно было купить и изжарить, а какой-то особенный, праздничный. Можетъ-быть онъ еще сдѣтства привыкъ видѣть на столѣ въ этотъ день поросенка, и вывелъ, что поросенокъ необходимъ для этого дня, и я увѣренъ, еслибъ хоть разъ въ этотъ день онъ не покушалъ поросенка, то на всю жизнь у него бы осталось нѣкоторое угрызеніе совѣсти о неисполненномъ долгѣ. До праздника онъ ходилъ въ своей старой курткѣ и въ старыхъ панталонахъ, хотъ и благопристойно заштопанныхъ, но зато ужъ совсѣмъ заносившихся. Оказалось теперь, что новую пару, выданную ему еще мѣсяца четыре назадъ, онъ тщательно сберегалъ въ своемъ сундучкѣ и не притрогивался къ ней съ улыбающейся мыслью торжественно обновить ее въ праздникъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Еще съ вечера онъ досталъ свою новую пару, разложилъ, осмотрѣлъ, пообчистилъ, обдулъ и, исправивъ все это, предварительно примѣрилъ ее. Оказалось, что пара была совершенно впору; все было прилично, плотно застегивалось доверху, воротникъ какъ изъ кордона высоко подпиралъ подбородокъ; въ тальѣ образовалось даже что-то въ родѣ мундирнаго

перехвата, и Акимъ Акимычъ даже ослабился отъ удовольствія и не безъ молодцоватости повернулся передъ крошечнымъ своимъ зеркальцомъ, которое собственно-ручно и давно уже оклеилъ въ свободную минутку золотымъ бордюрикомъ. Только одинъ крючочекъ у воротника куртки оказался какъ-будто не на мѣстѣ. Сообразивъ это, Акимъ Акимычъ рѣшилъ переставить крючокъ; переставилъ, примѣрилъ опять, и оказалось уже совсѣмъ хорошо. Тогда онъ сложилъ все попрежнему и съ успокоеннымъ духомъ упряталъ до завтра въ сундучокъ. Голова его была обрита удовлетворительно; но оглядѣвъ себя внимательно въ зеркальцѣ, онъ замѣтилъ, что какъ-будто несовсѣмъ гладко на головѣ; показывались чуть видныя ростки волосъ, и онъ немедленно сходилъ къ «маіору», чтобъ обриться совершенно прилично и по формѣ. И хотъ Акимъ Акимыча никто не сталъ бы завтра осматривать, но обрился онъ единственно для спокойствія своей совѣсти, чтобъ ужъ такъ, для такого дня, исполнить всѣ свои обязанности. Благоразуміе къ пуговкѣ, къ погончику, къ петличкѣ, еще сдѣлства неотъемлемо напечатлѣлось въ умѣ его въ видѣ неоспоримой обязанности, а въ сердцѣ — какъ образъ послѣдней степени красоты, до которой можетъ достигъ порядочный человѣкъ. Все исправивъ, онъ, какъ старшій арестантъ въ казармѣ, распорядился приносить сѣна и тщательно наблюдалъ какъ разбрасывали его по полу. Тоже самое было и въ другихъ казармахъ. Не знаю почему, но къ рождеству всегда разбрасывали

у насъ по казармѣ сѣно. Потомъ, окончивъ всѣ свои труды, Акимъ Акимычъ помолился Богу, легъ на свою койку и тотчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ младенца, чтобъ проснуться какъ можно раньше утромъ. Также точно поступили впрочемъ и всѣ арестанты. Во всѣхъ казармахъ улеглись гораздо раньше обыкновеннаго. Обыкновенныя вечернія работы были оставлены; объ майданахъ и помину не было. Все ждало завтрашняго утра.

Оно наконецъ настало. Рано, еще дѣсвѣту, едва только пробили зорю, открыли казармы и вошедшій считать арестантовъ караульный унтеръ-офицеръ поздравилъ ихъ всѣхъ съ праздникомъ. Ему отвѣчали тѣмъ же, отвѣчали привѣтливо и ласково. Наскоро помолвившись, Акимъ Акимычъ и многіе, имѣвшіе своихъ гусей и поросятъ на кухни, поспѣшно пошли смотрѣть, что съ ними дѣлается, какъ ихъ жарятъ, гдѣ что стоитъ и такъ далѣе. Сквозь темноту, изъ маленькихъ, залѣпленныхъ снѣгомъ и льдомъ окошекъ нашей казармы видно было, что въ обѣихъ кухняхъ, во всѣхъ шести печахъ, пылаетъ яркій огонь, разложенный еще до свѣту. По двору, въ темнотѣ, уже шныряли арестанты въ своихъ полушубкахъ, въ рукава и въ накидку; все это стремилось въ кухню. Но нѣкоторые, впрочемъ очень немногіе, успѣли уже побывать и у цѣловальниковъ. Это были уже самые нетерпѣливые. Вообще же всѣ вели себя благопристойно, смиренно и какъ-то не по обыкновенному чинно. Неслышно было

ни обычной ругани, ни обычныхъ ссоръ. Всѣ понимали, что день большой и праздникъ великій. Были такіе, что сходили въ другія казармы, поздравить койкого изъ своихъ. Проявлялось что-то вродѣ дружелюбія. Замѣчу мимоходомъ: между арестантами почти совсѣмъ не замѣчалось дружелюбія, не говорю общаго, — это ужь подавно; а такъ, частнаго, чтобъ одинъ какой-нибудь арестантъ сдружился съ другимъ. Этого почти совсѣмъ у насъ не было, и это замѣчательная черта: такъ не бываетъ на волѣ. У насъ вообще всѣ были въ обращеніи другъ съ другомъ черствы, сухи, за очень рѣдкими исключеніями, и это былъ какой-то формальный, разъ принятый и установленный тонъ. Я тоже вышелъ изъ казармы; начинало чуть-чуть свѣтать; звѣзды меркли; морозный тонкій паръ подымался кверху. Изъ печныхъ трубъ на кухнѣ валилъ дымъ столпами. Нѣкоторые изъ попавшихся мнѣ навстрѣчу арестантовъ сами охотно и ласково поздравили меня съ праздникомъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же. Изъ нихъ были и такіе, которые до сихъ поръ еще ни слова со мной не сказали во весь этотъ мѣсяць.

У самой кухни нагналъ меня арестантъ, изъ военной казармы, въ тулупѣ въ накидку. Онъ еще съ подвора разглядѣлъ меня и кричалъ мнѣ: «Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!» Онъ бѣжалъ на кухню и торопился. Я остановился и подождалъ его. Это былъ молодой парень, съ круглымъ лицомъ, съ тихимъ выраженіемъ глазъ, очень неразговорчивый со

всѣми, а со мной несказавшій еще ни одного слова и не обращающій на меня доселѣ никакого вниманія со времени моего поступленія въ острогъ; я даже не зналъ какъ его и зовутъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ запыхавшись и сталъ передо мной въ упоръ, глядя на меня съ какой-то тупой, но въ тоже время и блаженной улыбкой.

— Чтò вамъ? не безъ удивленія спросилъ я его, видя, что онъ стоитъ передо мной, улыбается, глядитъ на меня во всѣ глаза, а разговора не начинаеть.

— Да какже, праздникъ... пробормоталъ онъ и самъ догадавшись, что не о чемъ больше говорить, бросилъ меня и поспѣшно отправился въ кухню.

Замѣчу здѣсь кстати, что и послѣ этого мы съ нимъ ровно никогда не сходились и почти не сказали ни слова другъ другу, до самаго моего выхода изъ острога.

На кухнѣ около жарко-разгорѣвшихся печей шла суетня и толкотня, дѣлая давка. Всякій наблюдалъ за своимъ добромъ;стряпки принимались готовить казенное кушанье, потому-что въ этотъ день обѣдъ назначался раньше. Никто впрочемъ не начиналъ еще ѣсть, хоть инымъ бы и хотѣлось, но наблюдалось передъ другими приличіе. Ждали священника и уже послѣ него полагались розговени. Между тѣмъ еще не успѣло совсѣмъ ободнять, какъ уже начали раздаваться за во-

ротами острога призывные крики ефрейтора: «Поваровъ!» Эти крики раздавались чуть не поминутно и продолжались почти два часа. Требовали поваровъ съ кухни, чтобъ принимать приносимое со всѣхъ концовъ города въ острогъ подаяніе. Приносилось оно въ чрезвычайномъ количествѣ въ видѣ калачей, хлѣба, ватрушекъ, пряжениковъ, шанегъ, блиновъ и прочихъ сдобныхъ печеній. Я думаю не осталось ни одной хозяйки изъ купеческихъ и изъ мѣщанскихъ домовъ во всемъ городѣ, которая бы не прислала своего хлѣба, чтобъ поздравить съ великимъ праздникомъ «несчастныхъ» и заключенныхъ. Были подаянія богатя—сдобные хлѣбы изъ чистѣйшей муки, присланные въ большомъ количествѣ. Были подаянія и очень бѣдныя—такой какой-нибудь грошовый калачикъ и двѣ какихъ-нибудь черныя шанги, чуть-чуть обмазаныя сметаной: это уже былъ даръ бѣдняка бѣдняку, изъ послѣдняго. Все принималось съ одинаковою благодарностью, безъ различенія даровъ и дарившихъ. Принимавшіе арестанты снимали шапки, кланялись, поздравляли съ праздникомъ и относили подаяніе на кухню. Когда уже набрались цѣлыя груды подаяннаго хлѣба, потребовали старшихъ изъ каждой казармы и они уже распредѣлили все поровну, по казармамъ. Не было ни спору, ни брани; дѣло вели честно, поровну. Чтò пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни

малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого-нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаваніе можно было утаить или роздать не поровну. Устроивъ свои дѣла въ кухнѣ, Акимъ Акимычъ приступилъ къ своему облаченію, одѣлся со всѣмъ приличіемъ и торжественностью, не оставивъ ни одного крючочка незастегнутымъ, и одѣвшись тотчасъ же приступилъ къ настоящей молитвѣ. Онъ молился довольно долго. На молитвѣ стояло уже много арестантовъ, большею частью пожилыхъ. Молодежь помногу не молилась: такъ развѣ перекрестится кто вставая, даже и въ праздникъ. Помолвившись, Акимъ Акимычъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкоторою торжественностью поздравилъ меня съ праздникомъ. Я тутъ же позвалъ его на чай, а онъ меня на своего поросенка. Спустия немного прибѣжалъ ко мнѣ и Петровъ, поздравить меня. Онъ кажется ужъ выпилъ, и хотъ прибѣжалъ запыхавшись, но многого не сказалъ, а только постоялъ недолго передо мной съ какимъ-то ожиданіемъ и вскорѣ ушелъ отъ меня на кухню. Между тѣмъ въ военной казармѣ приготовлялись къ принятію священника. Эта казарма была устроена не такъ какъ другія; въ ней нары тянулись около стѣнъ, а не посрединѣ комнаты, какъ во всѣхъ прочихъ казармахъ, такъ что это была единственная въ острогѣ комната, незагроможденная посрединѣ. Вѣроятно она и устроена была такимъ образомъ, чтобъ въ ней, въ необходимыхъ случаяхъ, можно было собирать арестантовъ. Среди

комнаты поставили столикъ, накрыли его чистымъ полотенцемъ, поставили на немъ образъ и зажгли лампадку. Наконецъ пришло священникъ съ крестомъ и святою водою. Помолившись и пропѣвъ передъ образомъ, онъ сталъ передъ арестантами и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ стали подходить прикладываться къ кресту. Затѣмъ священникъ обошелъ всѣ казармы и окропилъ ихъ святою водою. На кухнѣ онъ похвалилъ нашъ острожный хлѣбъ, славившійся своимъ вкусомъ въ городѣ, и арестанты тотчасъ же пожелали ему послать два свѣжихъ и только-что выпеченныхъ хлѣба; на отсылку ихъ немедленно употребленъ былъ одинъ инвалидъ. Крестъ проводили съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ и встрѣтили, и затѣмъ почти тотчасъ же пріѣхали плацъ-маіоръ и комендантъ. Коменданта у насъ любили и даже уважали. Онъ обошелъ всѣ казармы въ сопровожденіи плацъ-маіора, всѣхъ поздравилъ съ праздникомъ, зашелъ въ кухню и попробовалъ острожныхъ щей. Щи вышли славные; отпущено было для такого дня чуть не по фунту говядины на каждого арестанта. Сверхъ того сготовлена была просяная каша, и масла отпустили въ волю. Проводивъ коменданта, плацъ-маіоръ велѣлъ начинать обѣдать. Арестанты старались не попадаться ему на глаза. Не любили у насъ его злобнаго взгляда изъ-подъ очковъ, которымъ онъ и теперь высматривалъ направо и налево, не найдется ли безпорядковъ, не попадетъ ли какой-нибудь виноватый.

Стали обѣдать. Поросенокъ Акимъ Акимыча былъ зажаренъ превосходно. И вотъ не могу объяснить какъ это случилось: тотчасъ же по отѣздѣ плацъ-маіора, какихъ-нибудь пять минутъ спустя, оказалось необыкновенно много пьянаго народу, а между тѣмъ, еще за пять минутъ всѣ были почти совершенно трезвые. Явилось много рдѣющихъ и сіяющихъ лицъ, явились балалайки. Полячокъ со скрипкой уже ходилъ за какимъ-то гулякой, нанятой на весь день, и пилилъ ему веселые танцы. Разговоръ становился хмѣльнѣе и шумнѣе. Но отобѣдали безъ большихъ безпорядковъ. Всѣ были сыты. Многіе изъ стариковъ и солидныхъ отправились тотчасъ же спать, что сдѣлалъ и Акимъ Акимычъ, полагая кажется, что въ большой праздникъ послѣ обѣда непременно нужно заснуть. Старичокъ изъ стародубовскихъ старообрядцевъ, вздремнувъ немного, полѣзъ на печку, развернулъ свою книгу и промолвился до глубокой ночи, почти не прерывая молитвы. Ему тяжело было смотрѣть на «страмъ», какъ говорилъ онъ про всеобщую гулянку арестантовъ. Всѣ черкесы усѣлись на крылечкѣ и съ любопытствомъ, а вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ омерзеніемъ смотрѣли на пьяный народъ. Мнѣ повстрѣчался Нурра: «яманъ, яманъ! сказаль онъ мнѣ, покачивая головою съ благочестивымъ негодованіемъ: — ухъ, яманъ! Аллахъ сердить будетъ!» Исай Өомичъ упрямо и высокомерно засвѣтилъ въ своемъ уголку свѣчку и началъ работать, видимо показывая, что нивочто не считаетъ праздникъ. Кой-гдѣ по

угламъ начались майданы. Инвалидовъ не боялись, а въ случаѣ унтеръ-офицера, который самъ старался ничего не замѣчать, поставили сторожей. Караульный офицеръ раза три заглядывалъ во весь этотъ день въ острогъ. Но пьяные прятались, майданы снимались при его появленіи, да и самъ онъ казалось рѣшился не обращать вниманія на мелкіе беспорядки. Пьяный человекъ въ этотъ день считался уже беспорядкомъ мелкимъ. Мало-помалу народъ разгуливался. Начинались и ссоры. Трезвыхъ все-таки оставалась гораздо бѣдшая часть и было кому присмотрѣть за нетрезвыми. Зато ужъ гулявшіе пили безъ мѣры. Газинъ торжествовалъ. Онъ разгуливалъ съ самодовольнымъ видомъ около своего мѣста на нарахъ, подъ которыя смѣло перенесъ вино, хранившееся до того времени гдѣ-то въ снѣгу за казармами, въ потаенномъ мѣстѣ, и лукаво посмѣивался, смотря на прибывавшихъ къ нему потребителей. Самъ онъ былъ трезвъ и не выпилъ ни капли. Онъ намѣренъ былъ гулять въ концѣ праздника, обобравъ предварительно всѣ денежки изъ арестантскихъ кармановъ. По казармамъ раздавались пѣсни. Но пьянство переходило уже въ чадный угаръ и отъ пѣсенъ недалеко было до слезъ. Многіе расхаживали съ собственными балалайками, тулуны въ накидку, и съ молодецкимъ видомъ перебирали струны. Въ особомъ отдѣленіи образовался даже хоръ, человекъ изъ восьми. Они славно пѣли подъ акомпаниментъ балалаекъ и ги-

тарь. Чисто народныхъ пѣсень пѣлось мало. Помню только одну, молодецки пропѣтую:

Я вечеръ млада
Во ширу была.

И здѣсь я услышалъ новый варіантъ этой пѣсни, котораго прежде не встрѣчалъ. Въ концѣ пѣсни прибавлялось нѣсколько стиховъ:

У меня-ль молодой
Дома убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
Съ косяковъ сскребла,
Пирогъ спекла.

Пѣлись же большею частью пѣсни такъ называемыя у насъ арестантскія, впрочемъ всѣ извѣстныя. Одна изъ нихъ: «Бывало»... юмористическая, описывающая какъ прежде человѣкъ веселился и жилъ бариномъ на волѣ, а теперь попалъ въ острогъ. Описывалось какъ онъ подправлялъ прежде «бламанже шенпанскимъ», а теперь —

Дадутъ капусты мнѣ съ водою
И ѣмъ, такъ за ушми трещить.

Въ ходу была тоже слишкомъ извѣстная:

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился
И имѣлъ свой капиталъ:
Капиталу, мальчикъ, я рѣшился
И въ неволю жить попалъ.

и такъ далѣе. Только у насъ произносили не «капиталъ», а «копиталъ», производя капиталъ отъ слова «копить»; пѣлись тоже заунывныя. Одна была чисто каторжная, тоже кажется извѣстная:

Свѣтъ небесный возсіяетъ,
Барабанъ зарю пробьетъ,—
Старшій двери отворяетъ,
Писарь требовать идетъ.

Насъ невидно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ;
Богъ, Творецъ Небесный, съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ, и т. д.

Другая пѣлась еще заунывнѣе, впрочемъ прекраснымъ напѣвомъ, сочиненная вѣроятно какимъ-нибудь ссыльнымъ, съ приторными и довольно безграмотными словами. Изъ нея я вспоминаю теперь нѣсколько стиховъ :

Не увидить взоръ мой той страны,
Въ которой я рожденъ;
Терпѣть мученья безъ вины
На вѣкъ я осужденъ.

На кровлѣ филинъ прокричитъ,
Раздастся по лѣсамъ,
Заноетъ сердце, загруститъ,
Меня не будетъ тамъ.

Эта пѣсня пѣлась у насъ часто, но не хоромъ, а въ одиночку. Кто-нибудь, въ гулевое время, выйдетъ бывало на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подпретъ щеку рукой и затянетъ ее высокимъ фальцетомъ. Слушаешь, и какъ-то душу надрываетъ. Голоса у насъ были порядочные.

Между тѣмъ начинались ужъ и сумерки. Грусть, тоска и чадъ тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы. Смѣявшійся за часъ тому назадъ, уже рыдалъ гдѣ-нибудь, напившись черезъ край. Другіе успѣли уже раза по два подраться. Третьи, блѣдные и чуть дер-

жась на ногахъ, шатались по казармамъ, заводили ссоры. Тѣже, у которыхъ хмѣль былъ незадорнаго свойства, тщетно искали друзей, чтобы излить передъ ними свою душу и выплакать свое пьяное горе. Весь этотъ бѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провести весело великій праздникъ — и, Господи! какой тяжелый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ-будто обманувшись въ какой-то надеждѣ. Петровъ раза два еще забѣгалъ ко мнѣ. Онъ очень немного выпилъ во весь день и былъ почти совсѣмъ трезвый. Но онъ до самаго послѣдняго часа все чего-то ожидалъ, что непременно должно случиться, чего-то необыкновеннаго, праздничнаго, развеселаго. Хотя онъ и не говорилъ объ этомъ, но видно было по его глазамъ. Онъ сновалъ изъ казармы въ казарму безъ устали. Но ничего особеннаго не случалось и не встрѣчалось, кромѣ пьянства, пьяной безтолковой ругани и угорѣвшихъ отъ хмѣля головъ. Сироткинъ бродилъ тоже въ новой красной рубашкѣ, по всѣмъ казармамъ, хорошенькой, вымытый, и тоже, тихо и наивно, какъ-будто ждалъ чего-то. Мало-помалу въ казармахъ становилось несносно и омерзительно. Конечно было много и смѣшнаго, но мнѣ было какъ-то грустно и жалко ихъ всѣхъ, тяжело и душно между ними. Вонъ два арестанта спорять кому кого угощать. Видно, что они уже долго спорять и прежь-того даже поссорились. У одного особенно есть какой-то давнишній зубъ на другого. Онъ жалуется и, нетвердо ворочая языкомъ,

силится доказать, что тотъ поступилъ съ нимъ несправедливо: былъ проданъ какой-то полушубокъ, утаены когда-то какія-то деньги, въ прошломъ году на масляницѣ. Что-то еще кромѣ этого было... Обвиняющій — высокій и мускулистый парень, неглупый, смирный, но когда пьянъ, — съ стремленіемъ дружитья и излить свое горе. Онъ и ругается, и претензію показываетъ какъ-будто съ желаніемъ еще крѣпче помириться съ соперникомъ. Другой — плотный, коренастый, невысокаго роста, съ круглымъ лицомъ, хитрый и пронырливый. Онъ выпилъ можетъ-быть больше своего товарища, но пьянъ только слегка. Онъ съ характеромъ и слыветъ богатымъ, но ему почему-то выгодно не раздражать теперь своего экспансивнаго друга, и онъ подводитъ его къ цѣловальнику; другъ утверждаетъ, что онъ долженъ и обязанъ ему поднести, «если только ты честный человѣкъ есть».

Цѣловальникъ, съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ требователю и съ отѣнкомъ презрѣнія къ экспансивному другу, потому-что тотъ пьетъ не на свои, а его подчуютъ, достаетъ и наливаетъ чашку вина.

— Нѣтъ, Степка, это ты должднъ, говоритъ экспансивный другъ, видя, что его взяла, — потому ефто твой долгъ.

— Да я съ тобой и языкъ-то даромъ не стану мазать! отвѣчаетъ Степка.

— Нѣтъ, Степка, это ты врешь, подтверждаетъ первый, принимая отъ цѣловальника чашку: — потому

ты мнѣ деньги долженъ; совѣсти нѣтъ и глаза-то у тебя не свои, а заемные! Подлецъ ты Степка, вотъ тебѣ; одно слово подлецъ!

— Ну чего рюмишь, вино расплескалъ! честь ведуть да даютъ, такъ пей! кричитъ цѣловальникъ на экспансивнаго друга: — не дозавтра надъ тобой стоять!

— Да и выпью, чего кричишь! «Съ праздникомъ, Степанъ Дорофеичъ!» вѣжливо и съ легкимъ поклономъ обратился онъ, держа чашку въ рукахъ, къ Степкѣ, котораго еще за полминуты обзывалъ подлецомъ. — Будь здоровъ на сто годовъ, а что жиль, не въ зачетъ! Онъ выпилъ, крикнулъ и утерся. — Прежде, братцы, я много вина подымалъ, замѣтилъ онъ съ серьезною важностью, обращаясь какъ-будто ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности: — а теперь ужъ знать лѣта мои подходятъ. Благодарствуй, Степанъ Дорофеичъ.

— Не на чемъ.

— Такъ я все про то буду тебѣ, Степка, говорить; и окромя того, что ты выходишь передо мной большой подлецъ, я тебѣ скажу...

— А я тебѣ вотъ что, пьяная ты харя, скажу, перебиваетъ потерявшій терпѣніе Степка. — Слушай, да всякое мое слово считай: вотъ тебѣ свѣтъ пополамъ; тебѣ полсвѣта, и мнѣ полсвѣта. Иди и не встрѣчайся ты больше мнѣ. Надоѣлъ!

— Такъ не отдашь денегъ?

— Какихъ тебѣ еще денегъ, пьяный ты человекъ?

— Эй, на томъ свѣтѣ самъ придешь отдавать — не возьму! Наша денежка трудовая, да потная, да мольная. Замаешься съ моимъ пятакомъ на томъ свѣтѣ.

— Да ну тебя къ чорту.

— Что нукаешь; не запрегь.

— Пошоль, пошоль!

— Подлецъ!

— Варнакъ!

И пошла опять ругань, еще больше чѣмъ до подчиванья.

Вотъ сидятъ на нарахъ отдѣльно два друга: одинъ высокій, плотный, мясистый, настоящій мясникъ; лицо его красно. Онъ чуть не плачетъ, потому-что очень растроганъ. Другой — тщедушный, тоненькій, худой, съ длиннымъ носомъ, съ котораго какъ-будто что-то каплетъ, и съ маленькими свинными глазками, обращенными въ землю. Это человѣкъ политичный и образованный; былъ когда-то писаремъ и трактуетъ своего друга нѣсколько свысока; что тому втайнѣ очень неприятно. Они весь день вмѣстѣ пили.

— Онъ меня дерзнулъ! кричитъ мясистый другъ, крѣпко качая голову писаря лѣвой рукой, которою онъ обхватилъ его. «Дерзнулъ» значитъ ударилъ. Мясистый другъ, самъ изъ унтеръ-офицеровъ, втайнѣ завидуетъ своему испитому другу, и потому оба они, одинъ передъ другимъ, щеголяютъ изысканностью слога.

— А я тебѣ говорю, что и ты неправъ... начи-

наетъ догматически писарь, упорно неподымая на него своихъ глазъ и съ важностью смотря въ землю.

— Онъ меня дерзнулъ, слышь ты! прерываетъ другъ, еще больше теребя своего милаго друга. — Ты одинъ мнѣ теперъ на всемъ свѣтѣ остался, слышишь ты это? потому я тебѣ одному говорю: онъ меня дерзнулъ!...

— А я опять скажу: такое кислое оправданье, милый другъ, составляетъ только стыдъ твоей головѣ! тоненькимъ и вѣжливымъ голоскомъ возражаетъ писарь:— а лучше согласишься, милый другъ, все это пьянство черезъ твое собственное непостоянство...

Мясистый другъ нѣсколько отшатывается назадъ, тупо глядитъ своими пьяными глазами на самодовольнаго писаришку, и вдругъ, совершенно неожиданно, изо всей силы ударяетъ своимъ огромнымъ кулакомъ по маленькому лицу писаря. Тѣмъ и кончается дружба за цѣлый день. Милый другъ безъ памяти летитъ подъ нары...

Вотъ входитъ въ нашу казарму одинъ мой знакомый изъ особаго отдѣленія, безконечно добродушный и веселый парень, неглухой, безобидно-насмѣшливый и необыкновенно простоватый съ виду. Это тотъ самый, который, въ первый мой день въ острогѣ, въ кухнѣ за обѣдомъ искалъ гдѣ живетъ богатый мужикъ, увѣрялъ, что онъ «съ амбиціей» и напился со мною чаю. Онъ лѣтъ сорока, съ необыкновенно толстой губой и съ большимъ мясистымъ носомъ, усѣянными угрями. Въ рукахъ его балалайка, на которой онъ не-

брежно перебираетъ струны. За нимъ слѣдовалъ, точно прихвостень, чрезвычайно маленькій арестантикъ, съ большой головой, котораго я очень мало зналъ доселѣ. На него впрочемъ и никто не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ какой-то странный, недовѣрчивый, вѣчно молчаливый и серьезный; ходилъ работать въ швальню и видимо старался жить особнякомъ и ни съ кѣмъ не связываться. Теперь же, пьяный, онъ привязался какъ тѣнь къ Варламову. Онъ слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ волненіи, размахивалъ руками, билъ кулакомъ по стѣнѣ, по нарамъ и даже чуть не плакалъ. Варламовъ казалось не обращалъ на него никакого вниманія, какъ-будто и не было его подлѣ. Замѣчательно, что прежде эти два человѣка почти совсѣмъ другъ съ другомъ не сходились; у нихъ и по занятіямъ, и по характеру ничего нѣтъ общаго. И разрядовъ они разныхъ, и живутъ по разнымъ казармамъ. Звали маленькаго арестанта — Булкинъ.

Варламовъ, увидѣвъ меня, осклабился. Я сидѣлъ на своихъ нарахъ у печки. Онъ сталъ поодаль противъ меня, что-то сообразилъ, покачнулся и, неровными шагами подойдя ко мнѣ, какъ-то молодцовато избоченился всѣмъ корпусомъ и, слегка потрогивая струны, проговорилъ речитативомъ, чуть-чуть постукивая сапогомъ:

Круглолица, бѣлолица
 Распѣваетъ какъ синица
 Милая моя;
 Она въ платицѣ атласномъ,
 Гарнитуромъ прикрасномъ,
 Очень хороша.

Эта пѣсня казалось вывела изъ себя Булкина; онъ замахалъ руками и обращаясь ко всѣмъ закричалъ:

— Все-то вретъ, братцы, все-то онъ вретъ! Ни одного слова не скажетъ вправду, все вретъ!

— Старичку Александру Петровичу! проговорилъ Варламовъ, съ плутоватымъ смѣхомъ заглядывая мнѣ въ глаза и чуть не полѣзъ со мной цѣловаться. Онъ былъ пьяненькъ. Выраженіе: «старичку такому-то...», т. е. такому-то мое почтеніе, употребляется въ простонародьи по всей Сибири, хотя бы относилось къ чело-вѣку двадцати лѣтъ. Слово «старичокъ» означаетъ что-то почетное, почтительное, даже льстивое.

— Ну что, Варламовъ, какъ поживаете?

— Да по деньку на день. А ужъ кто празднику радъ, тотъ спозаранку пьянъ; вы ужъ меня извините! Варламовъ говорилъ нѣсколько нараспѣвъ.

— И все-то вретъ, все-то онъ опять вретъ! закричалъ Булкинъ, въ какомъ-то отчаяніи стуча рукою по парамъ. Но тотъ какъ-будто слово далъ не обращать на него ни малѣйшаго вниманія, и въ этомъ было чрезвычайно много комизму, потому-что Булкинъ привязался къ Варламову совершенно ни съ того, ни съ сего еще съ самаго утра, именно зато, что Варламовъ «все вретъ», какъ ему отчего-то показалось. Онъ бродилъ за нимъ какъ тѣнь, привязывался къ каждому его слову, ломалъ свои руки, обколотилъ ихъ чуть не въ кровь объ стѣны и объ нары, и страдалъ, видимо страдалъ отъ убѣжденія, что Варламовъ «все вретъ!» Еслибъ

у него были волосы на головѣ, онъ бы кажется вырвалъ ихъ отъ огорченія. Точно онъ взялъ на себя обязанность отвѣчать за поступки Варламова, точно на его совѣсти лежали всѣ недостатки Варламова. Но въ томъ то и штука, что тотъ даже и не глядѣлъ на него.

— Все вретъ, все вретъ, все вретъ! Ни одно-то слово его ни къ чему не подходитъ! кричалъ Булкинъ.

— Да тебѣ-то чтò! отвѣчали со смѣхомъ арестанты.

— Я вамъ, Александръ Петровичъ, доложу, что былъ я очень красивъ изъ себя и очень меня любили дѣвки... началъ вдругъ ни съ того, ни съ сего Варламовъ.

— Вретъ! опять вретъ! прерываетъ съ какимъ-то визгомъ Булкинъ. Арестанты хохочутъ.

— А я-то передъ ними куражусь: рубаха на мнѣ красная, шаровары плисовые; лежу себѣ, какъ эдакой графъ Бутылкинъ, ну то-есть пьянъ какъ шведъ, одно слово — чего изволите!

— Вретъ! рѣшительно подтверждаетъ Булкинъ.

— А въ тѣ поры былъ у меня отъ бабушки домъ двухъ-этажный каменный. Ну, въ два-то года я два этажа и спустилъ, остались у меня одни ворота безъ столбовъ. Чтожъ, деньги — голуби: прилетятъ и опять улетятъ!

— Вретъ! еще рѣшительнѣе подтверждаетъ Булкинъ.

— Такъ ужъ я вотъ ономнясь и послалъ моимъ родичамъ отсюда слезницу; авось деньжонокъ при-

шлють. Потому, говорили, я противъ родителей моихъ шоль. Неуважительный былъ! Вотъ ужъ седьмой годъ какъ послалъ.

— И нѣтъ отвѣту? спросилъ я засмѣявшись.

— Да нѣтъ, отвѣчалъ онъ вдругъ засмѣявшись самъ и все ближе и ближе приближая свой носъ къ самому моему лицу. — А у меня, Александръ Петровичъ, здѣсь любовница есть...

— У васъ? любовница?

— Онуфріевъ даве и говорить: «моя пусть рябая, нехорошая, да зато у ней сколько одѣжи; а твоя хорошая, да нищая, съ мѣшкомъ ходить».

— Да развѣ правда?

— А и вправду нищая! отвѣчалъ онъ и залился неслышнымъ смѣхомъ; въ казармѣ тоже захохотали. Дѣйствительно всѣ знали, что онъ связался съ какой-то нищей и выдалъ ей въ полгода всего десять копѣекъ.

— Ну такъ чтожь? спросилъ я, желая отъ него наконецъ отвязаться.

Онъ помолчалъ, умильно посмотрѣлъ на меня и нѣжно произнесъ:

— Такъ вотъ не соблаговолите ли мнѣ по сей причинѣ на косушку? Я вѣдь, Александръ Петровичъ, все чай пилъ сегодня, прибавилъ онъ въ умиленіи, принимая деньги: — и такъ я этого чаю нахлестался, что одышка взяла, а въ брюхѣ какъ въ бутылкѣ болтается...

Межь тѣмъ какъ онъ принималъ деньги, нравственное разстройство Булкина казалось дошло до послѣднихъ предѣловъ. Онъ жестикулировалъ какъ отчаянный, чуть не плакалъ.

— Люди божіи! кричалъ онъ, обращаясь ко всей казармѣ въ иступленіи: — смотрите на него! Все вретъ! Чтò ни скажете, все-то, все-то, все-то онъ вретъ!

— Да тебѣ-то чтò? кричатъ ему арестанты, удивляясь на его ярость: — несообразный ты человѣкъ!

— Не дамъ соврать! кричитъ Булкинъ, сверкая глазами и стуча изъ всей силы кулакомъ по нарамъ: — не хочу, чтобъ онъ вралъ!

Всѣ хохочутъ. Варламовъ беретъ деньги, откланивается мнѣ и кривляясь спѣшить изъ казармы, разумѣется къ цѣловальнику. И тутъ кажется онъ въ первый разъ замѣчаетъ Булкина.

— Ну, пойдѣмъ! говоритъ онъ ему, останавливаясь на порогѣ, точно онъ и впрямь былъ ему на что-то нуженъ. — Набалдашникъ! прибавляетъ онъ, съ презрѣніемъ пропуская оторченного Булкина впередъ себя и вновь начиная тренькать на балалайкѣ...

Но чтò описывать этотъ чадъ! Наконецъ кончается этотъ душливый день. Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во снѣ они говорятъ и бредятъ еще больше чѣмъ въ другія ночи. Кой-гдѣ еще сидятъ за майдами. Давно ожидаемый праздникъ прошолъ. Завтра опять будни, опять на работу...

XI.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству вѣроятно было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что именно дѣлается? даже хорошенько не знали, что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется и на плацъ-маіора нашолъ порядочный стихъ. Впрочемъ намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально, или только рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ разумѣется, чтобъ все было по возможности въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что можетъ быть хуже, если онъ запретить: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я впрочемъ предполагаю въ плацъ-маіорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здоровое. Даже такъ можно сказать: еслибъ у арестантовъ не

было на праздникахъ театра, или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-маіоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человѣчества, то очень немудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человѣку какъ плацъ-маіоръ надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ — гдѣ-нибудь произвести распорядокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости! На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-маіоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и непрерывное, буквальное исполненіе закона — вотъ и все, что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило. «Въ законахъ сказано, чего же больше?» говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Послѣднее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишнею и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ

не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность зато, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретять театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрять ихъ слову. Надо впрочемъ сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какія-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и еслибъ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе, — дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде, чѣмъ скажу какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, т. е. что именно предполагалось играть.

Собственно писаной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась впрочемъ одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ.

Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ, и однажды зашолъ самъ дежурный по карауламъ. Зашолъ тоже разъ инженерный офицеръ; вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра прогремить далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составился на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты какъ дѣти радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ, — думали и говорили у насъ про себя и между собою: — пожалуй и самое высшее начальство узнаеть; придуть и посмотреть; увидать тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры, настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ; ну такъ можетъ только костюмами и возьмутъ, а насчетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ пожалуй, и — чѣмъ чортъ не шутить? — можетъ и самъ захочетъ придти посмотреть. Въ городѣ-то нѣтъ театра...» Однимъ словомъ фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя въ тоже время и сами они почти тотчасъ же предо-

бродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполне дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сороку лѣтъ. Но несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: «Филатка и Мирошка соперники». Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ *самкѣ*-петербургскомъ театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ бывало отпустить что-нибудь «по-театральному», т. е. изъ своей роли, — и всѣ хохочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались выходками Баклушина и рассказами о будущемъ театрѣ или только самой молодой и желторотый народъ, безъ выдержки, или только самые значительные изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ неизблемо установленъ, такъ что имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они были, хотя бы самого наивнаго (т. е., по осторожнымъ понятіямъ, самого неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча, правда не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и

даже отчасти и свысока. Только ужъ въ послѣднее время въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? какъ-то наши? что плацъ-маіоръ? удастся ли такъ же, какъ въ запрошломъ году? и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ будетъ. Что филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! говорилъ онъ прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фальбалой, и перелеринка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сертукѣ съ эксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: «Кедриль-обжора». Названіе меня очень заинтересовало; но какъ я ни спрашивалъ объ этой пьесѣ, — ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставного унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который вѣрно самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно есть такіа театральныя пьесы, которыя казалось бы никому неизвѣстны, можетъ-быть нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собой откудова-то явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я сказалъ

«народнаго театра». Очень бы и очень хорошо было, еслибъ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными, чѣмъ доселѣ изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже можетъ-быть не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, чтò я потомъ видѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдумано нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленные приемы и понятія, переходящіе изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворянами большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя пьесы расплодились въ спискахъ по Россіи не иначе какъ черезъ помѣщичью дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Чтоже касается до «Кедрила-обжоры», то, какъ ни желалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но чтò такое значитъ Кедриль, и наконецъ почему Кедриль, а не Кирилъ? русское ли это, или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ

добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться «пантомима подъ музыку». Конечно все это было очень любопытно. Актеровъ было человекъ пятнадцать, — все бойкой и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зари. Эта льгота давалась собственно для театра. Впродолженіе праздника обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: «разрѣшить театрѣ и не запираеть подольше острога», прибавляя, что и вчера былъ театрѣ и долго не запирался, а безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ разсуждалъ такъ: «безпорядковъ дѣйствительно вчера не было; а ужь какъ сами слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значить сами за собой будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Ктому же не позволъ представленія, такъ пожалуй (кто ихъ знаетъ? народъ каторжный!) нарочно что-нибудь напакостятъ со зла и караульныхъ подведутъ». Наконецъ и то: въ караулѣ стоять скучно, а тутъ театрѣ, да не просто солдатскій, а арестантскій, а арестанты народъ любопытный: весело будетъ посмортѣть. А смотрѣть караульный офицеръ всегда вправѣ.

Приѣдетъ дежурный: «Гдѣ караульный офицеръ?» — «Пошолъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы запирають», — отвѣтъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ въ продолженіе всего праздника позволяли театръ и не запирали казармъ вплоть до вечерней зари. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствія, и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришолъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились въ представленіе. Изъ нашей казармы отправились почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее представленіе, четвертаго генваря, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ нимало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Чтоже касается до черкесовъ и въ особенности Исаѣ Ѳомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исаѣ Ѳомичъ каждый разъ давалъ по три копѣйки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копѣекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили собирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на свое собственное *подкрпленіе*. Петровъ увѣрялъ, что меня пустять на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ,

вѣроятно и больше дамъ, а ктому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тянулись въ ней по стѣнѣ, такъ что середина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсъ. Она тянулась шаговъ на десять поперегъ всей казармы. Занавѣсъ была такою роскошью, что дѣйствительно было чему подивиться. Кромѣ того она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ; изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и наконецъ часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошеной по листочку въ разныхъ канцелярiяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и Брюловъ — А — въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло

до представленія, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самыя горячіе изъ нихъ и нетерпѣливыя. Всѣ были очень довольны, даже хвастливо довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ саленныхъ свѣчекъ, разрѣзанныхъ на части. Передъ занавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которыя нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для унтеръ-офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, еслибъ они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И наконецъ, уже сзади скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителямъ, безъ фуражекъ, въ курткахъ или въ полушубкахъ, несмотря на душливый, парной воздухъ комнаты. Конечно мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но кромѣ того, что одинъ буйвально сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и наконецъ нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равня-

лась можетъ-быть тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Ба-клушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ; мнѣ стало-быть теперь честь и мѣсто. Положимъ арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ и ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру и безо всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось, — я

помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собою было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа, — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и *во что бы то ни стало*, стоять ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ вперёдъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякой давалъ что могъ или что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли собирать на тарелку. Но если меня пустили вперёдъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то опять-таки сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! «Ты богаче меня и ступай вперёдъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ, — тебѣ и первое мѣсто, потому-что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно сортировать себя мы должны

уже сами». Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству, въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, еслибъ пришлось даже разсматривать ихъ и по одиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямого дѣла; было больше юмору, наивности. Не знаю понятно ли я выражаюсь... Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ въ лицѣ ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другого. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человекъ взбирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и неизмѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно также выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмолившись на нары

стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмоглись на самую печь и лежа на ней смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или ненашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потомъ, отъ жару и духоты. Чтò за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменныхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подыметъ занавѣсъ. Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ напoлся и дома), три балалайки, — всѣ самодѣльщина, двѣ гитары, и бубень вмѣсто контрбаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ ба-

лалаечники ударили костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Чтоже касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведутъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и однообразные удары, то вдругъ этотъ сильный, отчетливый звукъ какъ-бы рассыпается горохомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, — я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалаго въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ поднялась занавѣсъ. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ полѣна; всѣ до единого раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно

привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикурнулъ и Исай Өомичъ, который казалось съ поднятиемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть и я, помню, невольно каждый разъ при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ; не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! «Алей Семенычъ» называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баглушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпнень. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію уди-

вительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непременно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ неразъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю — столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзажи, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина сверхъ того возбуждало соперничество: всемъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго все почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! ай да молодецъ!» — все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена цалованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: «утри!» и самъ утирается, — вышла уморительно смѣшна. Все такъ и покатились со смѣху. Но всего занимательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ все были на-распашку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики ободренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже забываются и пожалуй не-

видя, кто стоит подлѣ него; другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ-бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкнетъ языкомъ и пальцами и не можетъ смиренно устоять на мѣстѣ; а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель, въ хмурый, осенній день,— и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжолый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу,— знай-дескать нашихъ, каковы арестанты! Ихъ конечно все занимало, костюмы напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидѣть напримѣръ такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сертукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатской! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ ни дать ни взять баринъ!» И всѣ въ восторгѣ. «Благодѣтельный

помѣщикъ» вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и — повѣрять ли? — оба точно маленькія дѣти ужасно поссорились другъ съ другомъ зато, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ съ эксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другого и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откуда-то досталъ, по землѣ, вѣроятно считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидать красиво-одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе навѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать пять лѣтъ отъ роду припомнилось все какъ было, для полнаго плѣненія и прельщенія всего острога.

Пецвѣтаевъ былъ дотого углубленъ въ свое занятіе, что ужь и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ неподымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодарственная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношеномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованой бумаги въ другой, которымъ она непрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвухой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни» и вновь поднялась занавѣсъ. Это Кедриль. Кедриль что-то вродѣ Донъ-Жуана; по крайней мѣрѣ и барина и слугу черти подъ конецъ пьесы уносятъ въ адъ. Давался цѣлый актъ, но это видно отрывокъ; начало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканой шляпѣ. За нимъ идетъ

его слуга Кедриль съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курицей. Кедриль въ полубубкѣ и въ лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и есть обжора. Играетъ его арестантъ Поцѣйкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что игралъ въ первой пьесѣ благодѣтельную помѣщицу. Трактирщикъ, Невѣтасевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ, мрачный и озабоченный, бормочетъ про себя, что онъ это давно зналъ и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедриль трусъ и обжора. Услышавъ о чертихъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листь. Онъ бы убѣжалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ тоже время боится его. Это замѣчательный типъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и дѣйствительно замѣчательно переданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. Я разумѣется, встрѣтятся на другой день съ Баклушинымъ, не высказалъ ему своего мнѣнія вполне: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже недурно. Вздоръ онъ несъ ужаснѣйшій, ниначто не похожій; но дикція была правильная, бойкая, жестъ соотвѣтственный. Покажѣсть Кедриль возится съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумьи по сценѣ и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ.

Кедриль любопытно прислушивается, гримасничает, говорит а parte и смѣшнить съ каждымъ словомъ зрителей. Ему не жаль барина; но онъ слышалъ о чертахъ; ему хочется узнать что это такое, и вотъ онъ вступаетъ въ разговоры и въ распросы. Баринъ наконецъ объявляетъ ему, что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и можетъ-быть сегодня же они придутъ, по условію, за душой его. Кедриль начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедриль оживляется, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино, — и нѣтъ-нѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедриль дрожитъ и наскоро, почти безсознательно упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. «Готово ли?» кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ. — Сейчасъ, сударь... я вамъ... приготовлю, — говоритъ Кедриль, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ уплетать барское кушанье. Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинъ стоилъ дѣйствительно похвалы. Слова: «сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю» онъ выговорилъ пресвосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ по-

вернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащить съ собою курицу. Наконецъ онъ утоляетъ свой первый голодъ; пора подумать о баринѣ. — «Кедриль, скоро ли ты?» кричитъ баринъ. — Готово-съ! бойко отвѣчаетъ Кедриль, спохватившись, что барину почти ничего не останется. На тарелкѣ дѣйствительно лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего незамѣчая, садится за столъ, а Кедриль съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждый жестъ, каждая гримаса Кедрила, когда онъ, обращаясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю-барина, встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не-полюдски: въ боковой кулисѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчей; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ объ этомъ никто не задумывается. Такъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и кричитъ имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедриль труситъ какъ заяцъ; онъ лѣзетъ подъ столъ, но несмотря на весь свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедриль вылѣзаетъ изъ за стола; но только что баринъ принимается опять за

куру, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. «Кедриль! спасай меня!» кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку и даже хлѣбъ стащилъ подь столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедриль вылѣзаетъ, осматривается и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто и, кивая публикѣ, говоритъ полушопотомъ:

— Ну, я теперь одинъ... безъ барина!...

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полушопотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!...

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но недолго продолжается счастье Кедрилы. Только-было онъ распорядился бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочахъ и цапъ-царапъ его подь бока. Кедриль кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ выпуча глаза на пуб-

лику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ... Оркестръ начинаетъ комаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванья по декамъ балалайки... Это комаринская во всемъ своемъ размахѣ, и право было бы хорошо, еслибъ Глинка хоть случайно услыхалъ ее у насъ въ острогѣ. Начинается пантомима подъ музыку. Комаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомимы. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинить сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Цецвѣтаевъ.

Замѣчу, что наши декораціи очень бѣдны. И въ этой, и въ предыдущей пьесѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. Въмѣсто задней стѣны протянуть какой-то коверъ или попона; сбоку какія-то дрянныя ширмы. Лѣвая же сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары. Но зрители невзыскательны и соглашаются дополнять воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что арестанты къ тому очень способны: «Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната такъ комната, изба

такъ изба, — всеравно и церемониться много нечего». Сироткинъ въ костюмѣ молодой бабѣнки очень милъ. Между зрителями раздается вполголоса нѣсколько комплиментовъ. Мельникъ кончаетъ работу, беретъ шапку, беретъ кнутъ, подходитъ къ женѣ и объясняетъ ей знаками, что ему надо идти, но что если безъ него жена кого приметъ, то... и онъ показываетъ на кнутъ. Жена слушаетъ и киваетъ головой. Этотъ кнутъ вѣроятно ей очень знакомъ: бабѣнка отъ мужа погуливаетъ. Мужъ уходитъ. Только что онъ за дверь, жена грозитъ ему вслѣдъ кулакомъ. Но вотъ стучать; дверь отворяется и опять является сосѣдъ, тоже мельникъ, мужикъ въ кафтанѣ и съ бородой. Въ рукахъ у него подарокъ, красный платокъ. Бабѣнка смѣется; но только что сосѣдъ хочетъ обнять ее, какъ въ двери опять стукъ. Куда дѣваться? Она наскоро прячетъ его подъ столъ, а сама опять за веретено. Является другой обожатель: это писарь, въ военной формѣ. До сихъ поръ пантомина шла безукоризненно, жестъ былъ безошибочно правиленъ. Можно было даже удивляться, смотря на этихъ импровизированныхъ актеровъ и невольно подумать: сколько силъ и таланту погибаетъ у насъ на Руси иногда почти даромъ, въ неволѣ и въ тяжелой долѣ! Но арестантъ, игравшій писаря, вѣроятно когда-то былъ на провинціальномъ или домашнемъ театрѣ, и ему вообразилось, что наши актеры, всѣ до единого, не понимаютъ дѣла и не такъ ходятъ, какъ слѣдуетъ ходить на сценѣ. И вотъ онъ выступаетъ какъ, гово-

рять, выступали встарину на театрахъ классическіе герои: ступить длинный шагъ, и еще непродвинувъ другой ноги, вдругъ остановится, откинетъ назадъ весь корпусъ, голову, гордо поглядитъ кругомъ, и — ступить другой шагъ. Если такая ходьба была смѣшна въ классическихъ герояхъ, то въ военномъ писарѣ, въ комической сценѣ, еще смѣшнѣе. Но публика наша думала, что вѣроятно такъ тамъ и надо, и длинные шаги долговаго писаря приняла какъ совершившійся фактъ, безъ особенной критики. Едва только писарь успѣлъ выйти на средину сцены, какъ послышался еще стукъ: хозяйка опять переполошилась. Куда дѣвать писаря? въ сундукъ, благо отпертъ. Писарь лѣзетъ въ сундукъ и бабѣнка его накрываетъ крышкой. На этотъ разъ является гость особенный, тоже влюбленный, но особаго свойства. Это браминъ и даже въ костюмѣ. Недержимый хохоть раздается между зрителями. Брамина играетъ арестантъ Кошкинъ и играетъ прекрасно. У него фигура браминская. Жестами объясняетъ онъ всю степень любви своей. Онъ приподымаетъ руки къ небу, потомъ прикладываетъ ихъ къ груди, къ сердцу; но только что онъ успѣлъ разнѣжиться, — раздается сильный ударъ въ дверь. По удару слышно, что это хозяйнѣ. Испуганная жена внѣ себя, браминъ мечется какъ угорѣлый и умоляетъ, чтобъ его спрятали. Наскоро она ставитъ его за шкапъ, а сама, забывъ отпереть, бросается къ своей пряжѣ и прядетъ, прядетъ, неслыша стука въ дверь своего мужа, съ пере-

пуга сучить нитку, которой у нея нѣтъ въ рукахъ, и вертеть веретено, забывъ поднять его съ пола. Сироткинъ очень хорошо и удачно изобразилъ этотъ испугъ. Но хозяинъ выбиваетъ дверь ногою и съ кнутомъ въ рукѣ подходитъ къ женѣ. Онъ все замѣтилъ и подкараулилъ и прямо показываетъ ей пальцами, что у ней спрятаны трое. Затѣмъ ищетъ спрятанныхъ. Перваго находитъ сосѣда, и провожаетъ его тузанами изъ комнаты. Струсившій писарь хотѣлъ было бѣжать, приподнялъ головой крышку и тѣмъ самъ себя выдалъ. Хозяинъ подстегиваетъ его кнутикомъ и на этотъ разъ влюбленный писарь прискакиваетъ вовсе не по-классически. Остается браминъ; хозяинъ долго ищетъ его, наконецъ находитъ въ углу за шкапомъ, вѣжливо откланивается ему и за бороду вытягиваетъ на средину сцены. Браминъ пробуетъ защищаться, кричитъ: «окаланный, окаланный!» (единственные слова, сказанныя въ пантоминѣ), но мужъ не слушаетъ и расправляется по-свойски. Жена, видя, что дѣло доходитъ теперь до нея, бросаетъ пряжу, веретено и бѣжитъ изъ комнаты; донцо валится на землю, арестанты хохочутъ. Алей, не глядя на меня, теребитъ меня за руку и кричитъ мнѣ: «смотри! браминъ, браминъ!» а самъ устоять не можетъ отъ смѣху. Занавѣсъ падаетъ. Начинается другая сцена...

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было еще двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ не сами арестанты, то по крайней

мѣрѣ въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Послѣдняя пантомима, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, побрамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ неслышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ-будто счастливы, и засыпаютъ не по всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы кажется? А между-тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться полюдски, прожить хоть часъ не по-острожному — и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ... Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится на печкѣ, и промолится тамъ до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное

дѣтское лицо. Мало-помалу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяць... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, всматриваюсь — и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ; кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ воснѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ «православныхъ христіанъ» и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!...»

— Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ! думаю я, и склоняю опять голову на подушку.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ЗАПИСКИ

ИЗЪ

МЕРТВАГО ДОМА

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Второе изданіе

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО

1862

ЗАДЪЛЖИ

МЕРТВЯТО ДОМА

О МЕРТВЯТО

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Юня 1862 года.

ЧАСТЪ ВТОРА

САНКЦИОНА

ВЪ САНКЦИОНА

1862

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

ГОШПИТАЛЬ

Вскорѣ послѣ праздниковъ я сдѣлался боленъ и отправился въ нашъ военный гошпиталь. Онъ стоялъ особнякомъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости. Это было длинное одноэтажное зданіе, окрашенное желтой краской. Лѣтомъ, когда происходили ремонтныя работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромномъ дворѣ гошпиталя помѣщались службы, дома для медицинскаго начальства и прочія пригодныя постройки. Въ главномъ же корпусѣ располагались однѣ только палаты. Палатъ было много, но арестантскихъ всего только двѣ, всегда очень наполненныхъ, но особенно лѣтомъ, такъ что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякаго рода «не-

счастливымъ народомъ». Ходили туда наши, ходили разнаго рода военные подсудимые, содержавшіеся на разныхъ абвахтахъ, рѣшонные, нерѣшонные и пересылочные; ходили и изъ исправительной роты, — страннаго заведенія, въ которое отсылались провинившіеся и малонадежные солдатики изъ батальоновъ, для поправленія своего поведенія, и откуда, года черезъ два и больше, они обыкновенно выходили такими мерзавцами, какихъ на рѣдкость и встрѣтить. Заболѣвшіе изъ арестантовъ у насъ обыкновенно поутру объявляли о болѣзни своей унтеръ-офицеру. Ихъ тотчасъ же записывали въ книгу и съ этой книгой отсылали больного съ конвойнымъ въ батальонный лазаретъ. Тамъ докторъ предварительно свидѣтельствовалъ всѣхъ больныхъ изъ всѣхъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ крѣпости, и кого находилъ дѣйствительно больнымъ, записывалъ въ гошпиталь. Меня отмѣтили въ книгѣ, и во второмъ часу, когда уже всѣ наши отправились изъ острога на послѣобѣденную работу, я пошелъ въ гошпиталь. Больной арестантъ обыкновенно бралъ съ собою сколько могъ денегъ, хлѣба, потому-что на тотъ день не могъ ожидать себѣ въ гошпиталѣ порціи, крошечную трубочку и кисеть съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ. Эти послѣдніе предметы тщательно прятавались въ сапоги. Я вступилъ въ ограду гошпитала не безъ нѣкотораго любопытства къ этой новой, незнакомой еще мнѣ варьяціи нашего арестантскаго житья-бытья.

День былъ теплый, хмурый и грустный — одинъ изъ тѣхъ дней, когда такия заведенія, какъ госпиталь, принимаютъ особенно-дѣловой, тоскливый и кислый видъ. Мы съ конвойнымъ вошли въ пріемную, гдѣ стояли двѣ мѣдныя ванны и гдѣ уже дожидались двое больныхъ, изъ подсудимыхъ, тоже съ конвойными. Вопошь фельдшеръ, лѣниво и со властію оглядѣлъ насъ и еще лѣнивѣе отправился доложить дежурному лекарю. Тотъ явился скоро; осмотрѣлъ, обошелся очень ласково и выдалъ намъ «скорбные листы», въ которыхъ были обозначены наши имена. Дальнѣйшее же росписаніе болѣзни, назначеніе лекарствъ, порціи и проч. представлялось уже тому изъ ординаторовъ, который завѣдывалъ арестантскими палатами. Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не нахвалятся своими лекарями. «Отцовъ не надо!» — отвѣчали они мнѣ на мои вопросы, когда я отправлялся въ больницу. Между тѣмъ мы переодѣлись. Платье и бѣлье, въ которомъ мы пришли, отъ насъ отобрали и одѣли насъ въ бѣлье госпитальное, да сверхъ того выдали намъ длинные чулки, туфли, колпаки и толстые суконные, бураго цвѣта халаты, подшитые нето холстомъ, нето какимъ-то пластыремъ. Однимъ словомъ халатъ былъ до послѣдней степеніи грязенъ; но оцѣнилъ я его вполне уже на мѣстѣ. Затѣмъ насъ повели въ арестантскія палаты, которыя были расположены въ концѣ длиннѣйшаго коридора, высокаго и чистаго. Наружная чистота вездѣ была очень удовлетворительна; все, что съ перваго

раза бросалось въ глаза, такъ и лоснилось. Впрочемъ это могло мнѣ такъ показаться послѣ нашего острога. Двое подсудимыхъ пошли въ палату налѣво, я направо. У двери, замкнутой желѣзнымъ болтомъ, стоялъ часовой съ ружьемъ, подлѣ него подчасокъ. Младшій унтеръ-офицеръ (изъ гошпитальнаго караула) велѣлъ пропустить меня и я очутился въ длинной и узкой комнатѣ, по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ которой стояли кровати, числомъ около двадцати двухъ, между которыми три-четыре еще были незаняты. Кровати были деревянныя, окрашенныя зеленой краской, слишкомъ знакомыя всѣмъ и каждому у насъ на Руси, — тѣ самыя кровати, которыя по какому-то предопредѣленію никакъ не могутъ быть безъ клоповъ. Я помѣстился въ углу, на той сторонѣ, гдѣ были окна.

Какъ уже и сказалъ я, тутъ были и наши арестанты, изъ острога. Нѣкоторые изъ нихъ уже знали меня или по-крайней мѣрѣ видѣли прежде. Гораздо болѣе было изъ подсудимыхъ и изъ исправительной роты. Трудно-больныхъ, т. е. невстававшихъ съ постели, было не такъ много. Другіе же, легко-больные или выздоравливавшіе, или сидѣли на койкахъ, или ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, гдѣ между двумя рядами кроватей оставалось еще пространство, достаточное для прогулки. Въ палатѣ былъ чрезвычайно душливый, больничный запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными непріятными испареніями и запахомъ лекарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ

углу топилась печка. На моей койкѣ былъ надѣтъ по-
лосатый чехоль. Я снялъ его. Подъ чехломъ оказалось
суворное одѣяло, подшитое холстомъ, и толстое бѣлье
слишкомъ сомнительной чистоты. Возлѣ койки стоялъ
столикъ, на которомъ была кружка и оловянная чашка.
Все это для приличія прикрывалось выданнымъ мнѣ ма-
ленькимъ полотенцемъ. Внизу столика была еще полка:
тамъ сохранялись у пившихъ чай чайники, жбаны съ
квасомъ и прочее; но пившихъ чай между больными
было очень немного. Трубки же и кисеты, которые
были почти у каждаго, неисключая даже и чахоточ-
ныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ
начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а
если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что
не замѣчаютъ. Впрочемъ и больные были почти всегда
осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью
курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обхо-
дилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника
гошпитальнаго караула.

До тѣхъ поръ я никогда не лежалъ ни въ какой
больницѣ; все окружающее потому было для меня чрез-
вычайно ново. Я замѣтилъ, что возбуждаю нѣкоторое
любопытство. Обо мнѣ уже слышали и оглядывали меня
очень безцеремонно, даже съ отгѣнкомъ нѣ котораго
превосходства, какъ оглядываютъ въ школахъ новичка
или въ присутственныхъ мѣстахъ просителя. Справа
подлѣ меня лежалъ одинъ подсудимый, писарь, неза-
конный сынъ одного отставнаго капитана. Онъ судился

по фальшивымъ деньгамъ и лежалъ уже съ годъ, кажется ничѣмъ не больной, но увѣрявшій докторовъ, что у него аневризмъ. Онъ достигъ цѣли: каторга и тѣлесное наказанье миновали его и онъ, еще годъ спустя, былъ отосланъ въ Т—къ, для содержанія гдѣ-то при больницѣ. Это былъ плотный, коренастый паренъ лѣтъ двадцати восьми, большой плутъ и законникъ, очень неглухой, чрезвычайно развязный и самонадѣянный малый, до болѣзни самолюбивый, пресерьозно увѣрявшій самого себя, что онъ честнѣйшій и правдивѣйшій человекъ въ свѣтѣ и даже вовсе ни въ чемъ невиноватый, и такъ и оставшійся навсегда съ этой увѣренностью. Онъ первый заговорилъ со мною, съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать и довольно подробно рассказалъ мнѣ о внѣшнихъ порядкахъ гошпиталя. Разумѣется прежде всего онъ заявилъ мнѣ, что онъ капитанскій сынъ. Ему чрезвычайно хотѣлось казаться дворяниномъ или по-крайней мѣрѣ «изъ благородныхъ». Вслѣдъ за нимъ подошелъ ко мнѣ одинъ больной изъ исправительной роты и началъ увѣрять, что онъ зналъ многихъ изъ прежде-сосланныхъ дворянъ, называя ихъ по имени и отчеству. Это былъ уже сѣдой солдатъ; на лицѣ его было написано, что онъ все вретъ. Звали его Чекуновъ. Онъ очевидно ко мнѣ подлизывался, вѣроятно подозрѣвая у меня деньги. Замѣтивъ у меня свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги: достать чайникъ и заварить мнѣ чаю. Чайникъ мнѣ обѣщалъ прислать

назавтра М—цкій изъ острога, съ кѣмъ-нибудь изъ арестантовъ, ходившихъ въ госпиталь на работу. Но Чекуновъ обдѣлалъ все дѣло. Онъ досталъ какой-то чугунокъ, даже чашку, вскипятить воду, заварилъ чаю, однимъ словомъ услуживалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, чѣмъ возбудилъ тотчасъ же въ одномъ изъ больныхъ нѣсколько ядовитыхъ насмѣшекъ на свой счетъ. Этотъ больной былъ чахоточный, лежавшій напротивъ меня, по фамилии Устьянцевъ, изъ подсудимыхъ солдатъ, тотъ самый, который, испугавшись наказанія, выпилъ крышку вина, крѣпко настоявъ въ немъ табаку, и тѣмъ нажилъ себѣ чахотку; о немъ я уже упоминалъ какъ-то прежде. До сихъ поръ онъ лежалъ молча и трудно дыша, пристально и серьезно ко мнѣ приглядываясь и съ негодованіемъ слѣдя за Чекуновымъ. Необыкновенная, жолчная серьезность придавала какой-то особенно комическій оттѣнокъ его негодованію. Наконецъ онъ не выдержалъ:

— Ишь, холопъ! Нашоль барина! проговорилъ онъ съ разстановками и задыхающимся отъ безсилія голосомъ. Онъ былъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни.

Чекуновъ съ негодованіемъ оборотился къ нему:

— Это кто холопъ? произнесъ онъ, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холопъ! отвѣчалъ тотъ такимъ самоувѣреннымъ тономъ, какъ-будто имѣлъ полное право распе-

катъ Чекунова и даже былъ приставленъ къ нему для этой цѣли.

— Я холопъ?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не вѣрять! Удивляется!

— Да тебѣ-то что! Вишь они одни, какъ безъ рукъ. Безъ слуги непривычны, извѣстно. Почему не услужить, мохнорылый ты шутъ!

— Это кто мохнорылый?

— Ты мохнорылый.

— Я мохнорылый?

— Ты и есть!

— А ты красавецъ? У самого лица какъ воронье яйцо... коли я мохнорылый.

— Мохнорылый и есть! Вѣдь ужъ Богъ убилъ, лежалъ бы себѣ да помиралъ! Нѣтъ, туда-же собираетъ! Ну чего собираешь!

— Чего! Нѣтъ ужъ я лучше сапогу поклонюсь, а не лаптю. Отецъ мой не кланялся и мнѣ не велѣлъ. Я... я...

Онъ было хотѣлъ продолжать, но страшно закашлялся на нѣсколько минутъ, выплевывая кровью. Скоро холодный, изнурительный потъ выступилъ на узенькомъ лбу его. Кашель мѣшалъ ему, а то бы онъ все говорилъ; по глазамъ его видно было, какъ хотѣлось ему еще поругаться; но, въ безсиліи, онъ только отмахивался рукою... Такъ что Чекуновъ подконецъ ужъ и позабылъ его.

Я почувствовалъ, что злость чахоточнаго направлена скорѣе на меня, чѣмъ на Чекунова. За желаніе Чекунова подслужиться и тѣмъ достать копѣйку никто бы не сталъ на него сердиться или смотрѣть на него съ особымъ презрѣніемъ. Всякъ понималъ, что онъ это дѣлаетъ просто изъ-за денегъ. На этотъ счетъ простой народъ вовсе не такъ щепетиленъ и чутко умѣеть различать дѣло. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай и то, что я и въ кандалахъ какъ баринъ, какъ-будто не могу обойтись безъ прислуги, хотя я вовсе не звалъ и не желалъ никакой прислуги. Дѣйствительно мнѣ всегда хотѣлось все дѣлать самому и даже я особенно желалъ, чтобъ и виду не подавать о себѣ, что я бѣлоручка, нѣженка, барствую. Въ этомъ отчасти состояло даже мое самолюбіе, если ужъ къ слову сказать пришлось. Но вотъ, — и рѣшительно не понимаю какъ это всегда такъ случилось, — но я никогда не могъ отказаться отъ разныхъ услужниковъ и прислужниковъ, которые сами ко мнѣ навязывались и подъ конецъ овладѣвали мной совершенно, такъ что они понастоящему были моими господами, а я ихъ слугой; а по наружности и выходило какъ-то само собой, что я дѣйствительно баринъ, не могу обойтись безъ прислуги и барствую. Это конечно было мнѣ очень досадно. Но Устьянцевъ былъ чахоточный, раздражительный человѣкъ. Прочіе же изъ больныхъ соблюдали видъ равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ высокомерія. Помню, всѣ были заняты однимъ особен-

нымъ обстоятельствомъ: изъ арестантскихъ разговоровъ я узналъ, что въ тотъ же вечеръ приведутъ къ намъ одного подсудимаго, котораго въ эту минуту наказываютъ шпицрутенами. Арестанты ждали новичка съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Говорили впрочемъ, что наказанье будетъ легкое, — всего только пятьсотъ.

Понемногу я оглядѣлся кругомъ. Сколько я могъ замѣтить, дѣйствительно больные лежали здѣсь все болѣе цынготною и главною болѣзнями — мѣстными болѣзнями тамошняго края. Такихъ было въ палатѣ нѣсколько человѣкъ. Изъ другихъ, дѣйствительно больныхъ, лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здѣсь не такъ какъ въ другихъ палатахъ: здѣсь были собраны въ кучу всѣ болѣзни, даже венерическія. Я сказалъ *дѣйствительно* больныхъ, потому-что было нѣсколько и пришедшихъ *такъ*, безо всякой болѣзни, «отдохнуть». Доктора допускали такихъ охотно, изъ состраданія, особенно когда было много пустыхъ кроватей. Содержаніе на абвахтахъ и въ острогахъ казалось сравнительно съ гошпитальнымъ дотого плохо, что многіе арестанты съ удовольствіемъ приходили лежать, несмотря на спертый воздухъ и запертую палату. Были даже особенные любители лежанья и вообще гошпитальнаго житья-бытья; всѣхъ болѣе впрочемъ изъ исправительной роты. Я съ любопытствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, но помню, особенное любопытство тогда же возбудилъ во мнѣ одинъ, уже умиравшій, изъ нашего острога, тоже чахоточный и тоже

въ послѣднихъ дняхъ, лежавшій черезъ кровать отъ Устьянцева и такимъ образомъ тоже почти противъ меня. Звали его Михайловъ; еще двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ острогѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и давно бы пора ему было идти лечиться; но онъ съ какимъ-то упорнымъ и совершенно ненужнымъ терпѣньемъ преодолевалъ себя, крѣпился и только на праздникахъ ушолъ въ госпиталь, чтобъ умереть въ три недѣли отъ ужасной чахотки; точно сгорѣлъ человѣкъ. Меня поразило теперь его страшно-измѣнившееся лицо, — лицо, которое я изъ первыхъ замѣтилъ по вступленіи моемъ въ острогъ; оно мнѣ тогда какъ-то въ глаза кинулось. Подлѣ него лежалъ одинъ исправительный солдатъ, уже старый человѣкъ, страшный, и отвратительный неряха... Но впрочемъ не пересчитывать же всѣхъ больныхъ... Я вспомнилъ теперь и объ этомъ старикашкѣ единственно потому, что онъ произвелъ на меня тогда тоже нѣкоторое впечатлѣніе и въ одну минуту успѣлъ дать мнѣ довольно полное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ арестантской палаты. У этого старичонки, помню, былъ тогда сильнѣйшій насморкъ. Онъ все чихалъ и всю недѣлю потомъ чихалъ даже и во снѣ, какъ-то залпами, по пяти и по шести чиховъ за-разъ, акуратно каждый разъ приговаривая: «Господи, далось же такое наказанье!» Въ ту минуту онъ сидѣлъ на постели и съ жадностью набивалъ себѣ носъ табакомъ изъ бумажнаго сверточка, чтобъ сильнѣе и акуратнѣе прочихаться. Чихалъ онъ

въ бумажный платокъ, собственный, клѣтчатый, разъ-сто мытый и до крайности полинялый, причемъ какъ-то особенно морщился его маленькой носъ, слагаясь въ мелкія, безчисленныя морщинки, и выставлялись осколки старыхъ, почернѣлыхъ зубовъ, вмѣстѣ съ красными, слюнявыми деснами. Прочихавшись, онъ тотчасъ же развертывалъ платокъ, внимательно разсматривалъ обильно-накопившуюся въ немъ мокроту и немедленно смазывалъ ее на свой бурый, казенный халатъ, такъ что вся мокрота оставалась на халатѣ, а платокъ только что развѣ оставался сыренекъ. Такъ онъ дѣлалъ всю недѣлю. Это копотливое, скряжническое сбереженіе собственнаго платка въ ущербъ казенному халату вовсе не возбуждало со стороны больныхъ никакого протеста, хотя кому-нибудь изъ нихъ же послѣ него пришлось бы надѣть этотъ же самый халатъ. Но нашъ простой народъ небрезгливъ и негадливъ даже до странности. Меня же такъ и покорило въ ту минуту, и я тотчасъ же съ омерзениемъ и любопытствомъ невольно началъ осматривать только-что надѣтый мною халатъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ уже давно возбуждалъ мое вниманіе своимъ сильнымъ запахомъ; онъ успѣлъ уже на мнѣ нагрѣться и пахнулъ все сильнѣе и сильнѣе лекарствами, пластырями и, какъ мнѣ казалось, какимъ-то гноемъ, что было немудрено, такъ какъ онъ съ незапамятныхъ лѣтъ несходилъ съ плечъ больныхъ. Можетъ-быть холщевую подкладку его на спинѣ и промывали когда-нибудь; но навѣрно не знаю. Зато въ

настоящее время эта подкладка была пропитана всѣми возможными непріятными соками, примочками, пролившеюся водою изъ прорѣзанныхъ мушекъ и проч. Ктому же въ арестантскія палаты очень часто являлись только что наказанные шпицрутенами, съ израненными спинами; ихъ лечили примочками, и потому халатъ, падѣвавшійся прямо на мокрую рубашку, никакимъ образомъ не могъ не портиться: такъ все на немъ и оставалось. И все время мое въ острогѣ, всѣ эти нѣсколько лѣтъ, какъ только мнѣ случалось бывать въ госпиталѣ (а бывалъ я частенько), я каждый разъ съ боязливою недовѣрчивостью надѣвалъ халатъ. Особенно же не нравились мнѣ иногда встрѣчавшіяся въ этихъ халатахъ вши, крупныя и замѣчательно жирныя. Арестанты съ наслажденіемъ казнили ихъ, такъ что когда подъ толстымъ, неуклюжимъ арестантскимъ ногтемъ щелкнетъ бывало казненный звѣрь, то даже по лицу охотника можно было судить о степени полученнаго имъ удовлетворенія. Очень тоже нелюбили у насъ клоповъ и тоже бывало подымались иногда всей палатой истреблять ихъ въ иной длинный, скучный зимній вечеръ. И хотя въ палатѣ, кромѣ тяжелаго запаха, снаружи все было по возможности чисто, но внутренней, такъ-сказать, подкладочной чистотой у насъ далеко не щеголяли. Больные привыкли къ этому и даже считали, что такъ и надо, да и самыя порядки къ особенной чистотѣ не располагали. Но о порядкахъ я скажу послѣ...

Только-что Чекуновъ подалъ мнѣ чай (мимоходомъ

сказать на палатной водѣ, которая приносилась разомъ на цѣлые сутки и какъ-то слишкомъ скоро портилась въ нашемъ воздухѣ), отворилась съ нѣкоторымъ шумомъ дверь и за усиленнымъ конвоемъ введенъ былъ только-что наказанный шпицрутенами солдатикъ. Это было въ первый разъ, какъ я видѣлъ наказаннаго. Впослѣдствіи ихъ приводили часто, иныхъ даже приносили (слишкомъ ужъ тяжело наказанныхъ), и каждый разъ это доставляло большое развлеченіе больнымъ. Встрѣчали у насъ такового обыкновенно съ усиленно-строгимъ выраженіемъ лицъ и съ какою-то даже нѣсколько натянутою серьезностью. Впрочемъ пріемъ отчасти зависѣлъ и отъ степени важности преступленія, а слѣдственно и отъ количества наказанія. Очень больно битый и, по репутаціи, большой преступникъ, пользовался и бѣльшимъ уваженіемъ и бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ какой-нибудь бѣжавшій рекрутикъ, вотъ какъ тотъ напимѣръ, котораго привели теперь. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ ни особенныхъ сожалѣній, ни какихъ-нибудь особенно - раздражительныхъ замѣчаній не дѣлалось. Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныхъ и искусныхъ руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ

того въ ловкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ. Послѣдняя операція обыкновенно очень бываетъ неприятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость въ перенесеніи боли наказанными. Много я ихъ перевидалъ, иногда уже слишкомъ битыхъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не сто-налъ! Только лицо какъ-будто все измѣнится, поблѣднѣетъ; глаза горять; взглядъ разсѣянный, безпокойный, губы трясутся, такъ что бѣдняга нарочно прикусываетъ ихъ бывало чуть не до крови зубами. Вошедшій солдатикъ былъ парень лѣтъ двадцати трехъ, крѣпкаго мускулистаго сложенія, красиваго лица, высокій, стройный, смуглотѣлый. Спина его была впрочемъ порядочно пообита. Сверху до самой поясницы все его тѣло было обнажено; на плеча его была накинута мокрая простыня, отъ которой онъ дрожалъ всѣми членами какъ въ лихорадкѣ, и часа полтора ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ. Я вглядывался въ его лицо: казалось онъ ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, смотрѣлъ странно и дико, бѣглымъ взглядомъ, которому видимо тяжело было остановиться на чемъ-нибудь внимательно. Мнѣ показалось, что онъ пристально посмотрѣлъ на мой чай. Чай былъ горячій; паръ валилъ изъ чашки, а бѣднякъ иззябъ и дрожалъ, стуча зубъ объ зубъ. Я пригласилъ его выпить. Онъ молча и круто повернулъ ко мнѣ, взялъ чашку, выпилъ стоя и безъ сахару, причемъ очень торопился и какъ-то особенно старался не гля-

дѣтъ на меня. Выпивъ все, онъ молча поставилъ чашку и даже не кивнувъ мнѣ головою, пошолъ опять снова взадъ и впередъ по палатѣ. Но ему было не до словъ и не до киваній. Чтоже касается до арестантовъ, то всѣ они сначала почему-то избѣгали всякаго разговору съ наказаннымъ рекрутикомъ; напротивъ, помогши ему вначалѣ, они какъ-будто сами старались потомъ не обращаться на него болѣе никакого вниманія, можетъ-быть желая какъ можно болѣе дать ему покоя и не докучать ему никакими дальнѣйшими допросами и «участіями», чѣмъ онъ кажется былъ совершенно доволенъ.

Между тѣмъ смерклося, зажгли ночникъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ оказались даже свои собственные подсвѣчники, впрочемъ очень не у многихъ. Наконецъ, уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошолъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ... Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ коридорѣ, всего только два шага отъ дверей. Но ужъ таковъ былъ заведенный порядокъ. Днемъ арестанта еще выпускали изъ палаты, впрочемъ неболѣе какъ на одну минуту; ночью же ни подъ какимъ видомъ. Арестантскія палаты не походили на обыкновенныя и больной арестантъ даже и въ болѣзни несь свое наказаніе. Кѣмъ первоначально заведенъ былъ этотъ порядокъ — не знаю;

знаю только, что настоящаго порядка въ этомъ не было никакого и что никогда вся бесполезная сушь формалистики не высказывалась крупнѣе, какъ на примѣръ въ этомъ случаѣ. Порядокъ этотъ шоль разумѣтся не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ. Всякій видѣль отъ нихъ себѣ ласку, слышалъ доброе слово; а арестантъ, отверженный всѣми, цѣнилъ это, потому-что видѣль неподдѣльность и искренность этого добраго слова и этой ласки. Она могла и не быть; съ лекарей никто бы не спросилъ, еслибъ они обращались иначе, то-есть грубѣе и безчеловѣчнѣе: слѣдственно они были добры изъ настоящаго челоуѣколюбія. И ужъ разумѣтся они понимали, что больному, кто бы онъ ни былъ, арестантъ ли, нѣтъ ли, нуженъ такой же на примѣръ свѣжій воздухъ, какъ и всякому другому больному, даже самаго высшаго чина. Больные въ другихъ палатахъ, выздоравливающіе на примѣръ, могли свободно ходить по коридорамъ, задавать себѣ большой моціонъ, дышать воздухомъ не настолькоъ отравленнымъ, какъ воздухъ палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испареніями. И страшно и гадко представить себѣ теперь, до какой же степени долженъ былъ отравляться этотъ и безъ того уже отравленный воздухъ по ночамъ у насъ, когда вносили этотъ ушатъ, при теплой температурѣ палаты и при извѣстныхъ болѣзняхъ, при которыхъ невозможно обойтись безъ выхода? Если я

сказалъ теперь, что арестантъ и въ болѣзни не съ свое наказаніе, то разумѣется не предполагалъ и не предполагаю, что такой порядокъ устроенъ былъ именно только для одного наказанія. Разумѣется это была бы бессмысленная съ моей стороны клевета. Больныхъ уже нечего наказывать. А если такъ, то само собою разумѣется, что вѣроятно какая-нибудь строгая, суровая необходимость принуждала начальство къ такой вредной по своимъ послѣдствіямъ мѣрѣ. Какая же? Но вотъ тѣмъ-то и досадно, что ничѣмъ другимъ нельзя хоть сколько-нибудь объяснить необходимости этой мѣры и сверхъ того многихъ другихъ мѣръ, дотога непонятныхъ, что не только объяснить, но даже предугадать объясненіе ихъ невозможно. Чѣмъ объяснить такую бесполезную жестокость? Тѣмъ, видите ли, что арестантъ придетъ въ больницу нарочно притворившись больнымъ, обманетъ докторовъ, выйдетъ ночью въ сортиръ и, пользуясь темнотою, убѣжитъ? Seriously доказывать всю нескладность такого разсужденія почти невозможно. Куда убѣжитъ? какъ убѣжитъ? въ чемъ убѣжитъ? Днемъ выпускаются по одному; такъ же могло бы быть и ночью. У двери стоитъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Ретирадное мѣсто буквально въ двухъ шагахъ отъ часового, но несмотря на то, туда сопровождаетъ больного подчасовъ и не спускаетъ съ него глазъ все время. Тамъ только одно окно, по-зимнему съ двумя рамами и съ желѣзной рѣшеткой. Подъ окномъ же на дворѣ, у самыхъ оконъ арестантскихъ палатъ,

тоже ходитъ всю ночь часовой. Чтобъ выдти въ окно, нужно выбить раму и рѣшетку. Ктожь это позволить! Но положимъ, онъ убьетъ предварительно подчаска, такъ что тотъ и не пикнетъ, и никто того не услышитъ. Но допустивъ даже эту нелѣпость, нужно вѣдь все-таки ломать окно и рѣшетку. Замѣтите, что тутъ же подлѣ часового спятъ палатные сторожа, а въ десяти шагахъ, у другой арестантской палаты, стоитъ другой часовой съ ружьемъ, возлѣ него другой подчасокъ и другіе сторожа. И куда бѣжать зимой въ чулкахъ, въ туфляхъ, въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ? А если такъ, если такъ мало опасности (т. е. понастоящему совершенно нѣтъ никакой), — для чего такое серьезное отягощеніе больныхъ можетъ-быть въ послѣдніе дни и часы ихъ жизни, больныхъ, которымъ свѣжій воздухъ еще нужнѣй чѣмъ здоровымъ? Для чего? Я никогда не могъ понять этого...

Но если ужъ спрошено разъ: «для чего», и такъ какъ ужъ пришло къ слову, то не могу не вспомнить теперь и еще объ одномъ недоумѣніи, столько лѣтъ торчавшемъ передо мной въ видѣ самаго загадочнаго факта, на который я тоже никакимъ образомъ не могъ подыскать отвѣта. Не могу не сказать объ этомъ хотя нѣсколькихъ словъ, прежде чѣмъ приступлю къ продолженію моего описанія. Я говорю о кандалахъ, отъ которыхъ не избавляетъ никакая болѣзнь рѣшенаго каторжника. Даже чахоточные умирали на моихъ глазахъ въ кандалахъ. И между тѣмъ всѣ къ этому привыкли,

всѣ считали это чѣмъ-то совершившимся, неотразимымъ. Врядъ ли даже и задумывался кто-нибудь объ этомъ, когда даже и изъ докторовъ никому и въ умъ не пришло, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хоть одинъ разъ походатайствовать у начальства о раскованіи трудно-больного арестанта, особенно въ чахоткѣ. Положимъ, кандалы сами по себѣ не богъ-знаетъ какая тягость. Вѣсу они бывають отъ восьми до двѣнадцати фунтовъ. Носить десять фунтовъ здоровому человѣку не отягчительно. Говорили мнѣ впрочемъ, что отъ кандаловъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ начинаютъ будто-бы ноги сохнуть. Не знаю правда ли это, хотя впрочемъ тутъ есть нѣкоторая вѣроятность. Тягость, хоть и малая, хоть и въ десять фунтовъ, прицѣпленная къ ногѣ навсегда, все-таки ненормально увеличиваетъ вѣсъ члена и чрезъ долгое время можетъ оказать нѣкоторое вредное дѣйствіе... Но положимъ, что для здороваго все ничего. Такъ ли для больного? Положимъ, что и обыкновенному больному ничего. Но таково ли для трудно-больныхъ, таково ли, повторяю, для чахоточныхъ, у которыхъ и безъ того уже сохнуть руки и ноги, такъ что всякая соломинка становится тяжела? И право, еслибъ медицинское начальство выхлопотало облегченіе хотя бы только однимъ чахоточнымъ, то ужъ и это одно было бы истиннымъ и великимъ благодареніемъ. Положимъ, скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и недостойнъ благодареній; но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся

персть божій? Да и повѣрить нельзя, чтобъ это дѣла-лось для одного наказанія. Чахоточный и по суду из-бавляется отъ наказанія тѣлеснаго. Слѣдственно тутъ опять-таки заключается какая-нибудь таинственная, важная мѣра, въ видахъ спасительной предосторожно-сти. Но какая? — понять нельзя. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, что чахоточный убѣжитъ. Кому это придетъ въ голову, особенно имѣя въ виду извѣст-ную степень развитія болѣзни? Прикинуться же чахо-точнымъ, обмануть докторовъ, чтобъ убѣжать, — невоз-можно. Не такая болѣзнь; ее съ перваго взгляда видно. Да и кстати сказать: неужели заковываютъ человѣка въ ножныя кандалы для того только, чтобъ онъ не бѣжалъ или чтобъ это помѣшало ему бѣжать? Совсѣмъ нѣтъ. Кандалы — одно шельмованіе, стыдъ и тягость, физическая и нравственная. Такъ по-крайней мѣрѣ предполагается. Бѣжать же они никогда никому помѣ-шать не могутъ. Самый неумѣлый, самый неловкій аре-стантъ сумѣетъ ихъ безъ большого труда очень скоро подпилить или сбить заклепку камнемъ. Ножныя кан-далы рѣшительно ни отъ чего не предохраняютъ; а если такъ, если назначаются они рѣшному каторжному только для одного наказанія, то опять спрашиваю: не-ужели-жъ наказывать умирающаго?

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко припоми-нается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня, не-далеко отъ Устьянцева, и который умеръ, помнится,

на четвертый день по прибытіи моемъ въ палату. Можетъ-быть я и заговорилъ теперь о чахоточныхъ, невольно повторяя тѣ впечатлѣнія и тѣ мысли, которыя тогда же пришли мнѣ въ голову по поводу этой смерти. Самого Михайлова впрочемъ я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ «засыхалъ» въ острогѣ. Такъ по-крайней мѣрѣ о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза и право не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается. Онъ умеръ часа въ три пополудни, въ морозный и ясный день. Помню, солнце такъ и пронизывало крѣпкими, косыми лучами зеленныя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его уже начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣньемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуху было мало. Онъ сбиль съ себя одѣяло, всю одежду и наконецъ началъ срывать съ себя рубашку: даже и та казалась ему тяжелою. Ему помогли и сняли съ него и рубашку.

Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которыя кажется онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его, всѣ у насъ какъ-будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ, — ступаль какъ-то неслышно. Разговаривали межъ собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умиравшаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ онъ блуждающей и нетвердой рукой нащупаль на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошолъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, немного излишне занятый своею наружностью, довольно впрочемъ счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палатѣ, подошолъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно-развязнымъ видомъ, какъ-будто нарочно выдуманномъ для этого случая, взялъ его за пульсъ, пощупаль, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертваго-то признать надо было съ особыми cere-

моніями. Въ ожиданіи караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подалъ мысль, что нехудо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошолъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взялъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею; надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ мертвое лицо костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ вошолъ караульный унтеръ-офицеръ при тесагѣ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ посматривая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это же самое мгновенье тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились и у Чекунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро,

точно нечаянно кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была! и отошолъ прочь.

Помню, эти слова меня точно пронзили... И для чего онъ ихъ проговорилъ, и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ койкой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ... Ихъ подобрали. Тѣло понесли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было какъ унтеръ-офицеръ, уже въ коридорѣ, посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца...

Но я отступилъ отъ предмета...

II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Доктора обходили палаты поутру; часу въ одиннадцатомъ являлись они у насъ всѣ вмѣстѣ, сопровождая главнаго доктора, а прежде нихъ, часа за полтора, посѣщаль палату нашъ ординаторъ. Въ то время у насъ былъ ординаторомъ одинъ молоденькой лекаръ, знающій дѣло, ласковый, привѣтливый, котораго очень любили арестанты и находили въ немъ только одинъ недостатокъ: «слишкомъ ужь смиренъ.» Въ самомъ

дѣлѣ онъ былъ какъ-то не разговорчивъ, даже какъ-будто конфузился насъ, чуть не краснѣлъ, измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лекарства по ихъ же просьбѣ. Впрочемъ онъ былъ славный молодой человѣкъ. Надо признаться, много лекарей на Руси пользуются любовью и уваженіемъ простаго народа и это, сколько я замѣтилъ, совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксомъ, особенно взявъ въ соображеніе всеобщее недоувѣріе всего русскаго простаго народа къ медицинѣ и къ заморскимъ лекарствамъ. Въ самомъ дѣлѣ простолюдинъ скорѣе нѣсколько лѣтъ сряду, страдая самою тяжелою болѣзнію, будетъ лечиться у знахарки или своими домашними, простонародными лекарствами (которыми отнюдь не надо пренебрегать), чѣмъ пойдетъ къ доктору или лежать въ гошпиталь. Но кромѣ того, что тутъ есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно неотносящееся къ медицинѣ, именно: всеобщее недоувѣріе всего простолюдья ко всему, что носить на себѣ печать административнаго, форменнаго; кромѣ того народъ запуганъ и предубѣжденъ противъ гошпиталей разными страхами, росказнями, нерѣдко нелѣпыми, но иногда имѣющими свое основаніе. Но главное его пугаютъ нѣмецкіе порядки гошпиталя, чужіе люди кругомъ во все продолженіе болѣзни, строгости насчетъ ѣды, рассказы о настойчивой суровости фельдшеровъ и лекарей, о взрѣзываніи и потрошеніи труповъ и

проч. Ктому же, разсуждаетъ народъ, господа лечить будутъ, потому что лекаря все-таки господа. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ лекарями (хотя и не безъ исключеній, но большею частію), всѣ эти страхи исчезаютъ очень скоро, что, по моему мнѣнію, прямо относится къ чести докторовъ нашихъ, преимущественно молодыхъ. Большая часть ихъ умѣютъ заслужить уваженіе и даже любовь простонародья. По крайней мѣрѣ я пишу о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, неоднократно и во многихъ мѣстахъ, и не имѣю основаній думать, чтобъ въ другихъ мѣстахъ слишкомъ часто поступалось иначе. Конечно въ нѣкоторыхъ углахъ лекаря берутъ взятки, сильно пользуются отъ своихъ больницъ, почти пренебрегаютъ больными, даже забываютъ совсѣмъ медицину. Это еще есть; но я говорю про большинство или, лучше-сказать, про тотъ духъ, про то направленіе, которое осуществляется теперь, въ наши дни, въ медицинѣ. Тѣ же, отступники дѣла, волки въ овечьемъ стадѣ, чтобы ни представляли въ свое оправданіе, какъ бы ни оправдывались, напримѣръ хотъ *средой*, которая заѣла и ихъ въ свою очередь, всегда будутъ неправы, особенно если при этомъ потеряли и человѣколюбіе. А человѣколюбіе, ласковость, братское состраданіе къ больному, иногда нужнѣе ему всѣхъ лекарствъ. Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла, Это положимъ правда, что она многое въ насъ заѣдаетъ, да не все же, и часто иной хитрый и понимаю-

дѣло плусть, преловко прикрываетъ и оправдываетъ вліяніемъ этой среды не одну свою слабость, а нерѣдко и просто подлость, особенно если умѣеть красно говорить или писать. Впрочемъ я опять отбилъ отъ темы; я хотѣлъ только сказать, что простой народъ недоувѣрчивъ и враждебенъ болѣе къ администраціи медицинской, а не къ лекарямъ. Узнавъ каковы они на дѣлѣ, онъ быстро теряетъ многія изъ своихъ предубѣжденій. Прочая же обстановка нашихъ лечебницъ до сихъ поръ во многомъ не соотвѣтствуетъ духу народа, до сихъ поръ враждебна своими порядками привычкамъ нашего простолюдья и не въ состояніи пріобрѣсти полного довѣрія и уваженія народнаго. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется изъ нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ впечатлѣній.

Нашъ ординаторъ обыкновенно останавливался передъ каждымъ больнымъ, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривалъ его и опрашивалъ, назначалъ лекарства, порціи. Иногда онъ и самъ замѣчалъ, что больной ничѣмъ не болѣнъ; но такъ какъ арестантъ пришолъ отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякѣ, вмѣсто голыхъ досокъ и наконецъ все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи, гдѣ въ тѣснотѣ содержатся густыя кучи блѣдныхъ и испитыхъ подсудимыхъ (подсудимые у насъ почти всегда, на всей Руси, блѣдные и испитые, — признакъ что ихъ содержаніе и душевное состояніе почти всегда тяжелѣе, чѣмъ у рѣшонныхъ), то нашъ ординаторъ спокойно записывалъ

имъ какую-нибудь febris catarrhalis и оставлялъ лежать иногда даже на недѣлю. Надъ этой febris catarrhalis всѣ смѣялись у насъ. Знали очень хорошо что это, принятая у насъ, по какому-то обоюдному согласію между докторомъ и больнымъ формула для обозначенія притворной болѣзни; «запасныя колотья» какъ перевели сами арестанты febris catarrhalis. Иногда больной злоупотреблялъ мягкосердіемъ лекаря и продолжалъ лежать до тѣхъ поръ пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотрѣть на нашего ординатора: онъ какъ-будто робѣлъ, какъ-будто стыдился прямо сказать больному, чтобъ онъ выздоравливалъ и скорѣе бы просился на выписку, хотя и имѣлъ полное право, просто запросто, безо всякихъ разговоровъ и умасливаній выписать его, написавъ ему въ скорбномъ листѣ sanat. est. Онъ сначала намекалъ ему, потомъ какъ бы упранивалъ: «Не пора ли, дескать? вѣдь ужъ ты почти здоровъ, въ палатѣ тѣсно и проч. и проч.» до тѣхъ поръ пока больному самому становилось совѣстно и онъ самъ наконецъ просился на выписку. Старшій докторъ, хотъ былъ и человѣколюбивый и честный человѣкъ (его тоже очень любили больные), но былъ несравненно суровѣе, рѣшительнѣе ординатора, даже при случаѣ выказывалъ суровую строгость и за это его у насъ какъ-то особенно уважали. Онъ являлся въ сопровожденіи всѣхъ госпитальныхъ лекарей, послѣ ординатора, тоже свидѣтельствовалъ каждаго по одиночкѣ, особенно останавливался надъ трудными больными, все-

гда умѣлъ сказать имъ доброе ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производилъ хорошее впечатлѣніе. Пришедшихъ съ запасными колотьями онъ никогда не отвергалъ и не отсылалъ назадъ; но если больной самъ упорствовалъ, то просто запросто выпи-сывалъ его: «Ну чтожь, братъ, полежалъ довольно, отдохнулъ, ступай, надо честь знать.» Упорствовали обыкновенно или лѣнливые до работъ, особенно въ ра-бочее, лѣтнее время, или изъ подсудимыхъ ожидавшихъ себѣ наказанія. Помню съ однимъ изъ такихъ употре-блена была особенная строгость, жестокость даже, чтобъ склонить его къ выпискѣ. Пришолъ онъ главною бо-лѣзнію; глаза красные, жалуется на сильную колючую боль въ глазахъ. Его стали лечить мушками, пьивка-ми, брызгами въ глаза какой-то разъѣдающей жид-костью и проч., но болѣзнь все-таки не проходила, глаза не очищались. Мало-помалу догадались доктора что болѣзнь притворная: воспаленіе постоянно неболь-шое, хуже не дѣлается, да и не вылечивается, все въ одномъ положеніи, случай подозрительный. Арестанты всѣ давно уже знали, что онъ притворяется и людей обманываетъ, хотя онъ самъ и не признавался въ этомъ. Это былъ молодой парень, даже красивый собой, но про-изводившій какое-то непріятное впечатлѣніе на всѣхъ насъ: скрытный, подозрительный, нахмуренный, ни съ кѣмъ не говорить, глядитъ изподлобья, отъ всѣхъ та-ится, точно всѣхъ подозрѣваетъ. Я помню — инымъ даже приходило въ голову, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-

нибудь. Онъ былъ солдатъ, сильно проворовался, былъ уличенъ, и ему выходили тысяча палогъ и арестантскія роты. Чтобъ отдалить минуту наказанія, какъ я уже упоминалъ прежде, рѣшаются иногда подсудимые на страшныя выходки: пырнуть ножомъ наканунѣ казни кого-нибудь изъ начальства, али своего же брата арестанта, его и судять по новому и отдаляется наказаніе еще мѣсяца на два и цѣль его достигается. Ему нужды нѣтъ до того, что его будутъ наказывать черезъ два же мѣсяца вдвое, втрое суровѣе; только бы теперь-то отдалить грозную минуту хоть на нѣсколько дней, а тамъ чтобы ни было,— до того бываетъ иногда силенъ упадокъ духа въ этихъ несчастныхъ. У насъ иные уже шептались промежь себя, чтобъ остерегаться его; пожалуй зарѣжетъ кого-нибудь ночью. Впрочемъ такъ только говорили, а особенныхъ предосторожностей никакихъ не брали, даже тѣ, у которыхъ койки приходились съ нимъ рядомъ. Видѣли впрочемъ, что онъ по ночамъ растираетъ глаза извѣсткой со щекатурки и чѣмъ-то еще другимъ, чтобъ къ утру они опять стали красные. Наконецъ главный докторъ погрозилъ ему заволокой. Въ упорной глазной болѣзни, продолжающейся долго и когда уже всѣ медицинскія средства бывають испытаны, чтобъ спаси зрѣніе, доктора рѣшаются на сильное и мучительное средство: ставятъ больному заволоку, точно лошади. Но бѣднякъ и тутъ не согласился выздоровѣть. Что за упрямый былъ это характеръ, или ужь слишкомъ трусливый: вѣдь заволока была хоть и не такъ

какъ палки, но тоже очень мучительна. Больному собираютъ сзади на шеѣ кожу рукой, сколько можно захватить, протыкаютъ все захваченное тѣло ножомъ, отчего происходитъ широкая и длинная рана по всему затылку, и продѣваютъ въ эту рану холстинную тесемку, довольно широкую, почти въ палецъ; потомъ каждый день, въ опредѣленный часъ, эту тесемку передергиваютъ въ ранѣ, такъ что какъ-будто вновь ее разрѣзаютъ, чтобъ рана вѣчно гноилась и не заживала. Бѣднякъ переносилъ, впрочемъ съ ужасными мученіями, и эту пытку упорно нѣсколько дней, и наконецъ только согласился выписаться. Глаза его въ одинъ день стали совершенно здоровые и, какъ только зажила его шея, онъ отправился на абвахту, чтобъ на завтра же выйти опять на тысячу палокъ.

Конечно, тяжела минута передъ наказаніемъ, тяжела до того, что можетъ-быть я грѣшу, называя этотъ страхъ малодушіемъ и трусостию. Стало-быть тяжело, когда подвергаются двойному, тройному наказанію, только бы не сейчасъ оно исполнилось. Я упоминалъ впрочемъ и о такихъ, которые сами просились скорѣе на выписку еще съ незажившей отъ первыхъ палокъ спиной, чтобъ выходить остальные удары и окончательно выйти изъ-подъ суда; а содержаніе подъ судомъ, на абвахтѣ конечно для всѣхъ несравненно хуже каторги. Но кромѣ разницы темпераментовъ, большую роль играетъ въ рѣшимости и безстрашии нѣкоторыхъ закоренѣлая привычка къ ударамъ и къ

наказанію. Многократно битый какъ-то укрѣпляется духомъ и спиной и смотритъ наконецъ на наказаніе скептически, почти какъ на малое неудобство, и уже не боится его. Говоря вообще это вѣрно. Одинъ нашъ арестантикъ, изъ особаго отдѣленія, крещеный калмыкъ, Александръ или Александра, какъ звали его у насъ, странный малый, плутоватый, безстрашный и въ то же время очень добродушный, рассказывалъ мнѣ какъ онъ выходилъ свои четыре тысячи, рассказывалъ смѣясь и шутя, но тутъ же клялся пресерьозно, что еслибъ съ дѣтства, съ самаго нѣжнаго, перваго своего дѣтства онъ не выросъ подъ плетью, отъ которой буквально всю жизнь его въ своей ордѣ не сходили рубцы съ его спины, то онъ бы ни за что не вынесъ этихъ четырехъ тысячъ. Рассказывая, онъ какъ-будто благословлялъ это воспитаніе подъ плетью. «Меня за все били, Александръ Петровичъ, говорилъ онъ мнѣ разъ, сидя на моей койкѣ, подъ вечеръ, передъ огнями, за все про все, за что ни попало, били лѣтъ пятнадцать сряду, съ самаго того дня, какъ себя помнитъ началъ, каждый день по нѣскольку разъ; не билъ кто не хотѣлъ; такъ что я подъ конецъ ужъ совсѣмъ привыкъ». Какъ онъ попалъ въ солдаты не знаю; не помню; впрочемъ, можетъ онъ и рассказывалъ; это былъ всегдашній бѣгунъ и бродяга. Только помню его рассказъ о томъ, какъ онъ ужасно струсилъ, когда его приговорили къ четыремъ тысячамъ, за убійство начальника. «Я зналъ, что меня будутъ наказывать строго и что можетъ изъ-подъ на-

локъ не выпустятъ, и хоть я и привыкъ къ плетямъ, да вѣдь четыре тысячи палокъ, — шутка! да еще все начальство озлилось! Зналъ я, навѣрно зналъ, что не пройдетъ даромъ, не выхожу; не выпустятъ изъ-подъ палокъ. Я сначала попробовалъ было окреститься, думаю, авось простятъ, и хоть мнѣ свои же тогда говорили, что ничего изъ этого не выйдетъ, не простятъ, да думаю: все-таки попробую, все-таки имъ жальче будетъ крещенаго-то. Меня и въ самомъ дѣлѣ окрестили и при святомъ крещеніи нарекли Александромъ; ну а палки все-таки палками остались; хоть бы одну простили; даже обидно мнѣ стало. Я и думаю про себя: постой же я васъ всѣхъ и взаправду надую. И вѣдь что вы думаете, Александръ Петровичъ, надулъ! Я ужасно умѣлъ хорошо мертвымъ представиться, то есть не то, чтобы совсѣмъ мертвымъ, а вотъ-вотъ сейчасъ душа вонъ изъ тѣла уйдетъ. Повели меня; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламываются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Подошолъ лекарь: сейчасъ, говорить, умереть. Понесли меня въ гошпиталь, а я тотчасъ ожилъ. Такъ меня еще два раза потомъ выводили, и ужъ злились они, очень на меня злились, а я ихъ еще два раза надулъ; третью тысячу только одну прошолъ, обмеръ, а какъ пошолъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, каждый ударъ за три удара шолъ,

такъ больно били! Остервенились на меня. Эта-то вотъ скаредная послѣдняя тысяча (чтобъ ее!...) всѣхъ трехъ первыхъ стоила, и кабы не умеръ я передъ самымъ концомъ (всего палокъ двѣсти только оставалось), забили бы тутъ же на смерть, ну да и я не далъ себя въ обиду: опять надулъ и опять обмеръ; опять повѣрили, да и какъ не повѣрить, лекаръ вѣрить, такъ что на двухъ стахъ-то послѣднихъ, хоть изо всей злости били потомъ, такъ били, что въ другой разъ двѣ тысячи легче, да нѣтъ, носъ утри, не забили, а отчего не забили? А все тоже потому, что създѣтства подъ плетью росъ. Оттого и живъ до сегодня. Охъ били-то меня били на моемъ вѣку! прибавилъ онъ въ концѣ разсказа какъ бы въ грустномъ раздумьи, какъ бы силясь припомнить и пересчитать, сколько разъ его били. «Да нѣтъ, прибавилъ онъ, перебивая минутное молчаніе, и не пересчитать сколько били; да и куды перечесть! Счету такого не хватитъ». Онъ взглянулъ на меня и разсмѣялся, но такъ добродушно, что я самъ не могъ не улыбнуться ему въ отвѣтъ. «Знаете ли, Александръ Петровичъ, я вѣдь и теперь, коли сонъ ночью вижу, такъ непремѣнно, — что меня бьютъ; другихъ и сновъ у меня не бываетъ». Онъ дѣйствительно часто кричалъ по ночамъ и кричалъ бывало во все горло, такъ что его тотчасъ будили толчками арестанты: «Ну что, чортъ, кричишь!» Былъ онъ парень здоровый, не высокаго росту, вертлявый и веселый, лѣтъ сорока пяти, жилъ со всѣми ладно, и хотъ очень любилъ во-

ровать и очень часто бывалъ у насъ бить за это, но вѣдь ктожь у насъ не проворовывался, и ктожь у насъ не былъ бить за это?

Прибавлю къ этому одно: удивлялся я всегда тому необыкновенному добродушію, тому беззлобію, съ которымъ рассказывали всѣ эти битые о томъ, какъ ихъ били и о тѣхъ, кто ихъ билъ. Часто ни малѣйшаго даже оттѣнка злобы или ненависти неслышалось въ такомъ рассказѣ, отъ котораго у меня подчасъ подымалось сердце и начинало крѣпко и сильно стучать. А они бывало рассказываютъ и смѣются какъ дѣти. Вотъ М—цкій, напримѣръ, рассказывалъ мнѣ о своемъ наказаніи; онъ былъ не дворянинъ, и прошолъ пятьсотъ. Я узналъ объ этомъ отъ другихъ и самъ спросилъ его: правда ли это и какъ это было? Онъ отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ-будто съ какою-то внутреннею болью, точно стараясь не глядѣть на меня, и лицо его покраснѣло; черезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня и въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія. Я почувствовалъ, что онъ никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго. Но наши, почти всѣ (не ручаюсь, чтобъ не было исключеній), смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Не можетъ-быть, думалъ я иногда, чтобъ они считали себя совсѣмъ виновными и достойными казни, особенно когда согрѣшили не противъ своихъ, а противъ начальства. Большинство изъ нихъ совсѣмъ себя не виныло. Я сказалъ уже, что угрызений совѣсти я не замѣчалъ, даже

въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было противъ своего же общества. О преступленіяхъ противъ начальства и говорить нечего. Казалось мнѣ иногда, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ былъ свой особенный, такъ-сказать, какой-то практическій или, лучше, фактическій взглядъ на дѣло. Принималась во вниманіе судьба, неотразимость факта и не то что обдуманно какъ-нибудь, а такъ ужь, бессознательно, какъ вѣра какая-нибудь. Арестантъ, напримѣръ, хоть и всегда наклоненъ чувствовать себя правымъ, въ преступленіяхъ противъ начальства, такъ что и самый вопросъ объ этомъ для него не мыслимъ, но все-таки онъ практически сознавалъ, что начальство смотритъ на его преступленіе совсѣмъ инымъ взглядомъ, а стало-быть, онъ и долженъ быть наказанъ и квити. Тутъ борьба обоюдная. Преступникъ знаетъ притомъ и не сомнѣвается, что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, онъ опять-таки знаетъ это, его окончательно не осудитъ, а бѣльшую частію и совсѣмъ оправдаетъ, лишь бы грѣхъ его былъ не противъ своихъ, противъ братьевъ, противъ своего же родного простонародья. Совѣсть его спокойна, а совѣстью онъ и силенъ и не смущается нравственно, а это главное. Онъ какъ бы чувствуетъ, что есть на что опереться, и потому не ненавидитъ, а принимаетъ случившееся съ нимъ за фактъ неминучій, который не имъ начался, не имъ и кончится и долго долго еще будетъ продолжаться, среди разъ поставленной, пассив-

ной, по упорной борьбы. Какой солдатъ ненавидитъ лично турку, когда съ нимъ воюеть; а вѣдь турка же рѣжетъ его, колетъ, стрѣляетъ въ него. Впрочемъ не всѣ рассказы были ужь совершенно хладнокровны и равнодушны. Про поручика Жеребятникова, напримѣръ, рассказывали даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ негодованія, впрочемъ не очень большого. Съ этимъ поручикомъ Жеребятниковымъ я познакомился еще въ первое время моего лежанья въ больницѣ, разумѣется изъ арестантскихъ разсказовъ. Потомъ какъ-то я увидѣлъ его и въ натурѣ, когда онъ стоялъ у насъ въ караулѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь тридцать, росту высокаго, толстый, жирный, съ румяными, заплывшими жиромъ щеками, съ бѣлыми зубами и съ поздревскимъ раскатистымъ смѣхомъ. По лицу его было видно, что это самый незадумывающійся человѣкъ въ мѣрѣ. Онъ дострасти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда бывало назначали его экзекуторомъ. Спѣшу присовокупить, что на поручика Жеребятникова я ужь и тогда смотрѣлъ какъ на урода между своими же, да такъ смотрѣли на него и сами арестанты. Были и кромѣ него исполнители, въ старину разумѣется, въ ту недавнюю старину, о которой «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», любившіе исполнить свое дѣло рачительно и съ усердіемъ. Но бѣльшею частію это происходило наивно и безъ особаго увлеченія. Поручикъ же былъ чѣмъ-то вродѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно

любилъ исполнительное искусство, и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и какъ истаскавшійся въ наслаженіяхъ, полинявшій патрицій времянь Римской имперіи, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противуестественности, чтобъ сколько-нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводятъ арестанта къ наказанію; Жеребятниковъ экзекуторомъ; одинъ взглядъ на длинный, выстроенный рядъ людей съ толстыми палками уже вдохновляетъ его. Онъ самодовольно обходитъ ряды и подтверждаетъ усиленно, чтобы каждый исполнялъ свое дѣло рачительно, совѣстливо, не то... Но ужь солдатики знали, что значить это *не то*. Но вотъ приводятъ самого преступника, и если онъ еще до сихъ поръ былъ не знакомъ съ Жеребятниковымъ, если не слышалъ еще про него всей подноготной, то вотъ какую напимѣръ штучку тотъ съ нимъ выкидывалъ (Разумѣется это одна изъ сотни штучекъ; поручикъ былъ неистоцимъ въ изобрѣтеніяхъ). Всякій арестантъ, въ ту минуту, когда его обнажаютъ, а руки привязываютъ къ прикладамъ ружей, на которыхъ, такимъ образомъ, тянуть его потомъ унтеръ-офицеры черезъ всю зеленую улицу, — всякій арестантъ, слѣдуя общему обычаю, всегда начинаетъ въ эту минуту слезливымъ жалобнымъ голосомъ молить экзекутора, чтобы наказывалъ послабѣе и не усугублялъ наказанія излишнею строгостію: «ваше благородіе, кричитъ несчастный, помилуйте, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣкъ бога мо-

лить, не погубите, помилусердствуйте!» Жеребятниковъ только бывало того и ждетъ; тотчасъ остановить дѣло и тоже съ чувствительнымъ видомъ начинаетъ разговоръ съ арестантомъ:

— Другъ ты мой, говоритъ онъ, да чтоже мнѣ-то дѣлать съ тобой? Не я наказую, законъ!

— Ваше благородіе, все въ вашихъ рукахъ, помилусердствуйте!

— А ты думаешь мнѣ не жалко тебя? Ты думаешь мнѣ въ удовольствіе смотрѣть какъ тебя будутъ бить? Вѣдь я тоже человѣкъ! Человѣкъ я, аль нѣтъ, по-твоему?

— Вѣстимо, ваше благородіе, знамо-дѣло; вы отцы, мы дѣти. Будьте отцомъ роднымъ! кричитъ арестантъ, начиная уже надѣяться.

— Да другъ ты мой, разсуди самъ; умъ-то вѣдь у тебя есть, чтобъ разсудить: вѣдь я и самъ знаю, что по человѣчеству долженъ и на тебя, грѣшника, смотрѣть снисходительно и милостиво.

— Сущую правду изволите ваше благородіе говорить!

— Да, милостиво смотрѣть какъ бы ты ни былъ грѣшенъ. Да вѣдь тутъ не я, а законъ! Подумай! Вѣдь я Богу служу и отечеству; я вѣдь тяжкій грѣхъ возьму на себя, если ослаблю законъ, подумай объ этомъ!

— Ваше благородіе!

— Ну да ужь что! ужь такъ и быть, для тебя!

Знаю, что грѣшу, но ужь такъ и быть... Помилую я тебя на этотъ разъ, накажу легко. Ну а что если я тѣмъ самымъ тебѣ вредъ принесу? Я тебя вотъ теперь помилую, накажу легко, а ты понадѣешься, что и другой разъ также будетъ, да и опять преступленіе сдѣлаешь, что тогда? вѣдь на моей же душѣ...

— Ваше благородіе! другу не другу забаву! Вотъ какъ есть передъ престоломъ небеснаго создателя...

— Ну да ужь хорошо, хорошо! А поклянешься мнѣ, что будешь себя впредь хорошо вести?

— Да разрази меня Господи, да чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ...

— Не клянись, грѣшно. Я и слову твоему повѣрю, даешь слово?

— Ваше благородіе!!!

— Ну слушай же, милую я тебя только ради сиротскихъ слезъ твоихъ; ты сирота?

— Сирота, ваше благородіе, какъ перстъ одинъ, ни отца ни матери...

— Ну такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ; но смотри же, въ послѣдній разъ... ведите его, прибавляетъ онъ такимъ мягкосердымъ голосомъ, что арестантъ ужь и не знаетъ какими молитвами Бога молить за такого милостивца. Но вотъ грозная процесія тронулась, повели; загремѣлъ барабанъ, замахали первыя палки... «Катай его!» кричитъ во все свое горло Жеребятниковъ, жги его! лупи-лупи! Обжигай! Еще ему, еще ему! крѣпче сироту, крѣпче мошенника! сажай его,

сажай!» И солдаты лупяť со всего розмаха, искры сыплотся изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать, а Жеребятниковъ бѣжить за нимъ по фрунту и хохочеть-хохочеть, заливаеця, бока руками подпираетъ отъ смѣха, распрямиться не можетъ, такъ что даже жалко его подъ конецъ станеть, сердешнаго. И радъ-то онъ, и смѣшно-то ему, и только развѣ изрѣдка перервется его звонкій, здоровый, раскатистый смѣхъ, и слышится опять: «лупи его, лупи! Обжигай его мошенника, обжигай сироту!...»

А вотъ еще какія онъ изобрѣталъ варьяціи: выведутъ къ наказанію; арестантъ опять начинаетъ молить. Жеребятниковъ на этотъ разъ не ломается, не гримасничаетъ, а пускается въ откровенности:

«Видишь что, любезный, говоритъ онъ, накажу я тебя какъ слѣдуетъ, потому ты и стоишь того. Но вотъ что я для тебя, пожалуй, сдѣлаю: къ прикладамъ я тебя не привяжу. Одинъ пойдешь, только по новому: Бѣги что есть силы черезъ весь фрунтъ! Тутъ хоть и каждая палка ударить, да вѣдь дѣло-то будетъ короче, какъ думаешь? хочешь испробовать?»

Арестантъ слушаетъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣрчивостью, и задумывается; «чтожъ думаетъ онъ про себя, а можетъ оно и вправду вальготнѣе будетъ; пробѣгу что есть мочи, такъ мука впятеро короче будетъ, а можетъ и не всякая палка ударить».

— Хорошо, ваше благородіе, согласенъ.

— Ну и я согласенъ, катай! Смотрите-жъ, не зѣ-

вать! кричить онъ солдатамъ, зная впрочемъ напередъ, что ни одна палка не манкируетъ виноватой спины; промахнувшійся солдатъ тоже очень хорошо знаетъ чему подвергается. Арестантъ пускается бѣжать что есть силы по «зеленой улицѣ», но разумѣется не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ: палки какъ барабанная дробь, какъ молнія, разомъ, вдругъ, низвергаются на его спину и бѣднякъ съ крикомъ упадаетъ какъ подкошенный, какъ сраженный пулей. — Нѣтъ, ваше благородіе, лучше ужь по закону, говоритъ онъ, медленно подымаясь съ земли, блѣдный и испуганный, а Жеребятниковъ, который заранѣ зналъ всю эту шутку и что изъ нея выйдетъ, хохочетъ, заливается. Но и не описать всѣхъ его развлеченій и всего, что про него у насъ рассказывали!

Нѣсколько другимъ образомъ, въ другомъ тонѣ и духѣ, рассказывали у насъ объ одномъ поручикѣ Смекаловѣ, исполнявшемъ должность командира при нашемъ острогѣ прежде еще чѣмъ назначили къ этой должности нашего плацъ-маіора. Про Жеребятникова хоть и рассказывали довольно равнодушно, безъ особенной злобы, но все-таки не любовались его подвигами, не хвалили его, а видимо имъ гнушались. Даже какъ-то свысока презирали его. Но про поручика Смекалова вспоминали у насъ съ радостію и наслажденіемъ. Дѣло въ томъ, что это вовсе не былъ какой-нибудь особенный охотникъ высѣчь; въ немъ отнюдь не было чисто жеребятническаго элемента. Но все-таки онъ былъ отнюдь

не прочь и высѣчь; въ томъ-то и дѣло, что самыя розги его вспоминались у насъ съ какою-то сладкою любовью, — такъ умѣлъ угодить этотъ человѣкъ арестантамъ! А и чѣмъ? Чѣмъ заслужилъ онъ такую популярность? Правда, нашъ народъ, какъ можетъ-быть и весь народъ русскій, готовъ забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово; говорю объ этомъ какъ объ фактѣ, не разбирая его на этотъ разъ, ни съ той, ни съ другой стороны. Нетрудно было угодить этому народу и приобрести у него популярность. Но поручикъ Смекаловъ приобрѣлъ *особенную* популярность — такъ что даже о томъ, какъ онъ сѣкъ, припоминалось чуть не съ умиленіемъ. «Отца не надо», говорятъ бывало арестанты и даже вздыхаютъ, сравнивая по воспоминаніямъ ихъ прежняго временнаго начальника, Смекалова, съ теперешнимъ плацъ-маіоромъ. «Душа человѣкъ!» — Былъ онъ человѣкъ простой, можетъ даже и добрый по-своему. Но случается бываетъ не только добрый, но даже и великодушный человѣкъ въ начальникахъ, и чтожь? — всѣ не любятъ его, а надъ инымъ такъ смотришь и просто смѣются. Дѣло въ томъ, что Смекаловъ умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что всѣ его у насъ признавали за *своего* человѣка, а это большое умѣнье или вѣрнѣе-сказать прирожденная способность, надъ которой и не задумываются даже обладающіе ею. Странное дѣло: бываютъ даже изъ такихъ и совсѣмъ недобрые люди, а между тѣмъ приобретаютъ иногда большую популярность. Не брезгливы они, не гадливы

къ подчиненному народу, — вотъ гдѣ, кажется мнѣ, причина! Барченка-бѣлоручки въ нихъ не видать, духа барскаго не слышать, а есть въ нихъ какой-то особенный простонародный запахъ, прирожденный имъ, и, боже-мой, какъ чутокъ народъ къ этому запаху! чего онъ не отдастъ за него! Милосерднѣйшаго человѣка готовъ промѣнять даже на самаго строгаго, если этотъ припахиваетъ ихнимъ собственнымъ, посконнымъ запахомъ. Чтожъ если этотъ припахивающій человѣкъ сверхъ того и дѣйствительно добродушень, хотя бы и по-своему? Тутъ ужъ ему и цѣны нѣтъ! Поручикъ Смекаловъ, какъ уже и сказалъ я, иной разъ и больно наказывалъ, но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что на него не только не злобствовали, но даже напротивъ, теперь, въ мое время, какъ уже все давно прошло, вспоминали о его *штучкахъ* при сѣченіи со смѣхомъ и съ наслажденіемъ. Впрочемъ у него было много штукъ: фантазіи художественной не хватало. По правдѣ, была всего-то одна штука, одна-единственная, съ которой онъ чуть не цѣлый годъ у насъ пробавлялся; но можетъ-быть она именно и мила-то была тѣмъ, что была единственная. Наивности въ этомъ было много. Приведутъ на примѣръ виноватаго арестанта. Смекаловъ самъ выйдетъ къ наказанію, выйдетъ съ усмѣшкою, съ шуткою, объ чемъ-нибудь тутъ же распроситъ виноватаго, объ чемъ-нибудь постороннемъ, о его личныхъ, домашнихъ, арестантскихъ дѣлахъ, и вовсе не съ какою-нибудь цѣлью, не съ зай-

гриваніемъ какимъ-нибудь, а такъ просто, — *потому-что ему дѣйствительно знать хочется объ этихъ дѣлахъ*. Принесутъ розги, а Смекалову стулъ; онъ сядетъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него табакъ трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...», скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Нутка, любезный, умѣешь вотъ такой-стихъ наизусть? — Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещенные, съиздѣтства учились». — «Ну такъ читай». И ужъ арестантъ знаетъ что читать и знаетъ заранѣе что будетъ при этомъ чтеніи, потому-что эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой штукѣ тоже давно ужъ слышаны, и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ-навсегда понравилась, можетъ-быть именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждуть, а Смекаловъ даже принагнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго словца. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ наконецъ до слова: «*на небеси*». Того только и надо. «Стой!» кричитъ воспламененный поручикъ и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!»

И заливаётся хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты тоже ухмыляются: ухмыляется сѣкущій, чуть не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «*поднеси*», свиститъ уже въ воздухѣ, чтобъ черезъ одинъ мигъ, какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу. И радуется Смекаловъ, радуется именно тому, что вотъ какъ же это онъ такъ хорошо придумалъ — и *самъ* сочинилъ: «на небеси» и «поднеси» — и встаети и въ рифму выходитъ. И Смекаловъ уходитъ отъ наказанія совершенно довольный собой, да и высѣченный тоже уходитъ чуть не довольный собой и Смекаловымъ, и смотришь — черезъ полчаса ужъ рассказываетъ въ острогѣ какъ и теперь, въ тридцать первый разъ, была повторена уже тридцать разъ прежь сего повторенная штука. «Одно слово душа человѣкъ! забавникъ!»

Даже подь-часъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.

— Бывало идешь этта, братцы, рассказываетъ какой-нибудь арестантикъ и все лицо его улыбается отъ воспоминанія, — идешь, а онъ ужъ сидитъ себѣ подь окошкомъ въ халатикѣ, чай пьетъ, трубочку покуриваетъ. Снимешь шапку, — куда Аксеновъ идешь?

— Да на работу, Михаилъ Васильичъ, перво-на-перво въ мастерскую надоть; засмѣется себѣ... То-есть душа человѣкъ! одно слово душа!

— И не нажить такого! прибавляетъ кто-нибудь изъ слушателей.

III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ *)

Я заговорилъ теперь о наказаніяхъ, равно какъ и объ разныхъ исполнителяхъ этихъ интересныхъ обязанностей, собственно потому, что переселясь въ госпиталь получилъ только тогда и первое наглядное понятіе обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ я зналъ объ этомъ только по наслышкѣ. Въ наши двѣ палаты сводились всѣ наказанные шпицрутенами подсудимые изъ всѣхъ батальоновъ, арестантскихъ отдѣленій и прочихъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ и во всемъ его округѣ. Въ это первое время, когда я ко всему, что совершалось кругомъ меня, еще такъ жадно приглядывался, всѣ эти странные для меня порядки, всѣ эти наказанные и готовившіеся къ наказанію естественно производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ взволнованъ, смущенъ и испуганъ. Помню, что тогда же я вдругъ и нетерпѣливо сталъ вникать во всѣ подробности этихъ новыхъ явленій, слушать разговоры и рассказы на эту тему другихъ арестантовъ, самъ задавалъ имъ вопросы, добивался рѣшеній. Мнѣ желалось между прочимъ знать непременно всѣ степени приговоровъ и исполненій, всѣ от-

*) Все что я пишу здѣсь о наказаніяхъ и казняхъ было въ мое время. Теперь, я слышалъ, все это измѣнилось и измѣняется.

тѣнки этихъ исполненій, взглядъ на все это самихъ арестантовъ; я старался вообразить себѣ психологическое состояніе идущихъ на казнь. Я сказалъ уже, что передъ наказаніемъ рѣдко кто бываетъ хладнокровенъ, неисключая даже и тѣхъ, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тутъ вообще находить на осужденнаго какой-то острый, но чисто-физическій страхъ, невольный и неотразимый, подавляющій все нравственное существо человѣка. Я и потому, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ острожной жизни, невольно приглядывался къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые, пролежавъ въ госпиталѣ, послѣ первой половины наказанія, и залечивъ свои спины, выписывались изъ госпиталя, чтобы наавтра же выходить остальную половину назначенныхъ по конфирмаціи палокъ. Это раздѣленіе наказанія на двѣ половины случается всегда по приговору лекаря, присутствующаго при наказаньи. Если назначенное по преступленію число ударовъ большое, такъ что арестанту всего разомъ не вынести, то дѣлятъ ему это число на двѣ, даже на три части, судя потому, что скажетъ докторъ во время уже самого наказанія, то-есть можетъ ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше или это будетъ сопряжено съ опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсотъ, тысяча и даже полторы тысячи выходятся разомъ; но если приговоръ въ двѣ, въ три тысячи, то исполненіе дѣлится на двѣ половины и даже на три. Тѣ, которые, залечивъ послѣ первой половины свою спину, вы-

ходили изъ гошпиталя, чтобъ идти подъ вторую половину, въ день выписки и наканунѣ бывали обыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замѣчалась въ нихъ нѣкоторая отупѣлость ума, какая-то неестественная разсѣянность. Въ разговоры такой человѣкъ не пускается и больше молчитъ; любопытнѣе всего, что съ такимъ и сами арестанты никогда не говорятъ и не стараются заговаривать о томъ, что его ожидаетъ. Ни лишняго слова, ни утѣшенія; даже стараются и вообще-то мало вниманія обращать на такого. Это конечно лучше для подсудимаго. Бываютъ исключенія, какъ вотъ напримѣръ Орловъ, о которомъ я уже рассказывалъ. Послѣ первой половины наказанія онъ только на то и досадовалъ, что спина его долго не заживаетъ и что нельзя ему поскорѣе выписаться, чтобъ поскорѣй выходить остальные удары, отправиться съ партией въ назначенную ему ссылку и бѣжать съ дороги. Но этого развлекала цѣль и богъ-знаетъ что у него на умѣ. Это была страстная и живучая натура. Онъ былъ очень доволенъ, въ сильно возбужденномъ состоянii, хотя и подавлялъ свои ощущенія. Дѣло въ томъ, что онъ еще передъ первой половиной наказанія думалъ, что его не выпустятъ изъ-подъ палокъ и что онъ долженъ умереть. До него доходили уже разные слухи о мѣрахъ начальства еще когда онъ содержался подъ судомъ; онъ уже и тогда готовился къ смерти. Но выйдивъ первую половину, онъ ободрился. Онъ явился въ гошпиталь избитый до полусмерти; я еще никогда

не видалъ такихъ язвъ; но онъ пришолъ съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой, что останется живъ, что слухи были ложные, что его вотъ выпустили же теперь изъ-подъ палокъ, такъ что теперь, послѣ долгаго содержанія подъ судомъ, ему уже начинали мечтаться дорога, побѣгъ, свобода, поля и лѣса... Черезъ два дня послѣ выписки изъ гошпиталя онъ умеръ въ томъ же гошпиталѣ, на прежней же койкѣ, невыдержавъ второй половины. Но я уже упоминалъ объ этомъ.

И однако тѣже арестанты, которые проводили такіе тяжелые дни и ночи передъ самымъ наказаніемъ, переносили самую казнь мужественно, не исключая и самыхъ малодушныхъ. Я рѣдко слышалъ стоны даже въ продолженіе первой ночи по ихъ прибытіи, нерѣдко даже отъ чрезвычайно тяжело избитыхъ; вообще народъ умѣетъ переносить боль. Насчетъ боли я много спрашивалъ. Мнѣ иногда хотѣлось опредѣлительно узнать какъ велика эта боль, съ чѣмъ ее наконецъ можно сравнить? Право не знаю для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Повторяю, я былъ взволнованъ и потрясенъ. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжоть, какъ огнемъ палить, — вотъ все что я могъ узнать и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. Жжоть, да и только. Въ это же первое время, сойдясь поближе съ М—мъ, я спрашивалъ и его. «Больно» отвѣчалъ онъ, «очень, а ощущеніе — жжоть какъ огнемъ; какъ ог-

немъ; какъ-будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ.» Однимъ словомъ всѣ показывали въ одно слово. Впрочемъ помню, я тогда же сдѣлалъ одно странное замѣчаніе, за вѣрность котораго особенно не стою; но общность приговора самихъ арестантовъ сильно его поддерживааетъ: это то, что розги, если даются въ большомъ количествѣ, самое тяжелое наказаніе изъ всѣхъ у насъ употребляемыхъ. Казалось бы, что это съ перваго взгляда нелѣпно и невозможно. Но однакоже съ пятисотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти; а свыше пятисотъ почти навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ пятьсотъ палокъ можно перенести безо всякой опасности жизни. Тысячу палокъ можетъ вынести, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. «Розги садче, говорили они, «муки больше.» Конечно розги мучительнѣе палокъ. Они сильнѣе раздражаютъ, сильнѣе дѣйствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ свыше мѣры, потрясаютъ свыше возможности. Я не знаю какъ теперь, но въ недавнюю старину, были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто напоминающее маркизъ де-Сада и Бренвилье. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отчего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ.

Есть люди какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же какъ самъ человѣка, такъ-же созданнаго, брата, по закону христову; кто испыталъ власть и полную возможность унижить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается наконецъ въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и наконецъ сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнуть въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянью, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Ктому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Палачемъ гнушаются же въ обществѣ, но палачемъ-джентльменомъ далеко нѣтъ. Только недавно высказалось противное мнѣніе, но высказалось еще только въ книгахъ, отвлеченно. Даже тѣ, которые высказываютъ его, не всѣ еще успѣли затушить въ себѣ эту потребность самовластія. Даже всякій фабрикантъ, всякій антрепренеръ непременно долженъ ощущать какое-то раздражительное удовольствіе въ томъ, что его работникъ зависитъ иногда весь, со всѣмъ семействомъ своимъ, единственно отъ него. Это навѣрно такъ; не такъ скоро поколѣніе отрывается отъ того, что сидитъ въ немъ наслѣдственно; не такъ скоро отказывается человѣкъ отъ того, что вошло въ кровь его, передано ему, такъ-сказать, съ матернимъ молокомъ. Не бываетъ такихъ скороспѣлыхъ переворотовъ. Сознать вину и родовой грѣхъ еще мало, очень мало; надобно совсѣмъ отъ него отучиться. А это не такъ скоро дѣлается.

Я заговорилъ о палачѣ. Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣринныя свойства человека. Еслиже въ комъ-нибудь они пересиливаютъ въ своемъ развитіи всѣ другія его свойства, то такой человѣкъ конечно становится ужаснымъ и безобразнымъ. Палачи бываютъ двухъ родовъ: одни бываютъ добровольные, другіе — подневольные, обязанные. Добровольный палачъ конечно во всѣхъ отношеніяхъ ниже подневольнаго, которымъ однако такъ гнушается

народъ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетнаго, чуть не мистическаго страха. Откуда же этотъ почти суевѣрный страхъ къ одному палачу, и такое равнодушiе, чуть не одобренiе къ другому? Бываютъ примѣры до крайности странныя: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, и между тѣмъ они на примѣръ не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молить и не просить о пощадѣ. Наказуемые должны непремѣнно кричать и молить о пощадѣ. Такъ принято; это считается и приличнымъ и необходимымъ, и когда однажды жертва не хотѣла кричать, то исполнитель, котораго я зналъ и который въ другихъ отношенiяхъ могъ считаться человѣкомъ пожалуй и добрымъ, даже лично обидѣлся при этомъ случаѣ. Онъ хотѣлъ было сначала наказать легко, но неслыша обычныхъ «ваше благородiе, отецъ родной, помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить и проч. — разсвирѣпѣлъ и далъ розогъ пятьдесятъ лишнихъ, желая добиться и крику и просьбъ — и добился. «Нельзя-съ, грубость есть», отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьезно. Что же касается до настоящаго палача, подневольнаго, обязаннаго, то извѣстно: это арестантъ рѣшонный и приговоренный въ ссылку, но оставленный въ палачахъ; поступившiй сначала въ науку къ другому палачу и выучившись у него, оставленный навѣкъ при острогѣ, гдѣ онъ содержится особо, въ особой комнатѣ, имѣющей даже свое хозяйство, но находящiйся почти все-

гда подъ конвоемъ. Конечно живой человѣкъ не машина; палачъ бьетъ хоть и по обязанности, но иногда тоже входитъ въ азартъ, но хоть бьетъ не безъ удовольствія для себя, зато почти никогда не имѣетъ личной ненависти къ своей жертвѣ. Ловкость удара, знаніе своей науки, желаніе показать себя передъ своими товарищами и передъ публикой, подстрекають его самолюбіе. Онъ хлопочетъ ради искусства. Кромѣ того онъ знаетъ очень хорошо, что онъ всеобщій отверженецъ, что суетвѣрный страхъ вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его и нельзя ручаться, чтобъ это не имѣло на него вліянія, не усиливало въ немъ его ярости, его звѣриныхъ наклонностей. Даже дѣти знаютъ, что онъ «отказывается отъ отца и матери». Странное дѣло, сколько мнѣ ни случалось видѣть палачей, всѣ они были люди развитые, съ толкомъ, съ умомъ и съ необыкновеннымъ самолюбіемъ, даже съ гордостью. Развивалась ли въ нихъ эта гордость въ отпоръ всеобщему къ нимъ презрѣнію; усиливалась ли она сознаніемъ страха, внушаемаго ими ихъ жертвѣ и чувствомъ господства надъ нею, — не знаю. Можетъ-быть даже самая парадность и театральность той обстановки, съ которою они являются передъ публикой на эшафотѣ, способствуютъ развитію въ нихъ нѣкотораго высокомерія. Помню, мнѣ пришлось однажды, въ продолженіе нѣкотораго времени, часто встрѣчать и близко наблюдать одного палача. Это былъ малый средняго роста, мускулистый, сухощавый, лѣтъ сорока, съ довольно пріятнымъ и умнымъ

лицомъ и съ кудрявой головой. Онъ былъ всегда необыкновенно важенъ, спокоенъ; снаружи держалъ себя поджентльменски, отвѣчалъ всегда коротко, разсудительно и даже ласково, но какъ-то высококомѣрно-ласково, какъ-будто онъ чѣмъ-то чванился предо мною. Караульные офицеры часто съ нимъ при мнѣ заговаривали и право даже съ нѣкоторымъ какъ-будто уваженіемъ къ нему. Онъ это сознавалъ и передъ начальникомъ нарочно удвоивалъ свою вѣжливость, сухость и чувство собственного достоинства. Чѣмъ ласковѣе разговаривалъ съ нимъ начальникъ, тѣмъ неподатливѣе самъ онъ казался, и хотя отнюдь не выступалъ изъ утонченнѣйшей вѣжливости, но — я увѣренъ, въ эту минуту онъ считалъ себя неизмѣримо выше разговаривавшаго съ нимъ начальника. На лицѣ его это было написано. Случалось, что иногда въ очень жаркій лѣтній день посылали его подъ конвоемъ, съ длиннымъ тонкимъ шестомъ, избивать городскихъ собакъ. Въ этомъ городкѣ было чрезвычайно много собакъ, совершенно никому непринадлежавшихъ и плодившихся съ необыкновенною быстротою. Въ каникулярное время онѣ становились опасными и для истребленія ихъ, по распоряженію начальства, посылался палачъ. Но даже и эта унижительная должность повидимому нисколько не унижала его. Надо было видѣть съ какимъ достоинствомъ онъ расхаживалъ по городскимъ улицамъ, въ сопровожденіи усталого конвойнаго, пугая уже однимъ видомъ своимъ встрѣчныхъ бабъ и дѣтей, какъ онъ спо-

койно и даже свысока смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчавшихся. Впрочемъ палачамъ жить привольно. У нихъ есть деньги, ѣдятъ они очень хорошо, пьютъ вино. Деньги достаются имъ черезъ взятки. Гражданскій подсудимый, которому выходитъ по суду наказаніе, предварительно хоть чѣмъ-нибудь, хоть изъ послѣдняго, да подарить палача. Но съ иныхъ, съ богатыхъ подсудимыхъ, они сами берутъ, назначая имъ сумму сообразно съ вѣроятными средствами арестанта, берутъ и по тридцати рублей, а иногда даже и болѣе. Съ очень богатыми даже очень торгуются. Очень слабо наказать палачъ конечно не можетъ; онъ отвѣчаетъ за это своей же спиной. Но зато, за извѣстную взятку, онъ обѣщается жертвѣ, что не прибѣтъ ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложеніе; еслижъ нѣтъ, онъ дѣйствительно наказываетъ варварски и это почти вполнѣ въ его власти. Случается, что онъ налагаетъ значительную сумму даже на очень бѣднаго подсудимаго; родственники ходятъ, торгуются, кланяются и бѣда, если не удовлетворятъ его. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ ему суевѣрный страхъ, имъ внушаемый. Какихъ диковинокъ про палачей не рассказываютъ! Впрочемъ сами арестанты увѣряли меня, что палачъ можетъ убить съ одного удара. Но во-первыхъ когдажъ это было испытано? А впрочемъ можетъ-быть. Объ этомъ говорили слишкомъ утвердительно. Палачъ же самъ ручался мнѣ, что онъ это можетъ сдѣлать. Говорили тоже, что онъ можетъ ударить со всего раз-

маха по самой спинѣ преступника, но такъ, что даже самого маленькаго рубчика не вскочить послѣ удара и преступникъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли. Впрочемъ обо всѣхъ этихъ фокусахъ и утонченностяхъ извѣстно уже слишкомъ много рассказовъ. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобъ наказать легко, то все-таки первый ударъ дается имъ со всего размаха и изо всей силы. Это даже обратилось межъ ними въ обычай. Послѣдующіе удары онъ смягчаетъ, особенно если ему предварительно заплатили. Но первый ударъ, заплатили иль нѣтъ ему, — его. Право не знаю для чего это у нихъ такъ дѣлается? Для того ли, чтобъ сразу приучить жертву къ дальнѣйшимъ ударамъ, по тому расчету, что послѣ очень труднаго удара уже не такъ мучительны покажутся легкіе, или тутъ просто желаніе пофорсить передъ жертвой, задать ей страху, огорошить ее съ перваго раза, чтобъ понимала она съ кѣмъ дѣло имѣетъ, показать себя однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ палачъ передъ началомъ наказанія чувствуетъ себя въ возбужденномъ состояніи духа, чувствуетъ силу свою, сознаетъ себя властелиномъ; онъ въ эту минуту актеръ; на него дивится и ужасается публика, и ужъ конечно не безъ наслажденія кричитъ онъ своей жертвѣ, передъ первымъ ударомъ: «Поддержись, ожгу!» — обычные и роковыя слова въ этомъ случаѣ. Трудно представить до чего можно исказить природу человѣческую!

Въ это первое время, въ гошпиталѣ, я заслуши-

вался всѣхъ этихъ арестантскихъ разсказовъ. Лежать было намъ всѣмъ ужасно скучно. Каждый день такъ похожъ одинъ на другой! Утромъ еще развлекало насъ посѣщеніе докторовъ и потомъ скоро послѣ нихъ обѣдъ. Ёда разумѣется, въ такомъ однообразіи, представляла значительное развлеченіе. Порціи были разныя, распредѣленныя по болѣзнямъ лежавшихъ. Иные получали только одинъ супъ, съ какой-то крупой; другіе только одну кашу, третьи одну только манную кашу, на которую было очень много охотниковъ. Арестанты отъ долгаго лежанія изнѣживались и любили лакомиться. Выздоровливающимъ и почти здоровымъ давали кусокъ вареной говядины, «быка», какъ у насъ говорили. Всѣхъ лучше была порція цынготная, — говядина съ лукомъ, съ хрѣномъ и съ пр., а иногда и съ крышкой водки. Хлѣбъ былъ, тоже смотря по болѣзнямъ, чорный или полубѣлый, порядочно выпеченный. Эта официальность и тонкость въ назначеніи порцій только смѣшила больныхъ. Конечно въ иной болѣзни чело- вѣкъ и самъ ничего не ѣлъ. Но зато тѣ больные, кото- рые чувствовали аппетитъ, ѣли что хотѣли. Иные мѣня- лись порціями, такъ что порція, подходящая къ одной болѣзни, пореходила къ совершенно другой. Другіе, которые лежали на слабой порціи, покупали говядину или цынготную порцію, пили квасъ, гошпитальное пи- во, покупая его у тѣхъ, кому оно назначалось. Иные съѣдали даже по двѣ порціи. Эти порціи продавались или перепродавались за деньги. Говяжья порція цѣни-

лась довольно высоко; она стоила пять копѣекъ ассигнаціями. Если въ нашей палатѣ не было у кого купить, посылали сторожа въ другую арестантскую палату, а нѣтъ — такъ и въ солдатскія палаты, въ «вольныя», какъ у насъ говорили. Всегда находились охотники продать. Они оставались на одномъ хлѣбѣ, зато зашибали деньгу. Бѣдность была конечно всеобщая, но тѣ, которые имѣли деньжонки, посылали даже на базаръ за калачами, даже за лакомствами и проч. Наши сторожа исполняли всѣ эти порученія совершенно безкорыстно. Послѣ обѣда наступало самое скучное время; кто отъ нечего дѣлать спалъ, кто болталъ, кто ссорился, кто что-нибудь вслухъ рассказывалъ. Если не приводили новыхъ больныхъ было еще скучнѣе. Приходъ новичка почти всегда производилъ нѣкоторое впечатлѣніе, особенно если онъ былъ никому незнакомый. Его оглядывали, старались узнать что онъ и какъ, откуда и по какимъ дѣламъ. Особенно интересовались въ этомъ случаѣ пересыльными; тѣ всегда что-нибудь да рассказывали, впрочемъ не о своихъ интимныхъ дѣлахъ; объ этомъ если самъ человѣкъ не заговаривалъ, никогда не спрашивали, а такъ: откуда шли? съ кѣмъ? какова дорога? куда пойдутъ? и проч. Иные тутъ же слыша новый рассказъ, припоминали какъ-бы мимоходомъ что-нибудь изъ своего собственнаго: объ разныхъ пересылкахъ, партіяхъ, исполнителяхъ, о партіонныхъ начальникахъ. Наказанные шпицрутенами являлись тоже объ эту пору, къ вечеру. Они всегда про-

изводили довольно сильное впечатлѣніе, какъ впрочемъ и было уже упомянуто; но не каждый же день ихъ приводили, и въ тотъ день, какъ ихъ не было, становилось у насъ какъ-то вяло, какъ-будто всѣ эти лица одно другому страшно надоѣли, начинались даже ссоры. У насъ радовались даже сумасшедшимъ, которыхъ приводили на испытаніе. Уловка прикинуться сумасшедшимъ, чтобъ избавиться отъ наказанія, употреблялась изрѣдка подсудимыми. Однихъ скоро обличали или, лучше-сказать, они сами рѣшались измѣнить политику своихъ дѣйствій, и арестантъ, прокуралесивъ два-три дня, вдругъ ни съ того, ни съ сего становился умнымъ, утихалъ и мрачно начиналъ проситься на выписку. Ни арестанты, ни доктора не укоряли такого и не стыдили, напоминая ему его недавніе фокусы; молча выписывали, молча провожали и дня черезъ два-три онъ являлся къ намъ наказанный. Такіе случаи бывали впрочемъ вообще рѣдки. Но настоящіе сумасшедшіе, приводившіеся на испытаніе, составляли истинную бару божію для всей палаты. Иныхъ сумасшедшихъ, веселыхъ, бойкихъ, кричащихъ, пляшущихъ и поющихъ, арестанты сначала встрѣчали чуть не съ восторгомъ. «Вотъ забава-то!» говаривали они, смотря на иного, только-что приведеннаго кривляку. Но мнѣ ужасно трудно и тяжело было видѣть этихъ несчастныхъ. Я никогда не могъ хладнокровно смотрѣть на сумасшедшихъ.

Впрочемъ скоро непрерывныя кривлянья и безо-

койныя выходы приведеннаго и встрѣченнаго съ хохотомъ сумасшедшаго рѣшительно всѣмъ у насъ надоѣдали и дня въ два выводили всѣхъ изъ терпѣнія окончательно. Одного изъ нихъ держали у насъ недѣли три и приходилось просто бѣжать изъ палаты. Какъ нарочно въ это время привели еще сумасшедшаго. Этотъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Случилось это уже на третій годъ моей каторги. Въ первый годъ или, лучше-сказать, въ первые же мѣсяцы моей осторожной жизни, весной, я ходилъ съ одной партіей на работу, за двѣ версты, въ кирпичный заводъ, съ печниками, подносчикомъ. Надо было исправить для будущихъ лѣтнихъ кирпичныхъ работъ печи. Въ это утро, въ заводѣ, М—цкій и Б. познакомили меня съ проживавшимъ тамъ надсмотрщикомъ, унтеръ-офицеромъ Острожскимъ. Это былъ полякъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухощавый, чрезвычайно благообразной и даже величавой наружности. Въ Сибири онъ находился съ давнишнихъ поръ на службѣ и хоть происходилъ изъ простонародья, пришолъ какъ солдатъ бывшаго въ тридцатомъ году войска, но М—цкій и Б. его любили и уважали. Онъ все читалъ католическую библію. Я разговаривалъ съ нимъ и онъ говорилъ такъ ласково, такъ разумно, такъ занимательно рассказывалъ, такъ добродушно и честно смотрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его года два, слышалъ только, что по какому-то дѣлу онъ находился подъ слѣдствіемъ и вдругъ его ввели къ намъ въ па-

лату какъ сумасшедшаго. Онъ вошолъ съ визгами, съ хохотомъ и съ самыми неприличными, съ самыми во-маринскими жестами пустился плясать по палатѣ. Арестанты были въ восторгѣ, но мнѣ стало такъ грустно... Черезъ три дня, мы все уже не знали куда съ нимъ дѣваться. Онъ ссорился, дрался, визжалъ, пѣлъ пѣсни, даже ночью, дѣлалъ поминутно такія отвратительныя выходки, что всехъ начинало просто тошнить. Онъ никого не боялся. На него надѣвали горячешную рубашку, но отъ этого становилось намъ же хуже, хотя безъ рубашки онъ затѣвалъ ссоры и лѣзъ драться чуть не со всеми. Въ эти три недѣли иногда вся палата подымалась въ одинъ голосъ и просила главнаго доктора, перевести наше нещечко въ другую арестантскую палату. Тамъ въ свою очередь выпрашивали дня черезъ два перевести его къ намъ. А такъ какъ сумасшедшихъ случилось у насъ разомъ двое, безпокойныхъ и забіякъ, то одна палата съ другою чередовались и мѣнялись, сумасшедшими. Но оказывались оба хуже. Все вздохнули свободнѣе, когда ихъ отъ насъ увели наконецъ куда-то...

Помню тоже еще одного страннаго сумасшедшаго. Привели однажды лѣтомъ одного подсудимаго, здороваго и съ виду очень неуклюжаго парня, лѣтъ сорока пяти, съ уродливымъ отъ оспы лицомъ, съ заплывшими красными маленькими глазами и съ чрезвычайно угрюмымъ и мрачнымъ видомъ. Помѣстился онъ рядомъ со мною. Оказался онъ очень смиреннымъ малымъ,

ни съ кѣмъ не заговаривалъ, и сидѣлъ какъ-будто что-то обдумывая. Стало смеркаться и вдругъ онъ обратился ко мнѣ. Прямо, безъ дальнихъ предисловіи, но съ такимъ видомъ, какъ-будто сообщаетъ мнѣ чрезвычайную тайну, онъ сталъ мнѣ рассказывать, что на дняхъ ему выходить двѣ тысячи, но что этого теперь не будетъ, потому-что дочь полковника Г. объ немъ хлопочетъ. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, дочь полковника ничего не въ состояніи сдѣлать. Я еще ни о чемъ не догадывался; его привели вовсе не какъ сумасшедшаго, а какъ обыкновеннаго больного. Я спросилъ его чѣмъ онъ боленъ? онъ отвѣтилъ мнѣ, что незнаетъ и что его зачѣмъ-то сюда прислали, но что онъ совершенно здоровъ, а полковничья дочь въ него влюблена; что она разъ, двѣ недѣли тому назадъ, проѣзжала мимо абвахты, а онъ на ту пору и выгляни изъ-за рѣшотчатаго окошечка. Она, какъ увидала его, тотчасъ же и влюбилась. И съ тѣхъ поръ, подъ разными видами, была уже три раза на абвахтѣ; первый разъ заходила вмѣстѣ съ отцомъ къ брату, офицеру, стоявшему въ то время у нихъ въ караулѣ; другой разъ пришла съ матерью раздать подаваніе и, проходя мимо, шепнула ему, что она его любитъ и выручить. Странно было, съ какими тонкими подробностями рассказывалъ онъ мнѣ всю эту нелѣпость, которая разумѣется вся цѣликомъ родилась въ разстроенной, бѣдной головѣ его. Въ свое избавленіе отъ наказанія онъ

вѣрилъ свято. О страстной любви къ нему этой барышни говорилъ спокойно и утвердительно, и, несмотря уже на общую нелѣпость разсказа, такъ дико было слышать такую романическую исторію о влюбленной дѣвицѣ, отъ человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ такой унылой, огорченной и уродливой фізіономіей. Странно, что могъ сдѣлать страхъ наказанья съ этой робкой душой. Можетъ-быть онъ дѣйствительно кого-нибудь увидѣлъ въ окошко, и сумасшествіе, приготовившееся въ немъ отъ страха, возраставшаго съ каждымъ часомъ, вдругъ разомъ нашло свой исходъ, свою форму. Этотъ несчастный солдатъ, которому можетъ-быть во всю жизнь ниразу и неподумалось о барышняхъ, выдумалъ вдругъ цѣлый романъ, инстинктивно хватаясь хоть за эту соломенку. Я выслушалъ молча и сообщилъ о немъ другимъ арестантамъ. Но когда другіе стали любопытствовать, онъ цѣломудренно замолчалъ. Назавтра докторъ долго опрашивалъ его и такъ какъ онъ сказалъ ему, что ничѣмъ не боленъ и по осмотру оказался дѣйствительно такимъ, то его и выписали. Но о томъ, что у него въ листѣ написано было sanat., мы узнали уже когда доктора вышли изъ палаты, такъ что сказать имъ въ чемъ дѣло уже нельзя было. Да мы и сами-то еще тогда вполнѣ не догадывались въ чемъ было главное дѣло. А между тѣмъ все дѣло состояло въ ошибкѣ приславшаго его къ намъ начальства, необъяснившаго для чего его присылали. Тутъ случилась какая-то небрежность. А можетъ-быть

даже и приславшіе еще только догадывались и были вовсе не увѣрены въ его сумасшествіи, дѣйствовали по темнымъ слухамъ и прислали его на испытанье. Какъ бы то ни было, несчастнаго вывели черезъ два дня къ наказанію. Оно кажется очень поразило его своею неожиданностью; онъ не вѣрилъ, что его накажутъ до послѣдней минуты и когда повели его по рядамъ, сталъ кричать: карауль! Въ госпиталѣ его положили на этотъ разъ уже не въ нашу, а за неимѣніемъ въ ней коекъ въ другую палату. Но я справлялся о немъ и узналъ, что онъ во всѣ восемь дней ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, былъ смущенъ и чрезвычайно грустенъ... Потомъ его куда-то услали, когда зажала его спина. Я по крайней мѣрѣ уже больше не слыхалъ о немъ ничего.

Чтоже касается вообще до леченія и лекарствъ, то сколько я могъ замѣтить, легко-больные почти не исполняли предписаній и не принимали лекарствъ, но трудно-больные и вообще дѣйствительно больные очень любили лечиться, принимали акуратно свои микстуры и порошки; но болѣе всего у насъ любили наружныя средства. Банки, піявки, припарки и кровопусканія, которыя такъ любятъ и которымъ такъ вѣрять нашъ простолюдинъ, принимались у насъ охотно и даже съ удовольствіемъ. Меня заинтересовало одно странное обстоятельство. Эти самые люди, которые были такъ терпѣливы въ перенесеніи мучительнѣйшихъ болей отъ палокъ и розогъ, нерѣдко жаловались, кривлялись и

даже стонали отъ какихъ-нибудь банокъ. Разнѣживались ли они ужь очень, или такъ просто франтили, — ужь не знаю какъ это объяснить. Правда наши банки были особаго рода. Машинку, которою просѣкается мгновенно кожа, фельдшеръ когда-то, въ незапамятныя времена затерялъ или испортилъ, или можетъ-быть она сама испортилась, такъ что онъ уже принужденъ былъ дѣлать необходимые надрѣзы тѣла ланцетомъ. Надрѣзовъ дѣлають для каждой банки около двѣнадцати. Машинкой небольно. Двѣнадцать ножичковъ ударять вдругъ, мгновенно и боль неслышна. Но надрѣзаніе ланцетомъ другое дѣло. Ланцетъ рѣжетъ сравнительно очень медленно; боль слышна; а такъ какъ, напри- мѣръ при десяти банкахъ, приходится сдѣлать сто- двадцать такихъ надрѣзовъ, то все вмѣстѣ конечно было чувствительно. Я испыталъ это, но хотя и было больно и досадно, но все-таки не такъ же, чтобъ не удержаться и стонать. Даже смѣшно было иногда смотрѣть на иного верзилу и здоровяка, какъ онъ корчится и начинаетъ нюнить. Вообще это можно было сравнить съ тѣмъ, когда иной человѣкъ, твердый и даже спокойный въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ, хандрить и капризничаетъ дома, когда нечего дѣлать, не ѣсть что подаютъ, бранится и ругается; все не по немъ, всѣ ему досаждаютъ, всѣ ему гру- бятъ, всѣ его мучаютъ; — однимъ словомъ съ жиру бѣсится, какъ говорятъ иногда о такихъ господахъ, встрѣчающихся впрочемъ и въ простонародьи; а въ

нашемъ острогѣ, при взаимномъ всеобщемъ сожитіи, даже слишкомъ часто. Бывало въ палатѣ свои уже начнутъ дразнить такого нѣженку, а иной просто выругаетъ; вотъ онъ и замолчить, точно и въ самомъ дѣлѣ того и ждалъ, чтобъ его выругали, чтобъ замолчать. Особенно не любилъ этого Устьянцевъ и никогда не пропускалъ случая поругаться съ нѣженкой. Онъ и вообще не пропускалъ случая съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться. Это было его наслажденіемъ, потребностью, разумѣется отъ болѣзни, отчасти и отъ тупоумія. Смотритъ бывало сперва серьезно и пристально, и потомъ какимъ-то спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ начинаетъ читать наставленія. До всего ему было дѣло; точно онъ былъ приставленъ у насъ для наблюденія за порядкомъ или за всеобщою нравственностью.

— До всего доходить, — говорятъ бывало смѣясь арестанты. Его впрочемъ щадили и избѣгали ругаться съ нимъ, а такъ только иногда смѣялись.

— Ишь наговорилъ! На трехъ возахъ не вывезешь.

— Чего наговорилъ? Передъ дуракомъ шапки не снимаютъ, извѣстно. Чегожъ онъ отъ ланцета кричитъ? Любилъ медокъ, люби и холодокъ, терпи значить.

— Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, братцы, перебилъ одинъ изъ нашихъ арестантиковъ, рожки ничего; я испробовалъ; а вотъ нѣтъ хуже боли, когда тебя за ухо долго тянуть.

Всѣ засмѣялись.

— А тебя нешто тянули?

— А ты думалъ нѣтъ? Извѣстно тянули.

— То-то ухи-то у тебя торчкомъ стоять.

У этогоа рестаптика, Шапкина, дѣйствительно были предлинныя въ обѣ стороны торчавшія уши. Онъ былъ изъ бродягъ, еще молодой, малый дѣльный и тихій; говорившій всегда съ какимъ-то серьезнымъ, затаеннымъ юморомъ, чтò придавало много комизму инымъ его рассказамъ.

— Да съ чего мнѣ думать-то, что тебя за ухо тянули? Да и какъ я это вздумаю, туголобый ты человекъ? ввязался снова Устьянцевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ Шапкину, хотя впрочемъ тотъ вовсе не къ нему относился, а ко всѣмъ вообще. Но Шапкинъ даже и не посмотрѣлъ на него.

— А тебя кто тянулъ? спросилъ кто-то.

— Кто? Извѣстно кто, исправникъ. Это, братцы, по бродяжеству было. Пришли мы тогда въ К., а было насъ двое, я да другой, тоже бродяга, Ефимъ безъ прозвища. По дорогѣ мы у одного мужика въ Толминой деревнѣ разжились маненько. Деревня такая есть, Тѣлмина. Ну вошли, да и поглядываемъ: разжиться бы и здѣсь, да и драло. Въ полѣ четыре воли, а въ городѣ жутко — извѣстно. Ну перво-на-перво зашли въ кабачокъ. Оглядѣлись. Подходить къ намъ одинъ, прогорѣлый такой, локти продраны, въ нѣмецкомъ платьѣ. То-да-сѣ. — А вы какъ, говорить, позвольте спросить, по документу? *)

*) По пашпорту.

— Нѣтъ, говоримъ, безъ документа.

— Такъ-съ. И мы тоже-съ. Тутъ у меня еще двое благопріятелей, говорить, тоже у генерала Кукушкина*) служить. Такъ вотъ смѣю спросить, мы вотъ подкутили маненько да и деньжонками пока не разжились. Полштофика благоволите намъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ говоримъ.— Ну, выпили. И указали тутъ они намъ одно дѣло, по столовской, то-есть по нашей части. Домъ тутъ стоялъ, съ краю города и богатый тутъ жилъ одинъ мѣщанинъ, добра пропасть, ночью и положили провѣдать. Да только мы у богатаго-то мѣщанина тутъ всё впятеромъ, въ ту же ночь и попались. Взяли насъ въ часть, а потомъ къ самому исправнику. Я, говорить, ихъ самъ допрошу. Выходить съ трубкой, чашку чаю за нимъ несутъ, здоровенный такой, съ бакенбардами. Сѣлъ. А тутъ ужъ кромѣ насъ еще троихъ привели, тоже бродяги. И смѣшной же это человѣкъ, братцы, бродяга: Ну ничего не помнить, хоть ты коль ему на головѣ теши, все забылъ, ничего не знаетъ. Исправникъ прямо ко мнѣ: Ты кто таковъ? Такъ и зарычалъ какъ изъ бочки. Ну извѣстно, тоже что и всё сказываю: ничего дескать не помню, ваше высокоблагородіе, все позабылъ.

— Постою, говорить, я еще съ тобой поговорю, рожа-то мнѣ знакомая; самъ бѣльма на меня такъ и

*) То-есть въ лѣсу, гдѣ поетъ кукушка. Онъ хочетъ сказать, что они тоже бродяги.

пялить. А я его допрежь-сего никогда и не видывалъ.
Къ другому: ты кто?

— Махни-драло, ваше высокоблагородіе.

— Это такъ тебя и зовутъ махни-драло?

— Такъ и зовутъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну хорошо, ты махни-драло, а ты? Къ третьему
значить.

— А я за нимъ, ваше высокоблагородіе.

— Да прозывается-то ты какъ?

— Такъ и прозываюсь: «А я за нимъ?» ваше вы-
сокоблагородіе.

— Да ктожь тебя, подлеца, такъ назвалъ?

— Добрые люди назвали, ваше высокоблагородіе.
На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, ваше высокоблагоро-
родіе, извѣстно.

— А кто такіе эти добрые люди?

— А запомятовалъ маненько, ваше высокоблагоро-
діе, ужъ извольте простить великодушно.

— Всѣхъ позабылъ?

— Всѣхъ позабылъ, ваше высокоблагородіе.

— Да вѣдь былижъ у тебя тоже отецъ и мать?...

Ихъ-то хоть помнишь ли?

— Надо такъ полагать, что были, ваше высокобла-
городіе, а впрочемъ тоже маненько позамятовалъ;
можетъ и были, ваше высокоблагородіе.

— Да гдѣ-жь ты жилъ до сихъ поръ?

— Въ лѣсу, ваше высокоблагородіе.

— Все въ лѣсу?

— Все въ лѣсу.

— Ну, а зимой?

— Зимы не видалъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а ты, тебя какъ зовутъ?

— Топоровъ, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Точи не зѣвай, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Потачивай небось, ваше высокоблагородіе.

— Всѣ ничего не помните?

— Ничего не помнимъ, ваше высокоблагородіе.

Стоить, смѣется и они на него глядятъ усмѣхаются. Ну а другой разъ и въ зубы ткнетъ, какъ нарвешься. А народъ-то все здоровенный, жирные такіе.— Отвести ихъ въ острогъ, говоритъ, я съ ними потомъ; ну а ты оставайся—это мнѣ то-есть говоритъ.— Пополь сюда, садись! Смотрю: столъ, бумага, перо. Думаю: чего-жъ онъ это ладить дѣлать? Садись, говоритъ, на стулъ, бери перо, пиши! а самъ схватилъ меня за ухо, да и тянетъ. Я смотрю на него, какъ чортъ на попа: не умѣю, говорю, ваше высокоблагородіе.— Пиши!

— Помилосердуйте, ваше высокоблагородіе.— Пиши, какъ умѣешь такъ и пиши! а самъ все за ухо тянетъ, все тянетъ, да какъ завернетъ! Ну, братцы, скажу, легче бы онъ мнѣ триста розогъ всыпалъ, ажно искры посыпались— пиши, да и только!

— Да что онъ, сдурѣлъ, что ли?

— Нѣтъ не сдурѣлъ. А въ Т—кѣ писарекъ за-
недолго штуку выкинулъ: Деньги тяпнулъ казенныя,
да съ тѣмъ и бѣжалъ, тоже уши торчали. Ну дали
знать повсемѣстно. А я по примѣтамъ-то какъ-будто
и подошолъ, такъ вотъ онъ и пыталъ меня: умѣю-ль
я писать и какъ я пишу?

— Эко дѣло парень! А больно?

— Говорю, больно.

Раздался всеобщій смѣхъ.

— Ну а написалъ?

— Да чего написалъ? сталъ перомъ водить, водилъ-
водилъ по бумагѣ-то, онъ и бросилъ. Ну плюхъ съ де-
сятокъ накидалъ, разумѣется, да съ тѣмъ и пустилъ,
тоже въ острогъ значить.

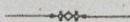
— А ты развѣ умѣешь писать?

— Прежде умѣлъ, а вотъ какъ перьями стали пи-
сать, такъ ужъ я и разучился...

Вотъ въ такихъ разсказахъ, или лучше сказать въ
такой болтовнѣ, проходило иногда наше скучное время.
Господи, что это была за скука! Дни длинные, душ-
ные, одинъ на другой точь въ точь похожіе. Хоть бы
книга какая-нибудь! И между тѣмъ я, особенно вначалѣ,
часто ходилъ въ гошпиталь, иногда больной, иногда
просто лежать; уходилъ отъ острога. Тяжело было тамъ,
еще тяжелѣе чѣмъ здѣсь, нравственно тяжелѣе. Злость,
вражда, свара, зависть, безпрерывныя придирки къ
намъ, дворянамъ, злыя, угрожающія лица! Тутъ же
въ гошпиталѣ всѣ были болѣе на равной ногѣ, жили

болѣе по-пріятельски. Самое грустное время впродолженіе цѣлаго дня, приходилось вечеромъ, при свѣчахъ и въ началѣ ночи. Укладываются спать рано. Тусклый ночникъ свѣтитъ вдали у дверей яркой точкой, а въ нашемъ концѣ полумракъ. Становится смрадно и душ-но. Иной не можетъ заснуть, встанетъ и сидитъ часа полтора на постели, склонивъ свою голову въ колпакѣ, какъ-будто о чемъ-то думаетъ. Смотришь на него цѣ-лый часъ и стараешься угадать о чемъ онъ думаетъ, чтобы тоже какъ-нибудь убить время. А то начнешь мечтать, вспоминать прошедшее, рисуются широкія и яркія картины въ воображеніи; припоминаются такія подробности, которыхъ въ другое время и не припо-мнилъ бы, и не прочувствовалъ бы такъ, какъ теперь. А то гадаешь про будущее: какъ-то выйдешь изъ острога? куда? когда это будетъ? воротись-ль когда-нибудь на свою родимую сторону? думаешь, думаешь и надежда зашевелится въ душѣ... А то иной разъ просто начнешь считать: разъ, два, три и т. д., чтобы какъ-нибудь среди этого счета заснуть. Я иногда на-считывалъ до трехъ тысячъ и не засыпалъ. Вотъ кто-нибудь заворочается. Устьянцевъ закашляетъ своимъ гнилымъ, чахоточнымъ кашлемъ и потомъ слабо за-стонетъ и каждый разъ приговариваетъ: «Господи, я согрѣшил!» И странно слышать этотъ больной, раз-битый и ноющій голосъ, среди всеобщей тиши. А вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ тоже не спать и разговариваютъ съ своихъ коекъ. Одинъ что-нибудь начнетъ рассказы-

вать про свою былъ, про далекое, про минувшее, про бродяжничество, про дѣтей, про жену, про прежніе порядки. Такъ и чувствуешь уже по одному отдаленному шопоту, что все, объ чемъ онъ рассказываетъ, никогда къ нему опять не воротится, а самъ онъ рассказчикъ — ломоть отрѣзанный; другой слушаетъ. Слышенъ только тихій, равномерный шопотъ, точно вода журчить гдѣ-то далеко... Помню однажды, въ одну длинную зимнюю ночь я прослушалъ одинъ рассказъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался какимъ-то горячешнымъ сномъ, какъ-будто я лежалъ въ лихорадкѣ и мнѣ все это приснилось въ жару, въ бреду...

IV.

АКУЛЬКИНЪ МУЖЪ

(Разсказъ)

Ночь была уже поздняя, часъ двѣнадцатый. Я было заснулъ, но вдругъ проснулся. Тусклый, маленькой свѣтъ отдаленнаго ночника едва озарялъ палату... Почти всѣ уже спали. Спалъ даже Устьянцевъ, и въ тишинѣ слышно было, какъ тяжело ему дышется и какъ хрипитъ у него въ горлѣ съ каждымъ дыханьемъ мо-

крота. Въ отдаленіи, въ сѣняхъ раздались вдругъ тяжелые шаги приближающейся караульной смѣны. Брякнуло прикладомъ объ полъ ружья. Отворилась палата; ефрейторъ, осторожно ступая, пересчиталъ больныхъ. Черезъ минуту заперли казарму, поставили новаго часового, карауль удалился и опять прежняя тишина. Тутъ только я замѣтилъ, что неподалеку отъ меня, слѣва, двое не спали и какъ-будто шептались между собою. Это случалось въ палатахъ: иногда дни и мѣсяцы лежатъ одинъ подлѣ другого и не скажутъ ни слова, и вдругъ какъ-нибудь разговорятся въ ночной вызывающій часъ и одинъ начнетъ передъ другимъ выкладывать все свое прошедшее.

Они повидимому давно уже говорили. Начала я не засталъ, да и теперь не все могъ слышать; но мало-помалу привыкъ и сталъ все понимать. Мнѣ не спалось: чтоже дѣлать какъ не слушать?... Одинъ рассказывалъ съ жаромъ, полулежа на постели, приподнявъ голову и вытянувъ по направленію къ товарищу шею. Онъ видимо былъ разгоряченъ, возбужденъ; ему хотѣлось рассказывать. Слушатель его, угрюмо и совершенно равнодушно сидѣлъ на своей койкѣ, протянувъ по ней ноги, изрѣдка что-нибудь мычалъ въ отвѣтъ или въ знакъ участія рассказчику, но какъ-будто болѣе для приличія, а не въ самомъ дѣлѣ, и поминутно набивалъ изъ рожка свой носъ табакомъ. Это былъ исправительный солдатъ Черевинъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, угрюмый педантъ, холодный резонеръ и

дуракъ съ самолюбіемъ. Расказчикъ Шишковъ былъ еще молодой малый, лѣтъ подъ тридцать, нашъ гражданскій арестантъ, работавшій въ швальнѣ. До сихъ поръ я мало обращалъ на него вниманія; да и потомъ во все время моей осторожной жизни, какъ-то не тянуло меня имъ заняться. Это былъ пустой и взбалмошный человекъ. Иногда молчить, живетъ угрюмо, держитъ себя грубо, по недѣлямъ не говорить. А иногда вдругъ ввяжется въ какую нибудь исторію, начнетъ сплетничать, горячится изъ пустяковъ, снуетъ изъ казармы въ казарму, передаетъ вѣсти, наговариваетъ, изъ себя выходитъ. Его побьютъ, онъ опять замолчитъ. Парень былъ трусоватый и жидкій. Всѣ какъ-то съ пренебреженіемъ съ нимъ обходились. Былъ онъ небольшого роста, худощавый; глаза какіе-то безпокойные, а иногда какъ-то тупо-задумчивые. Случалось ему что-нибудь разсказывать: начнетъ горячо, съ жаромъ, даже руками размахиваетъ — и вдругъ порветъ, али сойдетъ на другое, увлечется новыми подробностями и забудетъ о чемъ началъ говорить. Онъ часто ругивался и непременно бывало, когда ругается, попрекаетъ въ чемъ-нибудь человекъ, въ какой-нибудь винѣ передъ собой, съ чувствомъ говорить, чуть не плачетъ... На бала-лайкѣ онъ игралъ недурно и любилъ играть, а на праздникахъ даже плясалъ, и плясалъ хорошо, когда бывало заставятъ... Его очень скоро можно было что-нибудь заставить сдѣлать... Онъ цето-чтобъ ужъ такъ

былъ послушенъ, а любилъ лѣзть въ товарищество и угождать изъ товарищества.

Я долго не могъ вникнуть про что онъ рассказываетъ. Мнѣ казалось тоже сначала, что онъ все отступаетъ отъ темы и увлекается постороннимъ. Онъ можетъ-быть и замѣчалъ, что Черевину почти дѣла нѣтъ до его разказа, но кажется хотѣлъ нарочно убѣдить себя, что слушатель его — весь вниманіе, и можетъ-быть ему было-бы очень больно, еслибъ онъ убѣдился въ противномъ.

...Бывало выйдетъ на базарь-то, продолжалъ онъ, — всѣ кланяются, чувствуютъ, одно слово богатѣй.

— Торги, говоришь, имѣль?

— Ну да, торги. Оно по мѣщанству-то промежь нами бѣдно. Голь какъ есть. Бабы-то съ рѣки-то, на яръ, эвона куда воду носятъ въ огородѣ полить; маются-маются, а къ осени и на щи-то не выберутъ. Разоръ. Ну, займу большую имѣль, землю работниками пахаль, троихъ держаль, опять ктому-жъ своя пасѣба, медомъ торговали и скотомъ тоже, и по нашему мѣсту значить былъ въ великомъ уваженіи. Старъ больно былъ, семьдесятъ лѣтъ, кость-то тяжолая стала, сѣдой, большой такой. Этта выйдетъ въ лисьей шубѣ на базарь-то, такъ всѣ-то чувствуютъ. Чувствуютъ значить: «Здраствуйте, батюшка, Анкудимъ Трофимычъ!» — Здрастуй, скажетъ, и ты. Никѣмъ то-есть не побрезгаетъ. — «Живите больше, Анкудимъ Трофи-

мычь!» — А какъ твои дѣла? спросить. — «Да наши дѣла какъ сажа бѣла. Вы какъ, батюшка?» — Живемъ и мы, скажетъ, по грѣхамъ нашимъ, тоже небо коптимъ. — «Живите больше, Анкудимъ Трофимычь!» Никѣмъ то-есть не брезгуеть, а говоритъ — такъ всякое слово его словно въ рубль идетъ. Начотчикъ былъ, грамотѣй, все-то божественное читаетъ. Посадить старуху передъ собой: «Ну слушай, жена, понимай!» и начнетъ толковать. А старуха-то нето-чтобы старая была, на второй ужъ на ней женился, для дѣтей значить, отъ первой-то небыло. Ну, а отъ второй-то, отъ Марьи-то Степановны, два сына были еще незврослые, младшаго-то Васю шестидесяти лѣтъ прижилъ, а Акулька-то, дочь изъ всѣхъ старшая значить, восемнадцати лѣтъ была.

— Это твоя-то, жена то?

— Погоди, сначала тутъ Филька Морозовъ набухвостить. Ты, говоритъ Филька-то, Анкудиму-то, дѣлись; всѣ четыреста цѣлковыхъ отдай, а я работникъ что-ли тебѣ? нехочу съ тобой торговать, и Акульку твою, говоритъ, брать нехочу. Я теперь, говоритъ, закурилъ. У меня, говоритъ, теперь родители померли, такъ я деньги пропью, да потомъ въ наемшики, значить въ солдаты пойду, а черезъ десять лѣтъ фельдмаршаломъ сюда къ вамъ приѣду. Анкудимъ-то ему деньги и отдасть, совсѣмъ какъ есть рассчитался, — потому еще отецъ его съ старикомъ-то на одинъ капиталъ торговали. — «Пропащій ты, говоритъ, человѣкъ». А онъ ему: —

Ну, еще пропащій я или нѣтъ, а съ тобой, сѣдая борода, научишься шиломъ молоко хлебать. Ты, говорить, экономію съ двухъ грошей загнать хочешь, всякую дрянь собираешь, — не годится ли въ кашу. Я дескать на это плевать хотѣлъ. Копишь-копишь, да чорта и купишь. У меня, говорить, характеръ. А Акульку твою все-таки невозьму: я, говорить, и безъ того съ ней спалъ...

— Да какъ же, говорить, Анкудимъ-то, ты смѣешь позорить честного отца, честную дочь? Когда ты съ ней спалъ, змѣиное ты сало, щучья ты кровь? а самъ и затрясся весь. Самъ Филька рассказывалъ.

— Да нето-что за меня, говорить, я такъ сдѣлаю, что и ни за кого Акулька ваша теперь не пойдетъ, никто невозьметъ, и Микита Григорьичъ теперь невозьметъ, потому она теперь безчестная. Мы еще съ осени съ ней на житье схватились. А я теперь за сто раковъ не соглашусь. Вотъ на пробу давай сейчасъ сто раковъ — не соглашусь...

И закурилъ-же онъ у насъ, парень! Да такъ что земля стономъ стоитъ, по городу-то гулъ идетъ. Товарищей понабралъ, денегъ куча, мѣсяца три кутилъ, все спустилъ. «Я, говорить бывало, какъ деньги всѣ покончу, домъ спущу, все спущу, а потомъ либо въ наемшики, либо бродяжить пойду!» Съ утра бывало до вечера пьянъ, съ бубенчиками на парѣ ѣздилъ. И ужъ такъ его любили дѣвки, что ужаси. На торбѣ хорошо игралъ.

— Значить онъ съ Акулькой еще допрежь того дѣло имѣлъ?

— Стой, подожди. Я тогда тоже родителя схоронилъ, а матушка моя пряники значить пекла, на Анкудима работали, тѣмъ и кормились. Житье у насъ было плохое. Ну, тоже заимка за лѣсомъ была, хлѣбушка сѣяли, да послѣ отца-то все порѣшили, потому я тоже закурилъ, братецъ ты мой. Отъ матери деньги побоями вымогалъ...

— Это не хорошо, коли побоями. Грѣхъ великій.

— Бывало пьянъ, братецъ ты мой, съ утра до ночи. Домъ у насъ былъ еще такъ-себѣ, ничего, хоть гнилой да свой, да въ избѣ-то хоть зайца гоняй. Голодомъ бывало сидимъ, по недѣлѣ тряпицу жуемъ. Мать-то меня бывало костить, костить; а мнѣ чего!.. Я, братъ, тогда отъ Фильки Морозова не отходилъ. Съ утра до ночи съ нимъ. «Играй, говоритъ, мнѣ на гитарѣ и танцуй, а я буду лежать и въ тебя деньги кидать, потому какъ я самый богатый человѣкъ.» И чего - чего онъ ни дѣлалъ! Краденаго только не принималъ: «я, говоритъ, не воръ, а честный человѣкъ». А пойдете, говоритъ, Акулькѣ ворота дегтемъ мазать; потому не хочу, чтобъ Акулька за Микиту Григорьяча вышла. Это мнѣ теперь дороже киселя, говоритъ.» А за Микиту Григорьяча старикъ еще допрежь сего хотѣлъ дѣвку отдать. Микита-то старикъ тоже былъ, вдовецъ, въ очкахъ ходилъ, торговалъ. Онъ какъ услыхалъ, что про Акульку слухи

пошли, да и на попятный: «Мнѣ, говоритъ, Анкудимъ Трофимычъ, это въ большое безчестье будетъ, да и жениться я, по старости лѣтъ, не желаю». Вотъ мы Акулькѣ ворота и вымазали. Такъ ужь драли ее, драли за это дома-то... Марья Степановна кричить: «со свѣта сживу!» А старикъ: «Въ древніе годы, говоритъ, при честныхъ патріархахъ, я бы ее, говоритъ, на кострѣ изрубилъ, а нынѣ, говоритъ, въ свѣтѣ тьма и тлѣнъ». Бывало сусѣди на всю улицу слышать, какъ Акулька ревма-реветъ: сѣкутъ съ утра до ночи. А Филька на весь базаръ кричитъ: «Славная, говоритъ, есть дѣвка Акулька, собутыльница. Чисто ходишь, бѣло носишь, скажи кого любишь! Я, говоритъ, имъ тамъ кинулся въ носъ, помнись будутъ». Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла, да и кричу: «Здрастуйте, Акулина Кудимовна! салфетъ вашей милости, чисто ходишь, гдѣ берешь, дай подписку съ кѣмъ живешь!» да только и сказалъ; а она какъ посмотрѣла на меня, такіе у ней большіе глаза-то были, а сама похудѣла какъ щенка. Какъ посмотрѣла на меня, мать-то думала, что она смѣется со мною, и кричитъ въ подворотню: «что ты зубы-то моешь, безстыдница!» такъ въ тотъ же день ее опять драть. Бывало цѣлый битый часъ дереть. «Засѣку, говоритъ, потому она мнѣ теперь не дочь».

— Распутная значить была.

— А вотъ ты слушай, дядюшка. Мы вотъ какъ это все тогда съ Филькой пьянствовали, мать ко мнѣ

и приходитъ, а я лежу: «Что ты, говорить, подлець, лежишь? разбойникъ ты, говорить, эдакой». Ругается значить: «Женись, говорить, вотъ на Акулькѣ женись». Они теперь и за тебя рады отдать будутъ, триста рублей однихъ денегъ дадутъ. А я ей: «да вѣдь она, говорю, теперь ужъ на весь свѣтъ безчестная стала». — «А ты дуракъ, говорить; вѣнцомъ все прикрывается; тебѣ-жъ лучше, коль она передъ тобой на всю жизнь виновата выйдетъ. А мы бы ихними деньгами и справились; я ужъ съ Марьей, говорить, Степановной говорила. Очень слушаетъ. — А я: «Деньги, говорю, двадцать цѣлковыхъ на столъ, тогда женюсь». И вотъ вѣришь иль нѣтъ, до самой сватьбы безъ просыпу былъ пьянъ. А тутъ еще Филька Морозовъ грозить: «Я тебѣ, говорить, Акулькинъ мужъ, всѣ ребра сломаю, а съ женой твоей захочу, кажинную ночь спать буду». А я ему: «врешь, собачье мясо!» Ну, тутъ онъ меня по всей улицѣ осрамилъ. Я прибѣжалъ домой: «не хочу, говорю, жениться, коли сейчасъ мнѣ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ не выложутъ!»

— А отдавали за тебя-то?

— За меня-то? А отчего нѣтъ? Мы вѣдь не безчестные были. Мой родитель только подъ-конецъ отъ пожару разорился, а то еще ихняго богаче жили. Анкудимъ-то и говорить: «Вы, говорить, голь перекатная». А я и отвѣчаю: «Немало дескать у васъ дегтемъ-то ворота мазаны». А онъ мнѣ: «Чтожъ, говорить, ты надъ нами куражишься? Ты докажи, что она

безчестная, а на всякій ротокъ не накинешь платокъ. Вотъ богъ, а вотъ, говорить, порогъ, не бери. Только деньги что забралъ, отдай». Вотъ я тогда съ Филькой и порѣшилъ: съ Митріемъ Быковымъ послалъ ему сказать, что я его на весь свѣтъ теперь обезчествую, и до самой сватьбы, братецъ ты мой, безъ просыпу былъ пьянъ. Только къ вѣнцу отрезвился. Какъ привезли насъ этта отъ вѣнца, посадили, а Митрофанъ Степанычъ, дядя значить, и говорить: «хоть и не честно, да крѣпко, говорить, дѣло сдѣлано и покончено». Старикъ-то, Анеудимъ-то, былъ тоже пьянъ и заплакалъ, сидить — а у него слезы по бородѣ текутъ. Ну я, братъ, тогда вотъ какъ сдѣлалъ: взялъ я въ карманъ съ собой плеть, еще до вѣнца припасъ, и такъ и положилъ, что ужъ натѣшусь же я теперь надъ Акулькой, знай дескать какъ безчестнымъ обманомъ замужь выходить, да чтобъ и люди знали, что я не дуракомъ женился...

— И дѣло! Значить, чтобъ она и впредь чувствовала...

— Нѣтъ, дядюшка, ты знай помалчивай. По нашему-то мѣсту у насъ тотчасъ же отъ вѣнца и въ клѣтъ ведутъ, а тѣ покамѣсть тамъ пьютъ. Вотъ и оставили насъ съ Акулькой въ клѣти. Она такая сидитъ бѣлая, ни кровинки въ лицѣ. Испужалась значить. Волосы у ней были тоже совсѣмъ какъ ленъ бѣлые. Глаза были большіе. И все бывало молчить, неслышно ее, словно нѣмая въ домѣ живетъ. Чудная совсѣмъ.

Чтожь, братецъ, можешь ты это думать: я-то плеть приготовилъ и тутъ же у постели положилъ, а она, братецъ ты мой, какъ есть ни въ чемъ неповинная передо мной вышла.

— Что ты!

— Ни въ чемъ; какъ есть честная изъ честнаго дома. И за чтоже, братецъ ты мой, она послѣ эфтова такую муку перенесла? За чтожь ее Филька Морозовъ передъ всѣмъ свѣтомъ обезчестилъ?

— Да.

— Сталъ я это передъ ней тогда, тутъ же съ постели, на колѣнки, руки сложилъ: «Матушка, говорю, Акулина Кудимовна, прости ты меня дурака, въ томъ что я тебя тоже за такую почиталъ. Прости ты меня, говорю, подлеца!» А она сидитъ передо мной на кровати, глядитъ на меня, обѣ руки мнѣ на плеча положила, смѣется, а у самой слезы текутъ; плачетъ и смѣется... Я тогда какъ вышелъ ко всѣмъ: «ну, говорю, встрѣчу теперь Фильку Морозова и не жить ему больше на свѣтѣ!» А старики, такъ тѣ ужъ кому молиться-то не знаютъ: мать-то чуть въ ноги ей не упала, воетъ. А старикъ и сказалъ: «знали-бъ да вѣдали, не такого бы мужа тебѣ, возлюбленная дочь наша, сыскали». А какъ вышли мы съ ней въ первое воскресенье, въ церковь: на мнѣ смушачья шапка, тонкаго сукна кафтанъ, шаровары плисовые; она въ новой заячей шубкѣ, платочекъ шелковый, — то-есть я ее стою и она меня стоитъ: вотъ какъ идемъ! Люди на насъ

любуются: я-то самъ по себѣ, а Акулинушку тоже хоть нельзя передъ другими похвалить, нельзя и похулить, а такъ что изъ десятка не выкинешь...

— Ну и хорошо.

— Ну и слушай. Я послѣ сватѣбы на другой же день, хоть и пьяный, да отъ гостей убѣгъ; вырвался это я и бѣгу: давай, говорю, сюда бездѣльника Фильку Морозова, подавай его сюда, подлеца! Кричу по базару-то! Ну и пьянъ тоже былъ; такъ меня ужъ подлѣ Власовыхъ изловили, да силкомъ три человекъ домой привели. А по городу-то толкъ идетъ. Дѣвки на базарѣ промежъ себя говорятъ: «Дѣвоньки, умницы, вы что знаете? Акулька-то честная вышла». А Филька-то мнѣ, мало время спустя при людяхъ и говорить: «Продай жену, — пьянъ будешь. У насъ, говоритъ, солдатъ Яшка затѣмъ и женился: съ женой не спалъ, а три года пьянъ былъ». — Я ему говорю: «ты подлецъ!» — А ты, говоритъ, дуракъ. Вѣдь тебя не тверезаго повѣнчали. Чтожъ ты въ эфтомъ дѣлѣ, послѣ того, смыслить могъ?» Я домой пришолъ и кричу: «Вы, говорю, меня пьянаго повѣнчали!» Мать было тутъ же вцѣпилась: «У тебя, говорю, матушка золотомъ уши завѣшаны. Подавай Акульку!» Ну и сталъ я ее трепать. Трепалъ я ее, братъ, трепалъ, часа два трепалъ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился; три недѣли съ постели не вставала.

— Оно конечно, флегматически замѣтилъ Чере-

винъ: — ихъ не бей, такъ онѣ... а развѣ ты ее засталъ съ любовникомъ-то?

— Нѣтъ, застать не засталъ, помолчавъ и какбы съ усиліемъ замѣтилъ Шишковъ. — Да ужь обидно стало мнѣ очень, люди совсѣмъ задразнили и всему-то этому коноводъ былъ Филька. — «У тебя, говоритъ, жена для модели, чтобы люди глядѣли. Насъ гостей созвалъ; такую откупорку задалъ: «Супруга, говоритъ у него милосердивая душа, благородная, учтивая, обращательная, всѣмъ хороша, въ какъ у него теперь! А забылъ, парень, какъ самъ ей дегтемъ ворота мазалъ?» Я-то пьянъ сидѣлъ, а онъ какъ схватить меня въ ту пору за волосы, какъ схватить, пригнулъ къ низу-то: «Пляши, говоритъ, Акулькинъ мужъ, я тебя такъ буду за волоса держать, а ты пляши, меня потѣшай!» — Подлецъ ты, кричу! А онъ мнѣ: «я къ тебѣ съ кананіей приѣду и Акульку твою жену при тебѣ розгами высѣку, сколько мнѣ будетъ угодно.» Такъ я — вѣрь не вѣрь, послѣ того цѣлый мѣсяцъ изъ дому боялся уйти: приѣдетъ думаю, обезчестуетъ. Вотъ за это самое и сталъ ее бить...

— Да чего-жъ бить-то? руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ. Бить тоже много негодится. Накажи, поучи, да и обласкай. На то жена.

Шишковъ нѣкоторое время молчалъ.

— Обидно было, началъ онъ снова: — опять же эту привычку взялъ: иной день съ утра до вечера бью; встала неладно, пошла нехорошо. Не побью, такъ скуч-

но. Сидить она бывало, молчить, въ окно смотрить, плачетъ... все бывало плачетъ, жаль ее этто станеть, а бью. Мать меня бывало за нее костить-костить: «Подлецъ ты, говорить, варначе твое мясо!» — «Убью, кричу: — и не смѣй мнѣ теперь никто говорить; потому меня обманомъ женили.» Сначала старикъ Анкудимъ-то вступался, самъ приходилъ: «ты, говорить, еще не богъ-знаеть какой члень; я на тебя и управу найду! А потомъ отступился. А Марья-то Степановна такъ смирилась совсѣмъ. Одноважды пришла — слезно молить: «Съ доукой къ тебѣ, Иванъ Семенычъ, статья небольшая, а просьба велика. Вели свѣтъ видѣть, батюшка;» кланяется; «смирись, прости ты ее! Нашу дочку злые люди оговорили: самъ знаешь, честную бралъ...» Въ ноги кланяется, плачетъ. А я-то куражусь: я васъ и слышать теперь не хочу! Что хочу теперь, то надъ всѣми вами и дѣлаю, потому я теперь въ себѣ не властенъ; а Филька Морозовъ, говорю, мнѣ пріятель и первый другъ...

— Значить опять вмѣстѣ закурили?

— Куды! И приступу къ нему нѣтъ. Совсѣмъ какъ есть опился. Все свое порѣшилъ и въ наемшики у мѣщанина нанялся; за старшаго сына пошолъ. А ужъ по нашему мѣсту, коли наемшикъ, такъ ужъ до самаго того дня какъ свезутъ его, все передъ нимъ въ домѣ лежать должно, а онъ надъ всѣмъ полный господинъ. Деньги при сдачѣ получаетъ сполна, а до того въ хозяйскомъ домѣ живетъ, по полугоду живутъ,

и что только они тутъ настроюють надъ хозяевами-то, такъ только святыхъ вонъ понеси! Я дескать за твоего сына въ солдаты иду, значитъ вашъ благодѣтель, такъ вы всѣ мнѣ уважать должны, нето откажусь. Такъ Филька-то у мѣщанина-то дымъ коромысломъ пустиль, съ дочерью спить, хозяина за бороду кажинный день послѣ обѣда таскаетъ — все въ свое удовольствіе дѣлаетъ. Кажинный день ему баня и чтобъ виномъ паръ подавали, а въ баню его чтобъ бабы на своихъ рукахъ носили. Домой съ гулянки воротится, станетъ на улицѣ: «Не хочу въ ворота, разбей раи заплоть!» такъ ему въ другомъ мѣстѣ, мимо воротъ, заплоть разбирать должны, онъ и пройдетъ. Наконецъ кончилъ, повезли сдавать, отрезвили. Народу-то, народу-то по всей то улицѣ валить: Фильку Морозова сдавать везуть! Онъ на всѣ стороны кланяется. А Акулька на ту пору съ огорода шла; какъ Филька-то увидалъ ее, у самыхъ нашихъ воротъ: «Стой!» кричить, выскочилъ изъ телѣги да прямо ей земной поклонъ: «Душа ты моя, говорить, ягода, любилъ я тебя два года, а теперь меня съ музыкой въ солдаты везуть. Прости, говорить, меня, честнаго отца честная дочь, цтому я подлець передъ тобой, во всемъ виновать!» И другой разъ въ землю ей поклонился. Акулька-то стала, словно испужалась сначала, а потомъ поклонилась ему въ поясъ, да и говорить: «Прости и ты меня, добрый молодець, а я зла на тебѣ никакого не знаю.» Я за ней въ избу: «Что ты ему,

собачье мясо, сказала?» А она, вотъ вѣришь мнѣ или нѣтъ, посмотрѣла на меня: «да я его, говоритъ, больше свѣта теперь люблю!»

— Ишь ты!...

— Я въ тотъ день цѣлый день ей ни слова не говорилъ.. Только къ вечеру: «Акулька! я тебя теперь убью», говорю. Ночь-то это неспится, вышелъ въ сѣни кваску испить, а тутъ и заря заниматься стала. Я въ избу вошолъ. «Акулька, говорю, собирайся на заимку ѣхать.» А я еще и допрежь того собирался, и матушка знала, что поѣдемъ. «Вотъ это, говоритъ, дѣло: пора страдная, а работникъ, слышно, тамъ третій день животомъ лежитъ.» Я телѣгу запрегъ, молчу. Изъ нашего-то города какъ выѣхать, тутъ сейчасъ тебѣ боръ пойдетъ на пятнадцать верстъ, а за боромъ-то наша заимка. Версты три боромъ проѣхали, я лошадей остановилъ: «вставай, говорю, Акулина; твой конецъ пришолъ.» Она смотритъ на меня, испужалась, встала передо мной, молчить. — «Надоѣла ты мнѣ говорю; молись богу!» Да какъ схвачу ее за волосы: косы-то были такія толстыя, длинныя, на руку ихъ замоталъ, да сзади ее съ обѣихъ сторонъ колѣнками придавилъ, вынулъ ножъ, голову-то ей загнулъ назадъ, да какъ тилисну по горлу ножомъ... Она какъ закричить, кровь-то какъ брызнетъ, я ножъ бросилъ, обхватилъ ее руками-то спереди, легъ на землю, обнял ее и кричу надъ ней, рева-реву; и она кричитъ, и я кричу; вся трепещетъ, бьется изъ рукъ-то, а кровь-то

на меня, кровь-то — и на лицо-то и на руки такъ и хлещеть, такъ и хлещеть. Бросилъ я ее, страхъ на меня напалъ и лошадь бросилъ, а самъ бѣжать, бѣжать, домой къ себѣ по задамъ забѣжалъ, да въ баню: баня у насъ такая старая, неслужащая стояла; подъ полокъ забился и сижу тамъ. До ночи тамъ просидѣлъ.

А Акулька-то?

— А она-то знать послѣ меня встала и тоже домой пошла. Такъ ее за сто шаговъ ужъ отъ того мѣста потомъ нашли.

— Недорѣзаль значить.

— Да... Шишковъ на минуту остановился.

— Этта жила такая есть, замѣтилъ Черевинъ: — коли ее, эту самую жилу, съ перваго раза не перерѣзать, то все будетъ биться человекъ и сколько бы крови ни вытекло, не помреть.

— Да она-жъ померла. Мертвую повечеру-то нашли. Дали знать, меня стали искать и розыскали ужъ къ ночи, въ банѣ... Вотъ ужъ четвертый годъ почитай здѣсь живу, прибавилъ онъ помолчавъ.

— Гм... Оно конечно коли не бить, — не будетъ добра! хладнокровно и методически замѣтилъ Черевинъ, опять вынимая рожокъ. Онъ началъ нюхать, долго и съ разстановкой. — Опять таки тоже, парень, продолжалъ онъ, — выходишь ты самъ по себѣ очень глупъ. Я тоже эдакъ свою жену съ любовникомъ разъ засталъ. Такъ я ее зазвалъ въ сарай; поводъ сложилъ надвое. «Кому, говорю, присягаешь? Кому

присягаешь?» Да ужь дралъ ее, дралъ, поводомъ-то, дралъ-дралъ, часа полтора ее дралъ, такъ она мнѣ: «Ноги, кричить, твои буду мыть, да воду эту пить.» Овдотъей звали ее.

V.

ЛѢТНЯЯ ПОРА

Но вотъ уже и начало апрѣля, вотъ уже приближается и святая недѣля. Мало-помалу начинаются и лѣтнія работы. Солнце съ каждымъ днемъ все теплѣе и ярче; воздухъ пахнетъ весною и раздражительно дѣйствуетъ на организмъ. Наступающіе красные дни волнуютъ и закованнаго человѣка, рождаютъ и въ немъ какія-то желанія, стремленія, тоску. Кажется еще сильнѣе грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучемъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ. Они какъ-будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая-то нетерпѣливость, порывчатость. Право я замѣтилъ, что весной какъ-будто чаще случались у насъ острожныя ссоры. Чаще слышался шумъ, крикъ, гамъ, затѣвались исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось, подмѣтишь вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ въ

синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верстѣ, вольная киргизская степь; подмѣтишь чей-нибудь глубокой вздохъ, всей грудью, какъ-будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придавленную, закованную душу. — «Эхма!» говоритъ наконецъ арестантъ, и вдругъ, точно страхнувъ съ себя мечты и раздумье, нетерпѣливо и угрюмо схватится за заступъ или за кирпичи, которые надо перетасать съ одного мѣста на другое. Черезъ минуту онъ уже и забываетъ свое внезапное ощущеніе и начинаетъ смѣяться или ругаться, судя по характеру; а то вдругъ съ необыкновеннымъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ потребностью жаромъ схватится за рабочій урокъ, если онъ заданъ ему, и начинаетъ работать, — работать изо всѣхъ силъ, точно желая задавить въ себѣ тяжестью работы что-то такое, что само его тѣснить и давить изнутри. Все это народъ сильный, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ... Тяжелы кандалы въ эту пору! Я не поэтизирую въ эту минуту и увѣренъ въ правдѣ моей замѣтки. Кромѣ того, что въ теплѣ, среди яркаго солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душою, всѣмъ существомъ своимъ воскресающую вокругъ себя съ необъятной силой природу, еще тяжеле становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля; — кромѣ того, въ это весеннее время, по всей Сибири и по всей Россіи, съ первымъ жаворонкомъ,

начинается бродяжество: бѣгутъ божьи люди изъ островъ и спасаются въ лѣсахъ. Послѣ душевой ямы, послѣ судовъ, кандаловъ и палокъ, бродятъ они по всей своей волѣ, гдѣ захотятъ, гдѣ попригляднѣе и повальготнѣе; пьютъ и ѣдятъ гдѣ что удастся, что богъ пошлетъ, а по ночамъ мирно засыпаютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ полѣ, безъ большой заботы, безъ тюремной тоски, какъ лѣсныя птицы, прощаясь на ночь съ одними звѣздами небесными, подъ божіимъ окомъ. Кто говорить! иногда и тяжело, и голодно, и изнурительно «служить у генерала Кукушкина». По цѣлымъ суткамъ иной разъ не приходится видѣть хлѣба; отъ всѣхъ надо прятаться, хорониться; приходится и воровать, и грабить, а иногда и зарѣзать. «Поселенецъ что младенецъ: на что взглянетъ, то и тянетъ», говорятъ въ Сибири про поселенцевъ. Это присловье во всей силѣ и даже съ нѣкоторой прибавкой можетъ быть приложено и къ бродягѣ. Бродяга рѣдко не разбойникъ и всегда почти воръ, разумѣется больше по необходимости, чѣмъ по призванію. Есть закоренѣлые бродяги. Бѣгутъ иные даже кончивши свои каторжные сроки, уже съ поселенія. Казалось бы и доволенъ онъ на поселеніи, и обезпеченъ, а нѣтъ! все куда-то тянетъ, куда-то отзываетъ его. Жизнь по лѣсамъ, жизнь бѣдная и ужасная, но вольная и полная приключеній, имѣетъ что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть для тѣхъ, кто уже разъ испыталъ ее, и смотришь — бѣжалъ человѣкъ, иной даже скром-

ный, аккуратный, который уже обѣщалъ сдѣлаться хорошимъ осѣдлымъ человѣкомъ и дѣльнымъ хозяиномъ. Иной даже женится, заводитъ дѣтей, лѣтъ пять живетъ на одномъ мѣстѣ, и вдругъ въ одно прекрасное утро, исчезаетъ куда-нибудь, оставляя въ недоумѣннн жену, дѣтей и всю волость, къ которой приписанъ. У насъ въ острогѣ мнѣ указывали на одного изъ такихъ бѣгуновъ. Онъ никакихъ особенныхъ преступленій не сдѣлалъ, покрайней-мѣрѣ неслыхать было, чтобъ говорили о немъ въ этомъ родѣ, а все бѣгалъ, всю жизнь свою пробѣгалъ. Бывалъ онъ и на южной русской границѣ за Дунаемъ, и въ киргизской степи, и въ восточной Сибири и на Кавказѣ, — вездѣ побывалъ. Кто знаетъ, можетъ-быть при другихъ обстоятельствахъ изъ него бы вышелъ какой-нибудь Робинзонъ Крузе съ его страстью путешествовать. Впрочемъ все это мнѣ объ немъ говорили другіе; самъ же онъ мало въ острогѣ разговаривалъ, и то развѣ промолвить что-нибудь самое необходимое. Это былъ очень маленькой мужичонка, лѣтъ уже пятидесяти, чрезвычайно смирный, съ чрезвычайно спокойнымъ и даже тупымъ лицомъ, спокойнымъ до идиотства. Лѣтомъ онъ любилъ сидѣть на солнышкѣ и непремѣнно бывало мурлычить про себя какую-нибудь пѣсенку, но такъ тихо, что за пять шаговъ отъ него уже неслышно. Черты лица его были какія-то одеревенѣлыя; ѣлъ онъ мало, все больше хлѣбушка; никогда-то онъ не купилъ ни одного калача, ни шкалика вина; да врядъ ли у него

и были когда-нибудь деньги, вряд ли даже онъ умѣлъ и считать. Ко всему онъ относился совершенно спокойно. Осторожныхъ собачекъ иногда кормилъ изъ своихъ рукъ, а у насъ осторожныхъ собакъ никто не кормилъ. Да русскій человѣкъ вообще не любитъ кормить сабакъ. Говорятъ онъ былъ женатъ и даже раза два; говорили, что у него есть гдѣ-то дѣти... Зачто онъ попалъ въ острогъ, — совершенно не знаю. Наши все ждали, что онъ и отъ насъ улизнетъ; но или время его не пришло, или ужъ года ушли, но онъ жилъ-себѣ да поживалъ, какъ-то созерцательно относясь къ всей этой странной средѣ, окружавшей его. Впрочемъ положиться было нельзя; хотя казалось бы и зачѣмъ ему было бѣжать, что за выигрышъ? А между тѣмъ все-таки, въ цѣломъ, лѣсная, бродячая жизнь — рай передъ острожной. Это такъ понятно; да и не можетъ быть никакого сравненія. Хоть и тяжолая доля, да все своя воля. Вотъ почему всякой арестантъ на Руси, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, становится какъ-то безпокоень весной, съ первыми привѣтными лучами весенняго солнца. Хоть и далеко не всякой намѣренъ бѣжать: положительно можно сказать, что рѣшается на это, по трудности и по отвѣтственности, изъ сотни одинъ; но зато остальные девяносто девять хоть мечтають о томъ, какъ бы можно было бѣжать и куда бы это бѣжать; хоть душу себѣ отведуть на одномъ желаніи, на одномъ представленіи возможности. Иной хоть припомнить, какъ онъ прежде когда-то бѣгалъ...

Я говорю теперь только о рѣшонныхъ. Но разумѣется гораздо чаще и всѣхъ больше рѣшаются на побѣги изъ подсудимыхъ. Рѣшонные же на срокъ только развѣ бѣгаютъ въ началѣ своего арестантства. Отбывъ же два-три года каторги, арестантъ уже начинаетъ цѣнить эти годы, и мало-помалу соглашается про себя лучше ужъ закончить законнымъ образомъ свой рабочий терминъ и выдти на поселеніе, чѣмъ рѣшиться на такой рискъ и на такую гибель въ случаѣ неудачи. А неудача такъ возможна. Только развѣ десятому удастся *перемѣнить свою участь*. Изъ рѣшонныхъ рискуютъ тоже чаще другихъ бѣжать осужденные на слишкомъ долгіе сроки. Пятнадцать-двадцать лѣтъ кажутся безконечностью и рѣшонный на такой срокъ постоянно готовъ помечтать о перемѣнѣ участи, хотя бы десять лѣтъ уже отбылъ въ каторгѣ. Наконецъ и клеймы отчасти мѣшаютъ рисковать на побѣгъ. *Перемѣнить же участь* — техническій терминъ. Такъ и на допросахъ, если уличать въ побѣгъ, арестантъ отвѣчаетъ, что онъ хотѣлъ перемѣнить свою участь. Это немного книжное выраженіе буквально приложимо къ этому дѣлу. Всякій бѣгунъ имѣетъ въ виду нето-что освободиться совсѣмъ, — онъ знаетъ, что это почти невозможно, — но, или попасть въ другое заведеніе, или угодить на поселеніе, или судиться вновь, по новому преступленію, совершенному уже по бродяжеству, — однимъ словомъ куда угодно, только-бы не на старое, надѣвшее ему мѣсто, не въ прежній острогъ. Всѣ эти

бѣгуны, если не найдутъ себѣ впродолженіе лѣта ка-кого-нибудь случайнаго, необыкновеннаго мѣста, гдѣ бы перезимовать, — если напимѣрь не наткнутся на какого-нибудь укрывателя бѣглыхъ, которому въ этомъ выгода; если наконецъ не добудутъ себѣ, иногда че-резъ убійство, какого-нибудь паспорта, съ которымъ можно вездѣ прожить, — всѣ они къ осени, если ихъ не изловятъ предварительно, большею частію сами яв-ляются густыми толпами въ города и въ остроги, въ качествѣ бродягъ, и садятся въ тюрьмы зимовать, ко-нечно не безъ надежды бѣжать опять лѣтомъ.

Весна дѣйствовала и на меня своимъ вліяніемъ. Помню, какъ я съ жадностью смотрѣлъ иногда сквозь щели палъ и подолгу стоялъ бывало прислонившись го-ловой къ нашему забору, упорно и ненасытимо всма-триваясь какъ зеленѣть трава на нашемъ крѣпост-номъ валѣ, какъ все гуще и гуще синѣть далекое небо. Безпокойство и тоска моя росли съ каждымъ днемъ и острогъ становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Ненависть, которую я, въ качествѣ дво-рянина, испытывалъ постоянно впродолженіе первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыно-симой, отравляла всю жизнь мою ядомъ. Въ эти пер-вые годы я часто уходилъ, безо всякой болѣзни, ле-жать въ гошпиталь, единственно для того, чтобъ не быть въ острогѣ, чтобъ только избавиться отъ этой упорной, ничѣмъ несмиримой всеобщей ненависти. «Вы — желѣзные носы, вы насъ заклевали!» говорили

намъ арестанты, и какъ я завидоваль бывало просто-народью, приходившему въ острогъ! Тѣ сразу дѣлались со всѣми товарищами. И потому весна, призракъ свободы, всеобщее веселье въ природѣ, сказывалась на мнѣ какъ-то тоже грустно и раздражительно. Въ концѣ поста, кажется на шестой недѣлѣ, мнѣ пришлось говѣть. Весь острогъ, еще съ первой недѣли, раздѣленъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ на семь смѣнъ, по числу недѣль поста, для говѣнія. Въ каждой смѣнѣ оказалось такимъ образомъ человекъ по тридцати. Недѣля говѣнья мнѣ очень понравилась. Говѣвшіе освобождались отъ работъ. Мы ходили въ церковь, которая была неподалеку отъ острога, раза по два и по три въ день. Я давно небылъ въ церкви. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства, въ родительскомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны, — все это расшевеливало въ душѣ моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатлѣнія еще дѣтскихъ лѣтъ, и помню, мнѣ очень пріятно было, когда бывало утромъ, по подмерзшей за-ночь землѣ насъ водили подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ божій домъ. Конвой впрочемъ не входилъ въ церковь. Въ церкви мы становились тѣсной кучей у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ что слышно было только развѣ голосистаго дьякона, да изрѣдка изъ-за толпы примѣтишь черную ризу да лысину священника. Я припоминалъ, какъ бывало еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я

иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ, передъ толстымъ бариномъ, или передъ разфуфыренной, но чрезвычайно богомольной барыней, которые непременно проходили на первыя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ-за перваго мѣста. Тамъ у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, зѣмно, и съ какимъ-то полнымъ сознаниемъ своей приниженности.

Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ, даже и не на этихъ; мы были закованные и ошельмованные; отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ-будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи. «Пусть же коли такъ!» думалъ я. Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копѣйку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: «Тоже вѣдь и я чловѣкъ», можетъ-быть думалъ онъ или чувствовалъ, подавая: — «передъ богомъ-то всѣ равны»... Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «...но яко разбойника мя приими», — почти всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется принявъ эти слова буквально на свой счетъ.

Но вотъ пришла и святая. Отъ начальства вышло намъ по одному яйцу и по ломтю пшеничнаго сдобнаго хлѣба. Изъ города опять завалили острогъ подаваніемъ. Опять посѣщеніе съ крестомъ священника, опять посѣщеніе начальства, опять жирныя щи, опять пьянство и шатанье, — все точь-вточь какъ и на рождествѣ, съ тою разницею, что теперъ можно было гулять на дворѣ острога и грѣться на солнышкѣ. Было какъ-то свѣтлѣе, просторнѣе чѣмъ зимой, но какъ-то тоскливѣе. Длинный, безконечный лѣтній день становился какъ-то особенно невыносимъ на праздникахъ. Въ будни покрайней-мѣрѣ сокращался день работою.

Лѣтнія работы дѣйствительно оказались гораздо труднѣе зимнихъ. Работы шли все больше по инженернымъ постройкамъ. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другіе изъ нихъ занимались слесарною, столярною или малярною частію при ремонтныхъ исправленіяхъ казенныхъ домовъ. Третьи ходили въ заводъ дѣлать кирпичи. Эта послѣдняя работа считалась у насъ самою тяжелою. Кирпичный заводъ находился отъ крѣпости верстахъ въ трехъ или въ четырехъ. Каждый день въ продолженіи лѣта, утромъ часовъ въ шесть отправлялась цѣлая партія арестантовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, для дѣланія кирпичей. На эту работу выбирали чернорабочихъ, то-есть не мастеровыхъ и не принадлежащихъ къ какому-нибудь мастерству. Они брали съ собою хлѣба, потому что за дальностію мѣста невыгодно было приходиться домой обѣдать и такимъ

образомъ дѣлать версть восемь лишнихъ, и обѣдали уже вечеромъ, возвратясь въ острогъ. Урокъ-же задавался на весь день и такой, что развѣ въ цѣлый рабочий день арестантъ могъ съ нимъ справиться. Впервые надо было накопать и вывезти глину, нанести самому воду, самому вытоптать глину въ глиняной ямѣ и наконецъ-то сдѣлать изъ нея что-то очень много кирпичей, кажется сотни двѣ, чуть ли даже не двѣ съ половиной. Я всего только два раза ходилъ въ заводъ. Возвращались заводскіе уже вечеромъ, усталые, измученные, и постоянно цѣлое лѣто попрекали другихъ тѣмъ, что они дѣлаютъ самую трудную работу. Это было кажется ихъ утѣшеніемъ. Несмотря нато иные ходили туда даже съ нѣкоторою охотою: вопервыхъ дѣло было за городомъ; мѣсто было открытое, привольное, на берегу Иртыша. Все-таки поглядѣть кругомъ отрадиѣе; не крѣпостная казенщина! Можно было и покурить свободно, и даже полежать съ полчаса съ большимъ удовольствіемъ. Я-же или по прежнему ходилъ въ мастерскую, или на алебастръ, или наконецъ употреблялся въ качествѣ подносчика кирпичей при постройкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось однажды перетаскивать кирпичи съ берегу Иртыша къ строившейся казармѣ сажень на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ, и работа эта продолжалась мѣсяца два сряду. Мнѣ она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно на

тирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ видимо развивалась сила. Сначала я могъ таскать только по восьми кирпичей, а въ каждомъ кирпичѣ было по двѣнадцати фунтовъ. Но потомъ я дошолъ до двѣнадцати и до пятнадцати кирпичей, и это меня очень радовало. Физическая сила въ каторгѣ нужна неменѣе нравственной для перенесенія всѣхъ матерьяльныхъ неудобствъ этой проклятой жизни.

А я еще хотѣлъ жить и послѣ острога...

Я впрочемъ любилъ таскать кирпичи, не зато только, что отъ этой работы укрѣпляется тѣло, а зато еще, что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому такъ часто говорю объ этомъ берегѣ, что единственно только съ него и былъ виденъ міръ божій, чистая, ясная даль, незаселенныя вольныя степи, производившія на меня странное впечатлѣніе своею пустынною. На берегу только и можно было стать къ крѣпости задомъ и не видать ее. Всѣ прочія мѣста нашихъ работъ были въ крѣпости или подлѣ нея. Съ самыхъ первыхъ дней я возненавидѣлъ эту крѣпость и особенно инныя зданія. Домъ нашего плацъ-майора казался мнѣ какимъ-то проклятымъ, отвратительнымъ мѣстомъ, и я каждый разъ съ ненавистью глядѣлъ на него, когда проходилъ мимо. На берегу же можно было забыться: смотришь бывало въ этотъ необъятный, пустынный просторъ точно заключенный изъ окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонномъ

синемъ небѣ, и далекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всматриваешься долго и разглядишь наконецъ какую нибудь бѣдную, обжуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымокъ у юрты, киргизку, которая о чемъ-то тамъ хлопочетъ съ своими двумя баранами. Все это бѣдно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу въ синемъ прозрачномъ воздухѣ и долго, упорно слѣдишь за ея полетомъ: вонъ она всполснулась надъ водой, вонъ исчезла въ синевѣ, вонъ опять показалась чуть мелькающей точкой... Даже бѣдный, чахлый цвѣтокъ, который я нашолъ рано весною въ разсѣлинѣ каменистаго берега, и тотъ какъ-то болѣзненно остановилъ мое вниманіе. Тоска всего этого перваго года каторги была нестерпимая и дѣйствовала на меня раздражительно, горько. Въ этотъ первый годъ, отъ этой тоски и многого не замѣчалъ кругомъ себя. Я закрывалъ глаза и не хотѣлъ всматриваться. Среди злыхъ, ненавистныхъ моихъ товарищей-каторжниковъ я не замѣчалъ хорошихъ людей, людей способныхъ и мыслить и чувствовать, несмотря на всю отвратительную кору, покрывавшую ихъ съ наружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безо всякихъ видовъ, а нерѣдко прямо изъ души, можетъ-быть болѣе меня пострадавшей и вынесшей. Но къ чему распространяться объ этомъ? Я чрезвычайно былъ радъ, если приходилось сильно устать, воро-

тившись домой: авось засну! Потомучто спать было у насъ лѣтомъ мученье, чуть ли еще не хуже чѣмъ зимой. Вечера правда были иногда очень хороши. Солнце, цѣлый день несходившее съ острожного двора, наконецъ закатывалось. Наступала прохлада, а за ней почти холодная (говоря сравнительно), степная ночь. Арестанты, въ ожиданіи какъ запрутъ ихъ, толпами ходятъ бывало по двору. Главная масса толпится правда болѣе на кухнѣ. Тамъ всегда подымается какой-нибудь насущный острожный вопросъ, толкуется о томъ о семъ, разбирается иногда какой-нибудь слухъ, часто нелѣпый, но возбуждающій необыкновенное вниманіе этихъ отрѣшонныхъ отъ міра людей; то напримѣръ пришло извѣстіе, что нашего плацъ-майора сгоняютъ долой. Арестанты легковѣрны какъ дѣти; сами знаютъ, что извѣстіе — вздоръ, что принесъ его извѣстный болтунъ и «нелѣпый» человѣкъ — арестантъ Квасовъ, которому уже давно положили невѣрить и который что ни слово, то вретъ, — а между-тѣмъ всѣ схватываются за извѣстіе, судятъ, рядятъ, сами себя тѣшатъ, а кончится тѣмъ, что сами на себя разсердятся, самимъ за себя стыдно станетъ, что повѣрили Квасову.

— Да кто его стонить! кричить одинъ: — небось, шея толста, сдюжить!

— Да вѣдь и надъ нимъ чай старшіе есть! возражаетъ другой, горячій и неглупый малый, выдавшій виды, но спорщикъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

— Воронъ ворону глазъ не выклюеть! угрюмо, словно про себя замѣчаетъ третій, уже сѣдой человекъ, одиноко дождающій въ углу свои щи.

— А старшіе-то небось тебя придуть спрашиваться — смѣнить его али нѣтъ? прибавляетъ равнодушно четвертый, слегка тренькая на балалайкѣ.

— А почему жъ не меня? съ яростію возражаетъ второй: — значить вся бѣдность просить, всѣ тогда заявляйте, коли начнутъ опрашивать. А то у насъ небось кричать, а къ дѣлу дойдетъ, такъ и на попятный!

— А ты думалъ какъ? говорить балалаечникъ. — На то каторга.

— Анамеднись, продолжаетъ не слушая и въ горячкѣ спорщикъ, — муки оставалось. Поскребки собрали, самыя что ни есть слезы значить; послали продать. Нѣтъ, узналъ; артельщикъ донесъ; отобрали; экономія значить. Справедливо аль нѣтъ?

— Да ты кому хочешь жаловаться?

— Кому! Да самому левизору, что ѣдетъ.

— Какому такому левизору?

— Это правда, братцы, что ѣдетъ левизоръ, говоритъ молодой, разбитной парень, грамотный, изъ писарей и читавшій «Герцогиню Лавальеръ» или что-то въ этомъ родѣ. Онъ вѣчно веселый и потѣшникъ, но за нѣкоторое знаніе дѣлъ и потертость его уважаютъ. Необращая вниманія на возбужденное всеобщее любопытство о будущемъ ревизорѣ, онъ прямо идетъ къ стряпкѣ, то есть къ повару, и спрашиваетъ у него

печенки. Наши стряпки часто чѣмъ-нибудь торговали въ этомъ родѣ. Купятъ напримѣръ на свои деньги большой кусокъ печенки, зажарятъ и продаютъ по мелочи арестантамъ.

— На грошъ, али на два? спрашиваетъ стряпка.

— Рѣжь на два: пускай люди завидуютъ! отвѣчаетъ арестантъ. — Генераль, братцы, генераль такой изъ Петербурга ѣдетъ, всю Сибирь осматривать будетъ. Это вѣрно. У комендантскихъ сказывали.

Извѣстіе производитъ необыкновенное волненіе. Съ четверть часа идутъ распросы: кто именно, какой генераль, какого чину, и старше ли здѣшнихъ генераловъ? О чинахъ, начальникахъ, кто изъ нихъ старше, кто кого можетъ согнуть и кто самъ изъ нихъ согнется, ужасно любятъ разговаривать арестанты, даже спорятъ и ругаются за генераловъ, чуть не до драки. Казалось бы что тутъ за выгода? Но подробнымъ знаніемъ генераловъ и вообще начальства измѣряется и степень познаній, толковитости и прежняго, доострожнаго значенія человѣка въ обществѣ. Вообще разговоръ о высшемъ начальствѣ считается самымъ изящнымъ и важнымъ разговоромъ въ острогѣ.

— Значить и взаправду выходитъ, братцы, что майора-то смѣнять ѣдутъ, замѣчаетъ Квасовъ, маленькій красенный человѣчекъ, горячій и крайне-безтолковый. Онъ - то первый и принесъ извѣстіе о майорѣ.

— Задарить! отрывисто возражаетъ угрюмый сѣдой арестантъ, уже управившійся со щами.

— А и то задарить, говорить другой. — Мало онъ денегъ-то нагробилъ! До насъ еще батальоннымъ былъ. Анамеднись на протопоповской дочери жениться хотѣлъ.

— Да вѣдь не женился: дверь указали; бѣдень значитъ. Какой онъ женихъ! Всталъ со стула — и все съ нимъ. О святой все на картахъ продулъ. Оедька сказывалъ.

— Да; мальчикъ не мотъ, а деньгамъ переводъ.

— Эхъ братъ, вотъ и я женатъ былъ. Плохо жениться бѣдному: женись, а и ночь коротка! замѣчаетъ Скуратовъ, подвернувшійся тутъ же къ разговору.

— Какже! объ тебѣ тутъ и рѣчь, замѣчаетъ развязный парень изъ писарей. — А ты, Квасовъ, скажу я тебѣ, большой дуракъ. Неужели-жъ ты думаешь, что такого генерала майоръ задарить, и что такой генералъ будетъ нарочно изъ Петербурга ѣхать, чтобъ майора ревизовать? Глупъ же ты, парень, вотъ что скажу.

— А чтожъ? ужъ коли онъ генералъ, такъ и не возьметъ чтоли? скептически замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Знамо дѣло не возьметъ, а возьметъ такъ ужъ толсто возьметъ.

— Вѣстимо толсто; по чину.

— Генералъ всегда возьметъ, рѣшительно замѣчаетъ Квасовъ.

— Ты чтоли давалъ ему? съ презрѣніемъ говорить вдругъ вошедшій Баклушинъ. — Да ты и генерала-то врядъ ли когда видалъ?

— Ань видалъ?

— Врешь.

— Самъ соври.

— Ребята, коли онъ видалъ, пусть сейчасъ при всѣхъ говорить, какого онъ знаетъ генерала? Ну говори, потому я всѣхъ генераловъ знаю.

— Я генерала Зиберта видѣлъ, какъ-то нерѣшительно отвѣчаетъ Квасовъ.

— Зиберта? Такого и генерала нѣтъ. Знать въ спину онъ тебѣ заглянулъ, Зибертъ-то, когда можетъ еще только подполковникомъ былъ, а тебѣ со страху и показалось, что генераль.

— Нѣтъ, вы меня послушайте, кричить Скуратовъ, — потому я женатый человѣкъ. Генераль такой дѣвствительно былъ на Москвѣ, Зибертъ, изъ нѣмцевъ, а русской. У русскаго попа кажинный годъ исповѣдывался о госпожинегахъ, и все, братцы, онъ воду пилъ словно утка. Кажинный день сорокъ стакановъ москворѣцкой воды выпивалъ. Это, сказывали, онъ отъ какой-то болѣзни водой лечился; мнѣ самъ его камардинъ сказывалъ.

— Въ брюхѣ-то съ воды-то небось караси завелись? замѣчаетъ арестантъ съ балалайкой.

— Ну полно вамъ! Тутъ о дѣлѣ идетъ, а они... Какой же это левизоръ, братцы? заботливо замѣчаетъ

одинъ суетливый арестанъ, Мартыновъ, старикъ изъ военныхъ, бывшій гусаръ.

— Вѣдь вотъ вретъ народъ! замѣчаетъ одинъ изъ скептиковъ. — И откуда что берутъ и во что кладутъ? А и все-то вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ! догматически замѣчаетъ Куликовъ, до сихъ поръ величаво молчавшій. Это парень съ вѣсомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, чрезвычайно благообразнаго лица и съ какой-то презрительно-величавой манерой. Онъ сознаетъ это и этимъ гордится. Онъ отчасти цыганъ, ветеринаръ, добываетъ по городу деньги за леченіе лошадей, а у насъ въ острогѣ торгуетъ виномъ. Малый онъ умный и много видывалъ. Слова роняетъ какъ-будто рублемъ дарить.

— Это взаправду, братцы, спокойно продолжаетъ онъ: — я еще на прошлой недѣлѣ слышалъ; ѣдетъ генераль, изъ очень важныхъ, будетъ всю Сибирь ревизовать. Дѣло знамое, задарятъ и его, да только не нашъ восьмиглазый: онъ и сунуться къ нему не посмѣетъ. Генераль генералу розъ, братцы. Всякіе бывають. Только я вамъ говорю, нашъ майоръ при всякомъ случаѣ на теперешнемъ мѣстѣ останется. Это вѣрно. Мы народъ безъ языка, а изъ начальства свои на своего же доносить не стануть. Ревизоръ поглядить въ острогъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ, и донесетъ, что все хорошо нашоль...

— То-то, братцы, а майоръ-то струсилъ: вѣдь съ утра пьянъ.

— А вечеромъ другую фуру везеть. Оедька сказываль.

— Чернаго кобеля не отмоешь добѣла. Впервой чтоль онъ пьянъ?

— Нѣтъ, это ужъ чтоже, если и генераль ничего не сдѣлаеть! Нѣтъ ужъ полно ихнимъ дурачествамъ подражать! волнуясь говорятъ промежь себя арестанты.

Вѣсть о ревизорѣ мигомъ разносится по острогу. По двору бродять люди и нетерпѣливо передають другъ другу извѣстіе. Другіе нарочно молчатъ, сохраняя свое хладнокровіе и тѣмъ видимо стараются придать себѣ больше важности. Третьи остаются равнодушными. На казарменныхъ крылечкахъ разсаживаются арестанты съ балалайками. Иные продолжаютъ болтать. Другіе затягиваютъ пѣсни, но вообще всѣ въ этотъ вечеръ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи.

Часу въ десятомъ у насъ всѣхъ сосчитывали, загоняли по казармамъ и запирали на ночь. Ночи были короткія; будили въ пятомъ часу утра, засыпали же всѣ никакъ не раньше одиннадцати. До тѣхъ поръ всегда бывало идетъ еще суетня, разговоры, а иногда, какъ и зимой, бывають и майданы. Ночью наступаетъ нестерпимый жаръ и духота. Хоть и обдаеть ночнымъ холодкомъ изъ окна съ поднятой рамой, но арестанты мечутся на своихъ нарахъ всю ночь, словно въ бреду. Блохи кишатъ мириадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но на-

чиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но неиспытавъ на дѣлѣ не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки это тяжело достается. Дотога бывало измучаютъ, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь. Наконецъ, когда передъ самымъ утромъ угомонятся наконецъ и блохи, словно замрутъ, и когда подъ утреннимъ холодкомъ какъ-будто дѣйствительно сладко заснешь, — раздается вдругъ безжалостный трескъ барабана у осторожныхъ воротъ и начинается зоря. Съ проклятіемъ слушаешь, закутываясь въ полушубокъ, громкіе, отчетливые звуки, словно считаешь ихъ, а между тѣмъ сквозь сонъ лѣзетъ въ голову нестерпимая мысль, что такъ будетъ и завтра, и послѣзавтра, и нѣсколько лѣтъ сряду, вплоть до самой свободы. Да когда-жь это, думаешь, эта свобода и гдѣ она? А между тѣмъ надо просыпаться; начинается обыденная ходьба, толкотня... Люди одѣваются, спѣшать на работу. Правда можно было заснуть съ часъ еще въ полдень.

О ревизорѣ сказали правду. Слухи съ каждымъ днемъ подтверждались все болѣе и болѣе, и наконецъ всѣ узнали уже навѣрно, что ѣдетъ изъ Петербурга одинъ важный генераль ревизовать всю Сибирь, что онъ ужъ пріѣхалъ, что онъ ужъ въ Тобольскѣ. Каж-

дый день новые слухи приходили въ острогъ. Приходили вѣсти и изъ города: слышно было, что всѣ трусятъ, хлопчуть, хотятъ товаръ лицомъ показать. Толковали, что у высшаго начальства готовятъ приемы, балы, праздники. Арестантовъ высылали цѣлыми кучами ровнять улицы въ крѣпости, срывать кочки, подкрашивать заборы и столбики, подштукатуривать, подмазывать, однимъ словомъ хотѣли въ одинъ мигъ все исправить, что надо было лицомъ показать. Наши понимали очень хорошо это дѣло и все горячѣй и задорнѣе толковали между собою. Фантазія ихъ доходила до колоссальныхъ размѣровъ. Собирались даже показать *претензію*, когда генераль станетъ спрашивать о довольствѣ. А между тѣмъ спорили и бранились между собою. Плацъ-майоръ былъ въ волненіи. Чаще наѣзжалъ въ острогъ, чаще кричалъ, чаще кидался на людей, чаще забиралъ народъ въ кордегардію и усиленно смотрѣлъ за чистотой и благообразіемъ. Въ это время, какъ нарочно, случилась въ острогѣ одна маленькая исторійка, которая впрочемъ вовсе не взволновала майора, какъ бы можно было ожидать, а напротивъ даже доставила ему удовольствіе. Одинъ арестантъ въ дракѣ пырнулъ другого шиломъ въ грудь, почти подъ самое сердце.

Арестантъ, совершившій преступленіе, назывался Ломовъ; получившаго рану звали у насъ Гаврилкой; онъ былъ изъ закоренѣлыхъ бродягъ. Не помню было

ли у него другое прозваніе; звали его у насъ всегда Гаврилкой.

Ломовъ былъ изъ зажиточныхъ т-хъ крестьянъ, к-скаго уѣзда. Всѣ Ломовы жили семьею: старикъ-отецъ, три сына и дядя ихъ, Ломовъ. Мужики они были богатые. Говорили по всей губерніи, что у нихъ было до трехсотъ тысячъ ассигнаціями капитала. Они пахали, выдѣлывали кожи, торговали, но болѣе занимались ростовщицествомъ, укрывательствомъ бродягъ и краденаго имущества и прочими художествами. Крестьяне на поль-уѣзда были у нихъ въ долгахъ, находились у нихъ въ кабалѣ. Мужиками они слыли умными и хитрыми, но наконецъ зачванились, особенно когда одно очень важное лицо въ тамошнемъ краѣ сталъ у нихъ останавливаться по дорогѣ, познакомился съ старикомъ лично и полюбилъ его за сметливость и оборотливость. Они вдругъ вздумали, что на нихъ ужъ болѣе нѣтъ управы и стали все сильнѣе и сильнѣе рисковать въ разныхъ незаконныхъ предпріятіяхъ. Всѣ роптали на нихъ; всѣ желали имъ провалиться сквозь землю; но они задирали носъ все выше и выше. Исправники, засѣдатели стали имъ уже ни о чемъ. Наконецъ они свихнулись и погибли, но не за худое, не за тайныя преступленія свои, а за напраслину. У нихъ былъ верстахъ въ десяти отъ деревни большой хуторъ, посибирски заимка. Тамъ однажды проживало у нихъ подъ осень челоуѣкъ шесть работниковъ-киргизовъ, закабаленныхъ съ давняго времени. Въ одну ночь всѣ эти

киргизы-работники были перерѣзаны. Началось дѣло. Оно продолжалось долго. При дѣлѣ раскрылось много другихъ нехорошихъ вещей. Ломовы были обвинены въ умерщвленіи своихъ работниковъ. Сами они такъ рассказывали и весь острогъ это зналъ: ихъ заподозрили въ томъ, что они слишкомъ много задолжали работникамъ, а такъ какъ не смотря на свое большое состояніе были скупы и жадны, то и перерѣзали киргизовъ, чтобы не платить имъ долгу. Во время слѣдствія и суда все состояніе ихъ пошло прахомъ. Старикъ умеръ. Дѣти были разосланы. Одинъ изъ сыновей и его дядя попали въ нашу каторгу на двѣнадцать лѣтъ. И чтоже? Они были совершенно невинны въ смерти киргизовъ. Тутъ-же, въ острогѣ объявился потомъ Гаврилка, извѣстный плутъ и бродяга, малый веселый и бойкій, который бралъ все это дѣло на себя. Не слыхалъ я впрочемъ, признавался-ль онъ въ этомъ самъ, но весь острогъ былъ убѣжденъ совершенно, что киргизы его рукъ не миновали. Гаврилка съ Ломовыми еще бродягой имѣлъ дѣло. Онъ пришолъ въ острогъ на короткій срокъ, какъ бѣглый солдатъ и бродяга. Киргизовъ онъ зарѣзалъ вмѣстѣ съ тремя другими бродягами; они думали сильно поживиться и пограбить въ заимкѣ.

Ломовыхъ у насъ не любили, незнаю зачто. Одинъ изъ нихъ, племянникъ, былъ молодець, умный малый и уживчиваго характера; но дядя его, пырнувшій Гаврилку шиломъ, былъ глупый и вздорный мужикъ. Онъ

со многими еще допрежь того ссорился и его порядочно бивали. Гаврилку всѣ любили за веселый и складной характеръ. Хоть Ломовы и знали, что онъ преступникъ и они за его дѣло пришли, но съ нимъ не ссорились; никогда впрочемъ и не сходились; да и онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. И вдругъ вышла ссора у него съ дядей Ломовымъ за одну противнѣйшую дѣвку. Гаврилка сталъ хвалиться ея благосклонностью; мужикъ сталъ ревновать, и въ одинъ прекрасный полдень пырнулъ его шиломъ.

Ломовы хоть и разорились подъ судомъ, но жили въ острогѣ богачами. У нихъ видимо были деньги. Они держали самоваръ, пили чай. Нашъ майоръ зналъ объ этомъ и ненавидѣлъ обоихъ Ломовыхъ до послѣдней крайности. Онъ видимо для всѣхъ придирался къ нимъ и вообще добирался до нихъ. Ломовы объясняли это майорскимъ желаніемъ взять съ нихъ взятку. Но взятку они не давали.

Конечно еслибъ Ломовъ хоть немного дальше просунулъ шило, онъ убилъ-бы Гаврилку. Но дѣло кончилось рѣшительно только одной царапиной. Доложили майору. Я помню какъ онъ прискакалъ запыхавшись и видимо довольный. Онъ удивительно ласково, точно съ роднымъ сыномъ обошелся съ Гаврилкой.

— Что, дружокъ, можешь въ госпиталь такъ дойти, али нѣтъ? Нѣтъ ужъ лучше ему лошадь запретъ. Запретъ сейчасъ лошадь! закричалъ онъ впопыхахъ унтеръ-офицеру.

— Да я, ваше высокоблагородіе, ничего не чувствую. Онъ только слегка покололъ, ваше высокоблагородіе.

— Ты незнаешь, ты незнаешь, мой милый; вотъ увидишь... Мѣсто опасное; все отъ мѣста зависитъ; подь самое сердце угодиль, разбойникъ! А тебя, тебя, заревѣлъ онъ обращаясь къ Ломову, — ну теперь я до тебя доберусь!.. Въ кордегардію!

И дѣйствительно добрался. Ломова судили, и хоть рана оказалась самымъ легкимъ поколомъ, но намѣреніе было очевидное. Преступнику набавили рабочаго срока и провели сквозь тысячу. Майоръ былъ совершенно доволенъ...

Наконецъ прибылъ и ревизоръ.

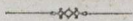
На второй-же день по прибытіи въ городъ онъ пріѣхалъ и къ намъ въ острогъ. Дѣло было въ праздникъ. Еще за нѣсколько дней у насъ было все вымыто, выглажено, вылизано. Арестанты выбриты заново. Платье на нихъ было бѣлое, чистое. Лѣтомъ всѣ ходили, по положенію, въ полотняныхъ бѣлыхъ курткахъ и панталонахъ. На спинѣ у каждаго былъ вшитъ черный кругъ, вершка два въ діаметрѣ. Цѣлый часъ учили арестантовъ какъ отвѣчать, если на случай высокое лицо поздоровается. Производились репетиціи. Майоръ суетился какъ угорѣлый. За часъ до появленія генерала всѣ стояли по своимъ мѣстамъ, какъ истуканы, и держали руки по швамъ. Наконецъ въ часъ пополудни генералъ пріѣхалъ. Это былъ важный

генераль, такой важный, что кажется всё начальственные сердца должны были дрогнуть по всей западной Сибири съ его прибытіемъ. Онъ вошолъ сурово и величаво; за нимъ ввалилась большая свита сопровождавшаго его мѣстнаго начальства; нѣсколько генераловъ, полковниковъ. Былъ одинъ штатскій, высокій и красивый господинъ во фракъ и башмакахъ, пріѣхавшій тоже изъ Петербурга и державшій себя чрезвычайно непринужденно и независимо. Генераль часто обращался къ нему и весьма вѣжливо. Это необыкновенно заинтриговало арестантовъ: штатскій, а такой почетъ, и еще отъ такого генерала! Впоследствии узнали его фамилію и кто онъ такой, но толковъ было множество. Нашъ майоръ, затянутый, съ оранжевымъ воротникомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровымъ угреватымъ лицомъ, кажется не произвелъ на генерала особенно пріятнаго впечатлѣнія. Изъ особеннаго уваженія къ высокому посѣтителю онъ былъ безъ очковъ. Онъ стоялъ поодаль, вытянутый въ струнку, и всѣмъ существомъ своимъ лихорадочно выжидалъ мгновенія на что-нибудь понадобится, чтобъ летѣть исполнять желанія его превосходительства. Но онъ ниначто не понадобился. Молча обошолъ генераль казармы, заглянулъ и на кухню, кажется попробовалъ щей. Ему указали меня: такъ и такъ дескать, изъ дворянъ.

— А! отвѣчалъ генераль. — А какъ онъ теперь ведетъ себя?

— Покамѣсть удовлетворительно, ваше превосходительство, отвѣчали ему.

Генераль кивнулъ головою и минуты черезъ двѣ вышелъ изъ острога. Арестанты конечно были ослѣплены и озадачены, но все-таки остались въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Ни о какой претензіи на майора разумѣется не могло быть и рѣчи. Да и майоръ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ еще заранѣ.

VI.

КАТОРЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ

Покупка гнѣдка, случившаяся вскорѣ въ острогѣ, заняла и развлекла арестантовъ гораздо пріятнѣе высокаго посѣщенія. Въ острогѣ у насъ полагалась лошадь для привоза воды, для вывоза нечистотъ и проч. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ петровымъ днемъ, гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣ-

сколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили. Бывшіе у насъ отставные кавалеристы, цыганы, ветеринары и проч. выказали при этомъ даже много особенныхъ познаній по лошадиной части, даже поругались между собою, но гнѣдка не воскресили. Онъ лежалъ мертвый, со вздутымъ брюхомъ, въ которое всѣ считали обязанностью потыкать пальцемъ; доложили майору о приключившейся волѣ божіей и онъ рѣшилъ, чтобъ немедленно была куплена новая лошадь. Въ самый петровъ день, поутру, послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собою разумѣется, что препоручить покупку слѣдовало самимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки и надуть двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, только этимъ прежде и занимавшихся, было трудно. Являлись киргизы, барышники, цыгане, мѣщане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ *своего* кармана покупаютъ *себя* лошадь и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено пока покончили дѣло на четвертомъ. Входящіе барышники съ нѣкоторымъ изумленіемъ и какбы робостью осматривались кругомъ и даже изрѣдка оглядывались на конвойныхъ, вводившихъ ихъ. Двухсотенная ватага такого народу, бритая, проклеянная, въ цѣпяхъ и у себя дома, въ своемъ каторжномъ гнѣздѣ, за порогъ

котораго никто не переступаетъ, внушала къ себѣ своего рода уваженіе. Наши же истощались въ разныхъ хитростяхъ при испытаніи каждаго приводимаго коня. Куда-куда они ему не заглядывали, чего у него не ощущали и въ добавокъ съ такимъ дѣловымъ, съ такимъ серьезнымъ и хлопотливымъ видомъ, какъ-будто отъ этого зависѣло главное благосостояніе острога. Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчій, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносими лицами. Иной изъ русскихъ такъ и прикуется всѣмъ вниманіемъ къ ихъ спору, точно въ глаза къ нимъ вскочить хочетъ. Слово-то непонимаетъ, такъ хочетъ хоть по выраженію глазъ догадаться, какъ рѣшили: годится ли конь или нѣтъ? И даже страннымъ показалось бы такое судорожное вниманіе иному постороннему наблюдателю. О чемъ бы кажется тутъ такъ особенно хлопотать иному арестанту и арестанту-то какому-нибудь такъ-себѣ, смиренному, забитому, который даже передъ инымъ изъ своихъ же арестантовъ пикнуть не смѣетъ? Точно онъ самъ для себя покупалъ лошадь, точно и въ самомъ дѣлѣ для него не все равно было, кака я ни купится. Кромѣ черкесовъ наиболѣе отличались бывшіе цыганы и барышники: имъ уступили и первое мѣсто и первое слово. Тутъ даже произошелъ нѣкотораго рода благородный поединокъ особенно между двумя, — арестантомъ Куликовымъ, прежнимъ цыга-

ганомъ, конокрадомъ и барышникомъ, и самоучкой-ветеринаромъ, хитрымъ сибирскимъ мужичкомъ, недавно пришедшимъ въ острогъ и уже успѣвшимъ отбить у Куликова всю его городскую практику. Дѣло въ томъ, что нашихъ осторожныхъ самоучекъ-ветеринаровъ весьма цѣнили во всемъ городѣ, и не только мѣщане или купцы, но даже самые высшіе чины обращались въ острогъ, когда у нихъ заболѣвали лошади, несмотря на бывшихъ въ городѣ нѣсколькихъ настоящихъ ветеринарныхъ врачей. Куликовъ до прибытія Елкина, сибирскаго мужичка, не зналъ себѣ соперника, имѣлъ большую практику и разумѣется получалъ денежную благодарность. Онъ сильно цыганилъ и шарлатанилъ и зналъ гораздо менѣе, чѣмъ выказывалъ. По доходамъ онъ былъ аристократъ между нашими. По бывалости, по уму, по смѣлости и рѣшимости онъ уже давно внушилъ къ себѣ невольное уваженіе всѣмъ арестантамъ въ острогѣ. Его у насъ слушали и слушались. Но говорилъ онъ мало: говорилъ какъ рублемъ дарилъ, и все только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Былъ онъ рѣшительный фатъ, но было въ немъ много дѣйствительной, неподдѣльной энергіи. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, но очень красивъ, очень уменъ. Съ нами дворянами обходился какъ-то утонченно вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Я думаю, еслибъ нарядить его и привезть подъ видомъ какого-нибудь графа въ какой-нибудь столичный клубъ, то онъ бы и тутъ нашолся, сыгралъ бы въ вистъ,

отлично бы поговорилъ, немного, но съ вѣсомъ, и въ цѣлый вечеръ можетъ-быть не раскусили бы, что онъ не графъ, а бродяга. Я говорю серьезно: такъ онъ былъ уменъ, смѣтливъ и быстръ на соображеніе. Ктому же манеры его были прекрасныя, щегольскія. Должно-быть онъ видалъ въ своей жизни виды. Впрочемъ прошедшее его было покрыто мракомъ неизвѣстности. Жилъ онъ у насъ въ особомъ отдѣленіи. Но съ прибытіемъ Елкина, хоть и мужика, но зато хитрѣйшаго мужика, лѣтъ пятидесяти, изъ раскольниковъ, ветеринарная слава Куликова затмилась. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ отбилъ у него почти всю его городскую практику. Онъ вылечивалъ, и очень легко, такихъ лошадей, отъ которыхъ Куликовъ еще прежде давно отказался. Онъ даже вылечивалъ такихъ, отъ которыхъ отказывались городскіе ветеринарные лекаря. Этотъ мужичокъ пришолъ вмѣстѣ съ другими за фальшивую монету. Надо было ему ввязаться, на старости лѣтъ, въ такое дѣло компаньонномъ! Самъ же онъ, смѣясь надъ собою, рассказывалъ у насъ, что изъ трехъ настоящихъ золотыхъ у нихъ вышелъ всего только одинъ фальшивый. Куликовъ былъ нѣсколько оскорбленъ его ветеринарными успѣхами, даже слава его между арестантами начала было меркнуть. Онъ держалъ любовницу въ форштадтѣ, ходилъ въ плисовой поддевкѣ, носилъ серебряное кольцо, серьгу и собственные сапоги съ оторочкой и вдругъ, за неимѣніемъ доходовъ, онъ принужденъ былъ сдѣ-

латься цѣловальникомъ, и потому всѣ ждали, что теперь при покупкѣ новаго гнѣдка враги, чего добраго, пожалуй еще подерутся. Ждали съ любопытствомъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія. Передовые изъ обѣихъ партій уже начинали волноваться и помаленьку уже перекидывались ругательствами. Самъ Елкинъ уже съежилъ было свое хитрое лицо въ самую саркастическую улыбку. Но оказалось не то: Куликовъ и не подумалъ ругаться, но и безъ ругани поступилъ мастерски. Онъ началъ съ уступки, даже съ уваженіемъ выслушалъ критическія мнѣнія своего соперника, но поймавъ его на одномъ словѣ, скромно и настойчиво замѣтилъ ему, что онъ ошибается, и прежде чѣмъ Елкинъ успѣлъ опомниться и оговориться, доказалъ, что ошибается онъ вотъ именно въ томъ-то и въ томъ-то. Однимъ словомъ Елкинъ былъ сбить чрезвычайно неожиданно и искусно, и хоть верхъ все-таки остался за нимъ, но и куликовская партія осталась довольна.

— Нѣтъ, ребята, его знать нескоро собьешь, за себя постоитъ; куды! говорили одни.

— Елкинъ больше знаетъ! замѣчали другіе, но какъ-то уступчиво замѣчали. Обѣ партіи заговорили вдругъ въ чрезвычайно уступчивомъ тонѣ.

— Нето-что знаетъ, у него только рука полегче. А насчетъ скотины и Куликовъ не сробѣеть.

— Не сробѣеть парень!

— Не сробѣеть...

Новаго гнѣдка наконецъ выбрали и купили. Это была славная лошадка, молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Ужь разумѣется по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною. Стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ самимъ смѣшно стало.

— Чтó ты изъ своего кошеля чтоли деньги брать будешь? говорили одни: — чего торговаться-то?

— Казну чтоли жалѣть? кричали другіе.

— Да все-же, братцы, всежь это денги, артельные...

— Артельные! Нѣтъ видно, нашего брата дураковъ не сѣютъ, а мы сами родимся...

Наконецъ за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили майору и покупка была рѣшена. Разумѣется тотчасъ-же вынесли хлѣба съ солью и съ честію ввели новаго гнѣдка въ острогъ. Кажется не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ-же день запрягли гнѣдка возить воду и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый гнѣдко повезетъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствомъ. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, молчаливаго и солиднаго характера. Да и всѣ русскіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго

характера, какъ-будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обращеніе съ лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность. Романъ былъ тихъ, со всѣми ласковъ, несловоохотень, нюхаль изъ рожка табакъ и постоянно съ незапамятныхъ временъ возился съ острожными гнѣдками. Новокупленный былъ уже третій. У насъ были всѣ увѣрены, что къ острогу идетъ гнѣдая масть, что намъ это будто бы *изъ дому*. Такъ подтверждалъ и Романъ. Пѣгаго напимѣръ низачто не купили-бы. Мѣсто водовоза постоянно, по какому-то праву, оставалось навсегда за Романомъ, и у насъ никто никогда и не вздумалъ-бы оспаривать у него это право. Когда палъ прежній гнѣдко, никому и въ голову не пришло, даже и майору, обвинить въ чемъ-нибудь Романа: воля божія да и только, а Романъ хорошій кучерь. Скоро гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, по подходили часто ласкать его. Бывало Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота отворенные ему унтеръ-офицеромъ, а гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, косить на него глазами. «Пошолъ одинъ!» крикнетъ ему Романъ—и гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, довезетъ до кухни и остановится, ожидая стряпокъ и парашниковъ съ ведрами, чтобъ брать воду. «Умникъ гнѣдко!» кричатъ ему: — «одинъ привезъ!... Слушается!»

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головою и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непременно тутъ-же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно проговариваетъ: «Знаю я тебя, знаю! и я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!»

Я тоже любилъ подносить гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбиравшія подачку.

Вообще наши арестантики могли-бы любить животныхъ, и еслибъ имъ это позволили, они съ охотою развели-бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. И кажется что-бы больше могло смягчить, облагородить суровый и звѣрскій характеръ арестантовъ, какъ не такое напимѣръ занятіе? Но этого не позволяли. Ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускали.

Въ острогѣ во все мое время перебивало однакоже случайно нѣсколько животныхъ. Кромѣ гнѣдка были у насъ собаки, гуси, козель Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орель.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ, какъ уже и сказано было мною прежде, Шарикъ, умная и добрая собака, съ которой я былъ въ постоянной дружбѣ. Но такъ какъ ужь собака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и

на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила-себѣ собака, спала на дворѣ, фла кухонные выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она уже по крику у кордегардіи: «ефрейтора!» бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и привѣтливо засматриваетъ въ глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но впродолженіи многихъ лѣтъ она не добилаь никакой ласки, ни отъ кого, кромѣ развѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню какимъ образомъ появилась у насъ потомъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Третью-же, Культяпку, я самъ завелъ, принеся ее какъ-то съ работы, еще щенкомъ. Бѣлка была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она бывало бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, сросшихъ между собою. Кромѣ того вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она видимо рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше, изъ хлѣба, за казармами; если же увидить бывало кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ-же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія перекувыр-

нется на спину: «дѣлай дескать со мной что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться.» И каждый арестантъ, передъ которыми она перекувырнется, прынетъ ее бывало сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностью: «Вишь подлая!» говорятъ бывало арестанты. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ пронимало ее отъ боли, то какъ-то заглушонно и жалобно ныла. Точно также она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала, по своимъ дѣламъ, за острогъ. Бывало перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Но собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ. Свирѣпый песъ немедленно укрощался, съ нѣкоторою задумчивостью останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ начиналъ ее обнюхивать во всѣхъ частяхъ тѣла. Что-то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? «А ну какъ, разбойникъ, рванетъ?» вѣроятно приходило ей въ голову. Но обнюхавъ внимательно, песъ наконецъ бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Бѣлка тотчасъ-же вскакивала и опять бывало пускалась, ковыляя, за длинной вереницей собакъ, провожавшихъ какую-нибудь Жучку. И хоть она навѣрно знала, что съ Жучкой ей никогда коротко не познакомится, а все-таки хоть издали поковылять — и то

было для ней утѣшеніемъ въ ея несчастьяхъ. Объ чести она уже видимо перестала думать. Потерявъ всякую карьеру въ будущемъ, она жила только для одного хлѣба и вполнѣ сознавала это. Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся ослѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидитъ издали и визжитъ, визжитъ болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совсѣмъ другого характера былъ Культяпка. Зачѣмъ я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ, не знаю. Мнѣ пріятно было кормить и растить его. Шарикъ тотчасъ-же принялъ Культяпку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культяпка сталъ подростать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать себя за шерсть и играть съ нимъ какъ обыкновенно играютъ взрослые собаки со щенками. Странно, что Культяпка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и въ ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло мышинного цвѣту; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, накричитъ, полѣзетъ лизать въ самое лицо и тутъ-же передъ вами готовъ не удер-

жать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: «былъ бы только видѣнъ восторгъ, а приличія ничего не значать!» Бывало гдѣ бы я нибылъ, но по крику: «Куль-тяпка!» онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ-подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катясь какъ шарикъ и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго уродца. Казалось судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день арестантъ Неустроевъ, занимавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культяпку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалилъ его спиной по землѣ. Культяпка, ничего неподозрѣвавшій, визжалъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его; точно въ воду канулъ; и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось: культяшкинъ мѣхъ чрезвычайно понравился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала ему аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культяпка!

Въ острогѣ у насъ многіе занимались выдѣлкой кожъ и часто бывало приводили съ собой собакъ съ хорошей шерстью, которыя въ тотъ же мигъ исчезали. Иныхъ воровали, а иныхъ даже и покупали. Помню, разъ за кухнями я увидалъ двухъ арестантовъ.

Они объ чемъ-то совѣщались и хлопотали. Одинъ изъ нихъ держалъ на веревкѣ великолѣпнѣйшую большую черную собаку, очевидно дорогой породы. Какой-то негодяй-лакей увелъ ее отъ своего барина и продалъ нашимъ башмачникамъ за тридцать копѣекъ серебромъ. Арестанты собирались ее повѣсить. Это очень удобно дѣлалось: кожу сдирали, а трупъ бросали въ большую и глубокую помойную яму, находившуюся въ самомъ заднемъ углу нашего острога и которая лѣтомъ, въ сильные жары, ужасно воняла. Ее изрѣдка вычищали. Бѣдная собака казалось понимала готовившуюся ей участь. Она пытливо и съ беспокойствомъ взглядывала поочередно на насъ троихъ и изрѣдка только осмѣливалась повертѣть своимъ пушистымъ прижатымъ хвостомъ, точно желая смягчить насъ этимъ знакомъ своей къ намъ довѣренности. Я поскорѣй ушолъ, а они разумѣется кончили свое дѣло благополучно.

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ и кому они собственно принадлежали, не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ и даже стали извѣстны въ городѣ. Они и вывелись въ острогѣ, и содержались на кухнѣ. Когда выводокъ подросъ, то всѣ они, цѣлымъ кагаломъ, повадились ходить вмѣстѣ съ арестантами на работу. Только бывало загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распустивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ ка-

литки и непременно отправляются на правый флангъ, гдѣ и выстраиваются, ожидая окончанія разводки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!» говорятъ бывало встрѣчающіеся: — «да какъ это вы ихъ обучили!» — «Вотъ вамъ на гусей!» прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но несмотря на всю ихъ преданность, къ какому-то розговѣнью ихъ всѣхъ перерѣзали.

Зато нашего козла Ваську низачто бы не зарѣзали, еслибъ не случилось особеннаго обстоятельства. Тоже не знаю откуда онъ у насъ взялся, и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькой, бѣленькой, прехорошенькой козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же было въ острогѣ, при конюшнѣ держать козла. Однакожъ онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное и прешаловливое созданіе. Онъ бѣжалъ на кличку, вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабай, сидя на ^{каз} арменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ

нимъ бодаться. Они уже долго стучались лбами, — это была любимая забава арестантовъ съ козломъ, — какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца и только-что Бабай отворотился восторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытцы и со всего размаха ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыркомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая. Однимъ словомъ Ваську всѣ ужасно любили. Когда онъ сталъ подрастать, надъ нимъ, вслѣдствіе общаго и серьезнаго совѣщанія, произведена была извѣстная операція, которую наши ветеринары отлично умѣли дѣлать. «Нето пахнуть козломъ будетъ», говорили арестанты. Послѣ того Васька сталъ ужасно жирѣть. Да и кормили его точно на убой. Наконецъ выросъ прекрасный большой козель, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчавшейся публики. Всѣ знали осторожнаго козла Ваську. Иногда, если работали напримѣръ на берегу, арестанты нарвуть бывало гибкихъ талиновыхъ вѣтокъ, достануть еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську: рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается бывало Васька въ острогъ, всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся пе-

редь прохожими. До того зашло это любованье козломъ, что инымъ изъ нихъ приходила даже въ голову, словно дѣтямъ, мысль: «не вызолотить ли рога Васькѣ?» Но только такъ поговорили, а не исполнили. Я впрочемъ, помню, спросилъ Акима Акимыча, лучшаго нашего золотильщика послѣ Исаея Ѳомича: можно ли дѣйствительно вызолотить козлу рога? Онъ сначала внимательно посмотрѣлъ на козла, серьезно сообразилъ и отвѣчалъ, что пожалуй можно, «но будетъ непрочность, и кому же совершенно бесполезно.» Тѣмъ дѣло и кончилось. И долго бы прожилъ Васька въ острогѣ, и умеръ бы развѣ отъ одышки; но однажды возвращаясь во главѣ арестантовъ съ работы, разубранный и разукрашенный, онъ попался навстрѣчу майору, ѣхавшему на дрожкахъ — «Стой! заревѣлъ онъ: — чей козелъ?» Ему объяснили. — «Какъ! въ острогѣ козелъ, и безъ моего позволенія! Унтеръ-офицера!» Явился унтеръ-офицеръ и тотчасъ же было повелѣно немедленно зарѣзать козла. Шкуру содрать, продать на базарѣ и вырученныя деньги включить въ казенную, арестантскую сумму, а мясо отдать арестантамъ во щи. Въ острогѣ поговорили, пожалѣли, но однакожь не посмѣли ослушаться. Ваську зарѣзали надъ нашей помойной ямой. Мясо купилъ одинъ изъ арестантовъ все цѣликомъ, внеся острогу полтора цѣлковыхъ. На эти деньги купили калачей, а купившій Ваську распродавъ по частямъ, своимъ же, на жаркое.

Мясо оказалось дѣйствительно необыкновенно вкуснымъ.

Проживаль у насъ тоже нѣкоторое время въ острогѣ орель (карагушъ), изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣваль свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковыляль, хромя, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальнѣй конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ниразу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростію, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. — «Звѣрь! говорили они: — не дается!» Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошолъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орель защищался изъ всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголь, оглядываль любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ всѣмъ онъ наскучилъ; всѣ его бросили и забыли, и однакожь каждый день можно было видѣть возлѣ него

кючки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ началъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось неразъ издали наблюдать его. Невидя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль палъ, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромя и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, оцетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время бывало какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотреть мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одинокю и злобно онъ ожидалъ смерти, недоувѣряя никому и непримиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла: — «Пусть хоть околѣбеть, да не въ острогѣ», говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не приучишь къ острогу-то, поддакивали другіе.

— Знать онъ не такъ какъ мы, прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозиль: то птица, а мы значить чело-
вѣки.

— Орель, братцы, есть царь лѣсовъ.... началъ было Скуратовъ, но его на этотъ разъ не стали слушать. Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орель. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается! говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему знать чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орель пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ-бы торопяся уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! прибавилъ другой. — Ниразу-то, братцы не оглянулся, бѣжить себѣ!

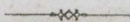
— А ты думалъ благодарить воротится? замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло воля. Волю почувалъ.

— Слобо́да значить.

— И невидать ужь, братцы...

— Чего стоять-то? маршъ! закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу.

VII.

ПРЕТЕНЗІЯ

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горянчикова считаетъ своею обязанностью сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ «Записокъ изъ Мертваго Дома» сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какою безчувственностью говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ ими преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по рассказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи,

факты были дотога ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди рассказывали автору «Записокъ», что преступникъ поведенія былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги, и убилъ своего отца, жаждая послѣ него наслѣдства. Впрочемъ весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, рассказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель «Записокъ» имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ въ «Запискахъ» сказано, что въ острогѣ убійца былъ постоянно въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человекъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ «Записокъ» никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: «Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію.»

На дняхъ издатель «Записокъ изъ Мертваго Дома» получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе преступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ, о загубленной еще смолоду жизни, подъ такимъ

ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность представляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго Дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я наконецъ освоился съ моимъ положеніемъ въ острогѣ. Но это «наконецъ» совершалось очень туго и мучительно, слишкомъ мало-помалу. Въ сущности мнѣ надо было почти годъ времени для этого, и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь, цѣликомъ и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, я каждый часъ этого года помню въ послѣдовательности. Говорилъ я тоже, что *привыкнуть* къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помню какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: «что они, какъ? неужели спокойны?» И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ-будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и ужъ непременно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о

чемъ-нибудь почти невозможномъ. Это всегдашнее безпокойство, выказывавшееся хоть и молча, но видимо; эта странная горячность и нетерпѣливость иногда невольно высказанныхъ надеждъ, подчасъ дотога неосновательныхъ, что онѣ какъ бы походили на бредъ и, что болѣе всего поражало, уживавшихся нерѣдко въ самыхъ практическихъ повидимому умахъ, — все это придавало необыкновенный видъ и характеръ этому мѣсту, дотога, что можетъ-быть эти-то черты и составляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всё были мечтатели и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставять своихъ надеждъ напоказъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и чѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказаться отъ нихъ онъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ-быть иной стыдился ихъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ первымъ собою... Можетъ-быть отъ этого постоянного затаеннаго недовольства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отноше-

ніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если напримѣръ выскакивалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь понаивнѣе и нетерпѣливѣе, и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, пускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осмѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которые можетъ-быть сами-то еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ всѣ вообще какъ на самыхъ пошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ дотогу угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать человѣка добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ наивныхъ и простоватыхъ болтуновъ всѣ остальные, то-есть молчаливые, рѣзко раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыхъ и злыхъ было несравненно больше; если-жъ изъ нихъ и случались иные ужъ такъ по природѣ своей говоруны, то всѣ они непремѣнно были безпокойные сплетники и тревожные завистники. До всего чужого имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и они никому не выдавали напоказъ. Это было не въ модѣ, непринято. Добрые — очень маленькая кучка — были тихи, молчаливо таили про себя свои упованія и разумѣется болѣе мрачныхъ склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, сдается мнѣ, что въ ост-

рогѣ былъ еще отдѣль: вполнѣ отчаявшихся. Таковъ былъ на примѣръ и старикъ изъ Стародубскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорил о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сопедшій съ ума, зачитавшійся въ библіи арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичемъ на майора, вѣроятно тоже былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда; а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявилъ, что онъ бросился на майора безъ злобы, а единственно желая принять муки. И кто знаетъ, какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его! Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней, не живетъ ни одинъ живъ человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоски обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ вотъ я теперь силюсь подвести весь нашъ острогъ подъ разряды; но возможно ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми, даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли, и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различій. Дѣйствительность стремится къ раз-

дробленію. Жизнь своя особенная была и у насъ, хоть какая-нибудь, да все-же была, и не одна офіціальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ и обвинялъ судьбу. Я завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону. Повторяю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуты злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, положительно неправы тѣ, которые говорятъ, что дворянину, образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи въ послѣднее время, я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условій, которыя иначе можно понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянинъ и образованный будто-бы

чувствуютъ утонченнѣе, больнѣе, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какой-нибудь данный уровень. Даже само образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самага утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманье и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали. Бываетъ и обратно: образованіе уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзитъ и какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиеній, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о перемѣнѣ привычекъ, образа жизни, пищи и проч., что для человѣка изъ высшаго слоя общества конечно тяжелѣе, чѣмъ для мужика, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ покрайней-мѣрѣ сыто наѣдался. Не буду и объ этомъ спорить. Положимъ, что человѣку хоть немного сильному волей все это вздоръ сравнительно съ

другими неудобствами, хотя въ сущности переменна привычекъ дѣло вовсе не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ, дотога что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тиски, ни на тощую, неприятную пищу. Самый гладенькой бѣлоручка, самый нѣжный нѣженка, поработавъ день въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работалъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ тараканами. Къ этому еще можно привыкнуть, какъ и упомянуто въ юмористической арестантской пѣснѣ о прежнемъ бѣлоручкѣ, понавшемъ въ каторгу:

Дадутъ капусту мнѣ съ водою —
И ѣмъ, такъ за уши трещить.

Нѣтъ; важнѣе всего этого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогѣ, черезъ два часа по прибытіи становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякой другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его са *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хотъ и достигнетъ онъ наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-

таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безсознательно. Не свой человекъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, а черезъ два часа они пожалуй заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездною и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* вдругъ самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Нето хоть всю жизнь свою знайте съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ, по службѣ наприимѣръ, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто подружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптическій обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности, и имѣлъ очень довольно времени, чтобъ провѣрить мои убѣжденія. Мо-

жетъ-быть въ послѣдствіи всѣ узнаютъ до какой степени это справедливо...

Событія какъ нарочно съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и нервно и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я скитался по острогу почти одинъ-одинехонекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ оцѣнить и отличить тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня въ послѣдствіи, хоть и никогда не сходились со мною на ровную ногу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы ни на что кажется, а бѣжать не куда. И вотъ напримѣръ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понять мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній ясный и жаркій день, въ первомъ часу пополудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали передъ послѣобѣденной работою, вдругъ вся каторга поднялась какъ одинъ человекъ и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ я дотога бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ каторга уже дня три глухо волновалась. Можетъ-быть и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сообразилъ я уже потомъ, невольно припомнивъ кое-что изъ арестантскихъ раз-

говоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно-озлобленное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работѣ, скучнымъ, длиннымъ, лѣтнимъ днямъ, невольнымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной-волюшкѣ, короткимъ ночамъ, въ которыя трудно было въ волю выспаться. Можетъ-быть все это и соединилось теперь вмѣстѣ, въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ — пища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ казармахъ и особенно сходясь въ кухнѣ за обѣдомъ и ужиномъ, были недовольны стряпцами, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и воротили стараго. Однимъ словомъ всѣ были въ какомъ-то безпокойномъ настроеніи духа.

— Работа тяжелая, а насъ брюшиной кормятъ, заворчить бывало кто-нибудь на кухнѣ.

— А не нравится, такъ бламанже закажи, подхватить другой.

— Щи съ брюшиной, братцы, я очинно люблю, подхватываетъ третій, — потому скусны.

— А какъ все время тебя одной брюшиной кормить, будетъ скусно?

— Оно конечно, теперь мясная пора, говорить четвертый: — мы на заводѣ-то маемся-маемся, послѣ урка-то жрать хочется. А брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшиной, такъ съ усердіемъ. *)

— Вотъ хоть-бы еще взять это усердіе. Брюшина да усердіе, только одно и наладили. Это какая ѣда! Есть тутъ правда, аль нѣтъ?

— Да, кормъ плохой.

— Карманъ-то набиваетъ небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всѣмъ бы міромъ сказать претензію и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебя знать за ефту претензію драли. Статуй!

— Оно правда, прибавляетъ ворчливо другой, до сихъ поръ молчаливый, — хоть и скоро да не спору. Что говорить-то на претензіи будешь, ты вотъ что сперва скажи, голова съ затылкомъ?

— Ну и скажу. Коли-бъ всѣ пошли, и я-бъ тогда со всѣми говорилъ. Бѣдность значить. У насъ кто свое ѣсть, а кто и на одномъ казенномъ сидить.

— Ишь, завидокъ востроглазый! Разгорѣлись глаза на чужое добро.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а раньше вставай да свой затѣвай.

— Затѣвай!.. Я съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ

*) То-есть съ осердіемъ. Арестанты въ насмѣшку выговаривали: *съ усердіемъ*.

ефтомъ дѣлѣ торговаться буду. Значить ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богатъ Ерощка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значить полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру деруть. Чего нейти?

— Чего! Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи; привыкъ жованое ѣсть. Значить каторга — вотъ отчего!

— Выходить что: поссорь Боже народъ, накорми воеводъ.

— Оно самое. Растолстѣлъ восьмиглазый. Пару сѣрыхъ купилъ.

— Ну и не любить выпить.

— Намеднись съ ветеринаромъ за картами подрались. Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на кулакахъ. Федька сказывалъ.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ вы дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходить-то.

— А вотъ выдти всѣмъ, такъ посмотримъ какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по идоламъ, *) да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ всѣ волновались. Въ это время

*) По зубамъ.

дѣйствительно у насъ была плохая ѣда. Да ужъ и все одно къ одному привалило. А главное — общій тоскливый настрой, всегдашняя затаенная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но подымаются всѣ вмѣстѣ или большой кучей рѣдко. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякій изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожь въ этотъ разъ волненіе не прошло даромъ. Начали собираться по кучкамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управленіе нашего майора, вывѣдывали всю подноготную. Особенно волновались нѣкоторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то-есть въ случаяхъ претензій — вообще презамѣчательный народъ, и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собою схожій. Это народъ горячій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, самымъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непреложной и, главное, немедленной возможности. Народъ этотъ не глупѣе другихъ, даже бываютъ изъ нихъ и очень умные, но они слишкомъ горячи, чтобъ быть хитрыми и расчетливыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бываютъ люди, которые умѣютъ ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужъ эти составляютъ другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводителей его, типъ чрезвычайно

у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій, почти всегда проигрываютъ дѣло и населяютъ за это потомъ остроги и каторги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку же и вліяніе имѣютъ на массу. За ними наконецъ охотно идутъ. Ихъ жаръ и честное негодованіе дѣйствуютъ на всѣхъ и подъ конецъ самыя нерѣшительныя къ нимъ примыкаютъ. Ихъ слѣпая увѣренность въ успѣхѣ соблазняетъ даже самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ, несмотря на то, что иногда эта увѣренность имѣетъ такія шаткія, такія младенческія основанія, что дивишься вчужѣ какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ первые и идутъ ничего не боясь. Они какъ быки бросаются прямо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности, безъ того практическаго езуитизма, съ которымъ нерѣдко даже самый подлый и замаранный чловѣкъ выигрываетъ дѣло, достигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно ломаютъ рога. Въ обыкновенной жизни это народъ жолчный, брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаще же всего ужасно ограниченный, что впрочемъ отчасти и составляетъ ихъ силу. Досаднѣе же всего въ нихъ-то, что вмѣсто прямой цѣли, они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла на мелочи. Это то ихъ и губить. Но они понятны массамъ; въ этомъ ихъ сила... Впрочемъ надо сказать еще два слова о томъ: что такое значить *претензія*?

Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, которые пришли за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Особенно одинъ, Мартыновъ, служившій преждѣ въ гусарахъ, горячій, безпокойный и подозрительный человѣкъ, впрочемъ честный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человѣкъ какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ, съ высокоумѣнной саркастической улыбкой, чрезвычайно развитой, впрочемъ тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не переберешь; много ихъ было. Петровъ между прочимъ такъ и сноваль взадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строиться.

Нашъ осторожный унтеръ-офицеръ, исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать майору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли и всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайно и повергло его въ ужасъ. Но не доложить немедленно майору онъ не смѣлъ. Впервыхъ ужъ если поднялась каторга, то могло выйти и что нибудь хуже. Все начальство наше насчетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Вовторыхъ, еслибъ даже и ничего не было, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались

и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происходившемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха отправился онъ поспѣшно къ майору, даже и не пробуя самъ опрашивать и увѣщевать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперь и говорить-то не стануть.

Совершенно не зная ничего, и я вышелъ строиться. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперь же, я думалъ, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но невидя караульныхъ, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованныя и раздраженныя. Иные были даже блѣдны. Всѣ вообще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ майоромъ. Я замѣтилъ, что многіе посмотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что я съ ними построился. Они очевидно не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ однакожъ почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грубо и громко спросилъ меня Василій Антоновъ, стоявшій отъ мѣня подалше другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, все еще стараясь понять, что это значитъ и уже догадываясь, что происходитъ что то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ здѣсь стоять? ступай въ казарму, проговорилъ одинъ молодой парень, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ незнакомъ, малый добрый и тихій. — Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдь строятся, отвѣчалъ я ему: — я думалъ повѣрка.

— Ишь тоже выползь, крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, проговорилъ другой.

— Муходавы! проговорилъ третій съ невыразимымъ презрѣніемъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохотъ.

— При милости на кухнѣ состоитъ, прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросятъ покупаютъ. Ты вѣдь собственное ѣшь; чего жъ сюда лѣзешь.

— Здѣсь вамъ не мѣсто, проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣденъ, черные глаза его сверкали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ майора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется онъ и на казнь бы пошолъ съ нѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили

мнѣ ты и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокомѣрно настойчивы, нетерпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую сваю, гдѣ Антипка безпятый живетъ! подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я дѣйствительно разглядѣлъ нашихъ поляковъ; впрочемъ мнѣ показалось, что тамъ кромѣ ихъ много народу. Озадаченный я пошолъ на кухню. Смѣхъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистки) раздались мнѣ въ слѣдъ.

— Не понравились!.. тю-тю-тю! бери его!..

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ въ кухнѣ мнѣ встрѣтился Т-вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Что вы, Горянчиковъ, закричалъ онъ мнѣ: — идите сюда!

— Да что тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Имъ разумѣется не удастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ разыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется на насъ первыхъ свалятъ обвиненіе въ бунтѣ. Вспомните, за что мы пришли сюда. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подъядутъ. Майоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выдадутъ насъ головою, прибавилъ М-цкій, когда мы вошли на кухню.

— Не беспокойтесь, не пожалѣютъ! подхватилъ Т-вскій.

Въ кухнѣ кромѣ дворянъ было еще много народу, всего человѣкъ тридцать. Всѣ они остались, нежелая показывать претензію, — одни изъ трусости, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной бесполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ всѣхъ подобныхъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благоправію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимало нетревожась его исходомъ, напротивъ совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исай Фомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ. Были тутъ всѣ осторожные полячки изъ простыхъ, примкнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣ-

сколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они не осмѣлились и съ грустью ожидали чѣмъ кончится дѣло. Было наконецъ нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямому и брезгливому убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худого изъ этого дѣла не будетъ. Но мнѣ кажется, что они все-таки чувствовали себя теперь какъ-то неловко, смотрѣли несовсѣмъ самоуверенно. Они хоть и понимали, что совершенно правы насчетъ претензіи, что и подтвердилось впоследствии, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали товарищей плац-майору. Очутился тутъ и Елкинъ, тотъ самый хитрый мужичокъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Кулиова. Старичокъ изъ стародубовскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпки рѣшительно все до единого остались на кухнѣ, вѣроятно по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдственно и неприлично имъ выходить противъ нея.

— Однако, началъ я нерѣшительно обращаясь къ М-му, — кромѣ этихъ почти все вышли.

— Да намъ-то что? проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, еслибъ вышли; а для чего? Je hais les brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота соваться въ нелѣпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старикъ. Алмазовъ, бывшій тутъ же, поспѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ.

— Окромя того, что пересѣкутъ съ полсотни, — ничего изъ этого не будетъ.

— Майоръ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то и всѣ жадно бросились къ окошкамъ.

Майоръ влетѣлъ злой, взбѣсившійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно подошелъ онъ къ фрунту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не тѣрялъ присутствія духа. Впрочемъ онъ почти всегда былъ вполъняна. Даже его засаленная фуражка съ оранжевымъ околышкомъ и грязные серебряные эполеты, имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шолъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности управлявшій всѣмъ въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на майора, малый хитрый, очень себѣ на умѣ, но и не дурной человекъ. Арестанты были имъ довольны. Вслѣдъ за нимъ шолъ нашъ унтеръ-офицеръ, очевидно уже успѣвшій получить страшнѣйшую распеканцію и ожидавшій еще вдсятеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человекъ, не болѣе. Арестанты, которые стояли безъ фуражекъ кажется еще съ того самаго времени какъ послали за майоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились; каждый изъ нихъ переступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожи-

дая перваго слова, или лучше сказать перваго крика
высшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ; со втораго слова
майоръ заоралъ во все горло, даже съ какимъ-то виз-
гомъ на этотъ разъ: очень уже онъ былъ разбѣшонъ.
Изъ оконъ намъ видно было какъ онъ бѣгалъ по
фронту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ вопросовъ
его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ за
дальностью мѣста не было слышно. Только и слы-
шали мы, какъ онъ визгливо кричалъ:

— Бунтовщики!.. сквозь строй!.. Зачинщики! Ты
зачинщикъ! Ты зачинщикъ! накинулся онъ на кого-то.

Отвѣта не было слышно. Но черезъ минуту мы уви-
дѣли, какъ арестантъ отдѣлился и отправился въ кор-
дегардію. Еще черезъ минуту отправился въ слѣдъ за
нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подь судъ! я васъ! Это кто тамъ на
кухнѣ? взвизгнулъ онъ, увидя насъ въ отворенныя
окошки. — Всѣхъ сюда! гнать ихъ сейчасъ сюда.

Писарь Дятловъ отправился къ намъ на кухню.
Въ кухнѣ сказали ему, что не имѣютъ претензій. Онъ
немедленно воротился и доложилъ майору.

— А, не имѣютъ! проговорилъ онъ двумя тонами
ниже, видимо обрадованный. — Все равно, всѣхъ
сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ-то совѣстно
намъ выходить. Да и всѣ шли точно попуривъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, говорилъ намъ майоръ какимъ-то уторопленнымъ, но мягкимъ голосомъ, ласкаво на насъ поглядывая. — М-цкій, ты тоже здѣсь... вотъ и переписать. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до одинаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представлю... подь судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣйствовала.

— Мы довольны! угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ-то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходи.

— Довольны, довольны! прибавилось нѣсколько голосовъ.

— Довольны! значитъ васъ смущали? значитъ были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!..

— Господи, чтожь это такое! раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? заревѣлъ майоръ, бросаясь въ ту сторону, откуда послышался голосъ. — Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію.

Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! завопилъ ему вслѣдъ майоръ. — Ишь толстая рожа, въ три дня не ...! Вотъ я васъ всѣхъ розыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! мрачно раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упорно молчали. Но майору только того и надо было. Ему очевидно самому было выгодно кончить скорѣе дѣло, и какъ-нибудь кончить согласіемъ.

— А, теперь *все* довольны! проговорилъ онъ торопясь. — Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними очевидно есть зачинщики! продолжалъ онъ обращаясь къ Дятлову: — это надо подробнѣе розыскать. А теперь... Теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводѣ. Арестанты молча и грустно расходились по работамъ, довольные покрайней-мѣрѣ тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой уходили. Но послѣ разводки майоръ немедленно навѣдался въ кордегардію и распорядился съ «зачинщиками», впрочемъ не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенія и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что майоръ отчасти не въ своей тарелкѣ и даже можетъ-быть струхнулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ въ сущности и не могла назваться претензіей, потомучто по-

казывали ее не высшему начальству, а самому же майору, но все таки было какъ-то неловко, нехорошо. Особенно смущало, что всѣ поголовно возстали. Слѣдовало затушить дѣло вочто бы ни стало. «Зачинщикъ» скоро выпустили. Назавтра же пища улучшилась, хотя впрочемъ ненадолго. Майоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившійся съ толку, какъ-будто все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія. Чтоже касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого, они не могли успокоиться, но уже не волновались попрежнему, а были молча растревожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчливо, хоть и несловоохотно отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подсмѣивались сами надъ собою, точно казня себя за претензію.

— Натко братъ, возьми, закуси! говорить бывало одинъ.

— Чему посмѣешься, тому и поработаешь! прибавляетъ другой.

— Гдѣ та мышь, чтобъ вѣту звонокъ привѣсила? замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, известно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣкъ.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! озлобленно замѣчаетъ кто нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то покамѣстѣ еще человѣкъ, а ты-то кто?

— Огрызокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну-ну, довольно вамъ! чего загадѣли! кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый децъ претензіи, возвратясь съ работы, я встрѣтился за казармами съ Петровымъ. Онъ меня ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то вродѣ двухъ трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но вскорѣ разсѣянно замолчалъ и машинально пошелъ со мной рядомъ. Все это дѣло еще больно лѣжало у меня на сердцѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснить.

— Скажите, Петровъ, спросилъ я его: — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? спросилъ онъ какъ бы очнувшись.

— Арестанты на насъ... на дворянъ.

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да зато что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? спросилъ онъ какъ бы стараясь понять меня: — вѣдь вы свое кушаете.

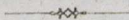
— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Я поскорѣй взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная наивность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: нѣтъ ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

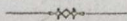
И дѣйствительно я было думалъ, что послѣ претензій они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Ничуть не бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слышали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто пилили насъ понемногу при случаѣ, какъ и преждѣ пилили, и больше ничего. Впрочемъ не сердились тоже нимало и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію

и оставались на кухнѣ, равно какъ и на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помянулъ объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

VIII.

.....
.....
.....

IX.

Н О В Ъ Г Ъ

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-майора случились коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестантскую роту военного вѣдомства, на основаніи россійскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльныхъ каторж-

ныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военнаго вѣдомства, стало-быть людьми не лишонными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ, наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ впрочемъ и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военнаго разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишонные всѣхъ своихъ правъ, клейменные и обрѣтые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжнаго. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военнаго вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ для насъ жизнь продолжалась въ сущности попрежнему: тоже содержаніе, таже работа и почти тѣже по-

рядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и сверхъ того четыре оберъ-офицера, дежурившихъ по очереди по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и каптенармусъ. Завелись раздѣлы по десяткамъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально разумѣется, и ужь само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами, попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ вышлага начальника. Вотъ и все что произошло. Разумѣется арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ; но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тотчасъ же успокоились и жизнь наша пошла постарому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго майора; всѣ какъ бы отдохнули и ободрились. Исчезъ запуганный видъ; всякъ зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясняться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частью людьми порядочными и смысленными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ впрочемъ выказывали вначалѣ поползновеніе

куражиться, и конечно по неопытности, думали обращаться съ арестантами какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго непонимавшимъ, доказали ужь сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напимѣръ соблазнять, напоить унтеръ-офицера, да послѣ того и доложуть ему, посвойски разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ ними, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли, или лучше старались не смотрѣть какъ проносятъ пузыри и продають водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачей, говядину и все прочее, то-есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужь я не знаю. Случилось уже это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два года еще суждено мнѣ было прожить при этихъ новыхъ порядкахъ...

Записывать ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, кряду все что случилось и что я видѣлъ и испыталъ въ эти годы, можно бы разумѣется еще написать втрое, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано. Но такое описаніе поневолѣ станетъ наконецъ слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдуть слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже успѣлъ, по тѣмъ главамъ, которыя написаны, соста-

вить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни второго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ ли я этой цѣли, не знаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Но я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Ктому же меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспоминаніяхъ. Да врядъ ли я и могу все припомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоятельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсѣмъ забыты мною. Я помню напримѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, скучные дни были такъ однообразны, точно вода послѣ дождя капала съ крыши по каплѣ. Помню, что одно только страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я наконецъ скрѣпился: я ждалъ, я отсчитывалъ каждый день и несмотря на то, что оставалось ихъ тысячу, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другого дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ-девяносто-девять. Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ наконецъ это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ

неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилося тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ програму всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе... Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно все это одного только меня касается... Но я оттого и записалъ это, что мнѣ кажется всякой это пойметъ, потому что со всякимъ тоже самое должно случиться, если онъ попадетъ въ тюрьму, на срокъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

Но что объ этомъ!.. Лучше расскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что пожалуй кто-нибудь спросить: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во всѣ эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, начинаетъ уже цѣнить эти годы и неволь-

но приходитъ къ расчету, что лучше дожить остальное безъ хлопотъ, безъ опасностей и выйти наконецъ законнымъ образомъ на поселеніе. Но такой расчетъ помѣщается только въ головѣ арестанта, присланнаго не на долгій срокъ. Долголѣтній пожалуй бы и готовъ рискнуть... Но у насъ какъ-то этого не дѣлалось. Не знаю, трусили ль очень, присмотрѣ ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность ли нашего города во многомъ не благопріятствовала (степная, открытая)? — трудно сказать. Я думаю всѣ эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно убѣжать отъ насъ было трудновато. А между тѣмъ и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ...

Послѣ смѣны майора, А-въ (тотъ, который шпионилъ ему на острогъ) остался совершенно одинъ, безъ протекціи. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, но характеръ его укрѣплялся и устанавливался съ лѣтами. Вообще это былъ человѣкъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смысленый. Онъ хотьбы и продолжалъ шпионить и промышлять разными подземными способами, еслибъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и нерасчетливо какъ прежде, поплатившись за свою глупость ссылкой. Онъ упражнялся у насъ отчасти и въ фальшивыхъ паспортахъ. Не говорю впрочемъ утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Говорили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плацъ-майору на

кухню, и разумѣется извлекъ изъ этого посильный доходъ. Однимъ словомъ, онъ кажется могъ рѣшиться на все, чтобъ перемѣнить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до возмутительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбуждалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ кажется, еслибъ ему очень захотѣлось выпить шкаликъ вина, и еслибъ шкаликъ можно было получить не иначе какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непременно зарѣзалъ, еслибъ только это можно было сдѣлать втихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратилъ свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ немолодой, но страстный, живучій, сильный, съ чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила, и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И еслибъ я сталъ дивиться, отчего у насъ не бѣгутъ, то разумѣется подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ больше вліянія: А-въ ли на Куликова или Куликовъ на А-ва? не знаю, но оба другъ друга стоили и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется Куликовъ рассчитывалъ, что А-въ приготовитъ паспорта. А-въ былъ изъ дворянъ, былъ хорошаго общества — это сулило нѣкоторое разнообразіе въ буду-

щихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто-знаеть какъ они стоворились и какія у нихъ были надежды; но ужь вѣрно надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутинѣ сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбирать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, покрайней-мѣрѣ на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давить острогъ. Они стоворились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вмѣстѣ конвойнаго. Въ одномъ изъ батальоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергическій человѣкъ и можетъ-быть достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилой, молодцоватый, серьезный. Смолоду, только-что придя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изо всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знавшій себѣ цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себѣ цѣну. Я нѣсколько разъ въ эти годы встрѣчалъ его между нашими конвойными. Мнѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Мнѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытую, глухую, всегдашнюю. Этотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ

его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они сговорились и назначили день. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно ровный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая: а это и наруку бродягѣ. Разумѣется они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости: весь городъ стоитъ на юру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство нѣтъ лѣса. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала пробраться въ форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Не знаю были ли форштатскіе благопріятели ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя потомъ, при дѣлѣ, это не со всѣмъ объяснилось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштата только-что начинала свое поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозвищу Ванька-Танька, подававшая большія надежды и отчасти осуществившая ихъ впослѣдствіи. Звали ее тоже: огонь. Кажется и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорался на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разводу и ловко устроили такъ, что ихъ отправили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурщикомъ, штукатурить батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагери. А-въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ. Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троими требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру какъ старому служивому и ефрейтору охотно по-

ручили молодого рекрутиа, въ видахъ наставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало-быть имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліяніе на Коллера и повѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долголѣтней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, солидный, расчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ ихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А-въ сказали Шилкину, что пойдутъ въ мастерскую, во первыхъ чтобъ повидать кого-то, а во вторыхъ кстати ужъ и захватятъ какой-то инструментъ, который оказался въ недостаткѣ. Съ Шилкинымъ надо было вести дѣло хитро, то-есть какъ можно натуральнѣе. Онъ былъ москвичъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, пронырливый, умный, малорѣчивый. Наружностью онъ былъ щедушный и испитой. Ему бы вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-московски, но судьба сдѣлала иначе и послѣ долгихъ странствій, онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ разрядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру, не знаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; вель онъ себя смирно и ровно; иногда только напивался какъ сапожникъ, но вель себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ разумѣется онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Само собою, что Куликовъ мигнулъ ему, что они идутъ за виномъ, которое припасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это

тронуло Шилкина; онъ разстался съ ними безъ всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекрутикомъ, а Куликовъ, А-въ и Коллеръ отправились въ фюрштадтъ.

Прошло полчаса; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Парень прошолъ сквозъ мѣдныя трубы. Началь онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А-въ два раза какъ-будто съ нимъ пошептался, покрайней-мѣрѣ Куликовъ мигнулъ ему раза два, онъ это видѣлъ; теперь онъ это все помнить. Въ Коллерѣ тоже что-то замѣчалось: покрайней-мѣрѣ уходилъ съ ними, онъ началъ читать наставленія рекрутику, какъ вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то несовсѣмъ естественно, покрайней-мѣрѣ отъ Коллера. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время между тѣмъ шло, они не возвращались и беспокойство его достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія начальства. Могли подумать, что онъ отпустилъ товарищей зазнамо, по взаимному соглашенію, и еслибъ онъ промедлилъ объявить объ исчезновеніи Куликова и А-ва, подозрѣнія эти получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣднее время Куликовъ и А-въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что и тогда

ужь что-то подумалъ про нихъ... Пытливо поглядѣлъ онъ на своего конвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокотясь на ружье, и невиннѣйшимъ образомъ прочищалъ пальцемъ свой носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоилъ сообщить ему своихъ мыслей, а просто-запросто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ инженерную мастерскую. Въ мастерской надо было спросить, не приходили-ль они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣялись: «Еслибъ они просто пошли попить да погулять въ фюрштатъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ — думалъ Шилкинъ — то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказались ему, потому этого не стоило бы отъ него таить» Шилкинъ бросилъ работу, и неходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельдфебелю и объявилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрить не хотѣлъ сначала. Разумѣется и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ видѣ догадки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ майору. Майоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Доложили самому генераль-губернатору. Преступники были важные и за нихъ могъ быть сильный нагоняй изъ Петербурга. Правильно или нѣтъ, но А-въ причислялся къ преступникамъ политическимъ; Куликовъ былъ «особаго отдѣленія», то-есть архипреступникъ, да еще военный вдобавокъ. Примѣру еще не

было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ «особаго отдѣленія». Припомнили кстати, что по правиламъ на каждаго арестанта изъ «особаго отдѣленія» полагалось на работѣ по два конвойныхъ, или по крайней-мѣрѣ одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Выходило стало-быть неприятное дѣло. Посланы были нарочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и оставить вездѣ ихъ примѣты. Послали казаковъ въ догоню, на ловлю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ началось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ. Всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью. У всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кромѣ того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и раскопалъ муравейникъ, — побѣгъ, и такой побѣгъ, какъ-то родственно отозвался во всѣхъ душахъ и расшевелилъ въ нихъ давно забытыя струны; что-то въ родѣ надежды, удали, возможности перемѣнить свою участь зашевелилось во всѣхъ сердцахъ. «Бѣжали же вѣдь люди: почемужь?..» И каждый при этой мысли приободрялся и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней-мѣрѣ всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеровъ. Разумѣется въ острогъ тотчасъ же налетѣло на-

чальство. Приѣхалъ и самъ комендантъ. Наши приободрились и смотрѣли смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой солидностью: «мы дескать умѣемъ дѣла обдѣлывать». Само собой, что о всеобщемъ посѣщеніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Предугадали тоже, что непременно будутъ обыски и заранѣ все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заднимъ умомъ. Такъ и случилось: была большая суматоха; все перерыли, все переискали и — ничего не нашли разумѣется. На послѣ-обѣденную работу отправили арестантовъ подъ конвоемъ усиленнымъ. Вечеру караульные навѣдывались въ острогѣ поминутно; пересчитали людей лишній разъ противъ обыкновеннаго; при этомъ обсчитались раза два противъ обыкновеннаго. Отъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали сызнова. Потомъ просчитали еще разъ по казармамъ... Однимъ словомъ много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усъ себѣ не дули. Всѣ они смотрѣли чрезвычайно независимо, и какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ: «Ни къ чему значить придраться нельзя». Само собою начальство думало: «не остались ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшихъ?» и велѣло присматривать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. «Таково ли это дѣло, чтобъ оставлять по себѣ соумышленниковъ!» «Дѣло это тихими стопами дѣлается, а не какъ

иначе». «Да и такой ли человекъ Куликовъ, такой ли человекъ А-въ, чтобъ въ эдакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шито-крыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошолъ; сквозь запертыя двери пройдутъ!» Однимъ словомъ Куликовъ и А-въ возросли въ своей славѣ; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогъ переживетъ.

— Народъ мастеръ! говорили одни.

— Вотъ думали, что у насъ не бѣгутъ. Бѣжали же!.. прибавляли другіе.

— Бѣжали! выискался третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ — Да кто бѣжалъ-то?.. Тебѣ что ли пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непременно отвѣчалъ бы на вызовъ и защитилъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. «Въ самомъ дѣлѣ: не всѣ-жъ такіе какъ Куликовъ и А-въ; покажи себя сначала...»

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то разслабленнаго, но втайнѣ самодовольнаго чувства, и подпирая ладонью щеку. — Что мы здѣсь? Жили — не люди, померли — не покойники. Ээхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего ээхъ?

— Да вот же Куликовъ... ввязался было одинъ изъ горячихъ, молодой и желторотый паренекъ.

— Куликовъ! подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня: — Куликовъ!..

То-есть это значить: много ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А-въ же, братцы! дошлый, ухъ дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ. Кольцовъ не найти концовъ!

— А далеко-ль они теперь ушли, братцы, желательно знать...

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко-ль они ушли? и въ какую сторону пошли? и гдѣ бы имъ лучше идти? и какая волость ближе? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любопытствомъ слушали. Говорили о жителяхъ сосѣднихъ деревень и рѣшили, что это народъ неподходящій. Близко къ городу, натертый народъ; арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы, лихой живетъ. У-у-у мужикъ!

— Неосновательный мужикъ!

— Сибирякъ солёныя уши. Не попадайся, убьеть

— Ну да наши-то...

— Само-собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не помремъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? изловятъ?

— Я думаю ихъ ни въ жисть не изловятъ! подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм. Ну, тутъ ужь какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, подхватываетъ Скуратовъ: — будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! подхватываетъ онъ съ энергіей: — я, братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя дивлюсь: вотъ кажись сквозь щелку бы пролѣзь, а не поймали-бъ.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь.

Общій хохоть.

— За хлѣбомъ? врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Васей коровью смерть убили,*) оттого и сюда пришли.

Хохоть подымается сильнѣе. Серьезные смотрятъ еще съ бѣльшимъ негодованіемъ.

— Анъ врешь! кричитъ Скуратовъ: — это Микитка про меня набухвостилъ, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужь такъ заодно прицпели. Я моск-

*) То-есть убили мужика или бабу, подозрѣвая, что они пустили по вѣтру порчу, отъ которой падаетъ скотъ. У насъ былъ одинъ такой убійца.

вичъ и сыздѣтства на бродяжествѣ испытанъ. Меня какъ дьячокъ еще грамотѣ училъ, тянетъ бывало за ухо: тверди «помилуй мя Боже по величѣй милости твоей и такъ дальше»... А я и твержу за нимъ: «повели меня въ полицію по милости твоей и такъ дальше»... Такъ вотъ я какъ съ самаго сызмалѣтства поступать началъ.

Всѣ опять захохотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялись опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и помирнѣе только радовались на нихъ глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на кухнѣ большая; разумѣется унтеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина Маметку, невысокаго роста, скулистаго, чрезвычайно комическую фигуру. Онъ почти ничего не говорилъ по русски и почти ничего не понималъ, что другіе говорятъ, но туда же просовывалъ голову изъ-за толпы и слушалъ, съ наслажденіемъ слушалъ.

— Что, Маметка, якши? присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якши! ухъ якши! забормоталъ весь оживляясь Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головой: — якши!

— Не поймають ихъ? іюкъ?

— Юкъ, юкъ! и Маметка заболталъ опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значить твоя врага, моя не разобрала, такъ чтоли?

— Таъ, таъ, якши! подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну и якши!

И Скуратовъ, щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ веселѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ нѣкоторомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленные погони и поиски въ окрестностяхъ. Не знаю какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху ни духу, пропали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣжавшихъ исчезло. «Ничего не найдутъ, никого не поймаютъ!» говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пуля!

— Прощайте, не стражайте, скоро ворочусь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на ноги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ! говорили наши, подсмѣиваясь: — у нихъ

вѣрно есть такой человѣкъ, у котораго они теперь проживаютъ.

— Безпремѣнно есть! говорили другіе:— не такой народъ; все впередъ изготовили.

Пошли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ можетъ еще въ форштатѣ сидятъ, гдѣ-нибудь въ погребѣ переживаютъ, пока «трелога» пройдетъ, да волоса обростутъ. Полгода, годъ проживутъ, а тамъ и пойдутъ...

Однимъ словомъ всѣ были даже въ какомъ-то романическомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дней восемь спустя послѣ побѣга, пронесся слухъ, что напали на слѣдъ. Разумѣется нелѣпый слухъ былъ тотчасъ же отвергнуть съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везутъ. Послѣ обѣда узнали еще больше подробностей: изловили въ семидесяти верстахъ, въ такой-то деревнѣ. Наконецъ получилось точное извѣстіе. Фельдфебель, воротясь отъ майора, объявилъ положительно, что къ вечеру ихъ привезутъ, прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ приуныли. Потомъ проглянуло какое-то поползновеніе къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ

серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ самостоятельно и которыхъ не могли сбить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ какъ прежде возносили Куликова и А—ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажденіемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ-то обидѣли. Рассказывали съ презрительнымъ видомъ, что имъ ѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ деревню къ мужикамъ просить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Впрочемъ эти рассказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣдили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ повечеру дѣйствительно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жандармами, вся каторга высыпала къ палямъ смотрѣть, что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется ничего не увидали, кромѣ майорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и на завтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестантовъ вскорѣ упали сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали, что нечего было больше и дѣлать какъ сдать, и всѣ стали сердечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровятъ тысячу, говорили одни.

— Куда тысячу! говорили другіе: — забьютъ. А—ву пожалуй тысячу, а того забьютъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожь не угадали. А—ву вышло всего пять-сотъ; взяли во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый проступокъ. Куликову дали кажется полторы тысячи. Наказывали довольно мило-сердно. Они, какъ люди толковые, никого передъ судомъ не запутали, говорили ясно, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, незаходя никуда. Всѣхъ больше мнѣ было жаль Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошолъ больше всѣхъ, кажется двѣ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, только не въ нашъ острогъ. А—ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лекаря. Но онъ куражился и громко говорилъ въ гошпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошолъ, на все готовъ и не то еще сдѣлаетъ. Куликовъ велъ себя по-всегдашнему, то-есть солидно, прилично, и воротясь послѣ наказанія въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ-будто никогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддержать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе запанибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ, съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣхъ такъ много значить между людьми...

Х.

ВЫХОДЪ ИЗЪ КАТОРГИ

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Вопервыхъ между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ. Многіе изъ нихъ были мнѣ преданы и искренно любили меня. Піонеръ чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ еще цѣлый мѣсяць жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ, такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ кажется тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Казалось между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возоб-

— Мнѣ-то! ну да ужь что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ-будто стали со мной обращаться привѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К-чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человѣкъ, тоже какъ и я любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и наверстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей. «Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтятся однажды со мной на прогулкѣ: — вы выйдете и *ужь я буду знать тогда*, что мнѣ ровно годъ остается до выхода.»

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офицерскій денщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканунѣ самого послѣдняго дня, въ сумерки, я обошолъ *въ послѣдній разъ* около палъ весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошолъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами скитался я въ первый годъ моеѣ каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ плѣну нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжить, и какъбы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубами нашихъ казармъ. Какъ непривѣтливо поразили они меня *тогда*, въ первое время. Должно-быть и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ это было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виновать?

То-то, кто виновать?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошолъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестан-

тами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ потоварищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ ровный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандальники и нѣсколько денегъ. «Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы: — мнѣ васъ-то каково потерять, Александръ Петровичъ? на кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!» Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимъ Акимычемъ.

— Вотъ и вамъ скоро! сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею и мы поцѣловались.

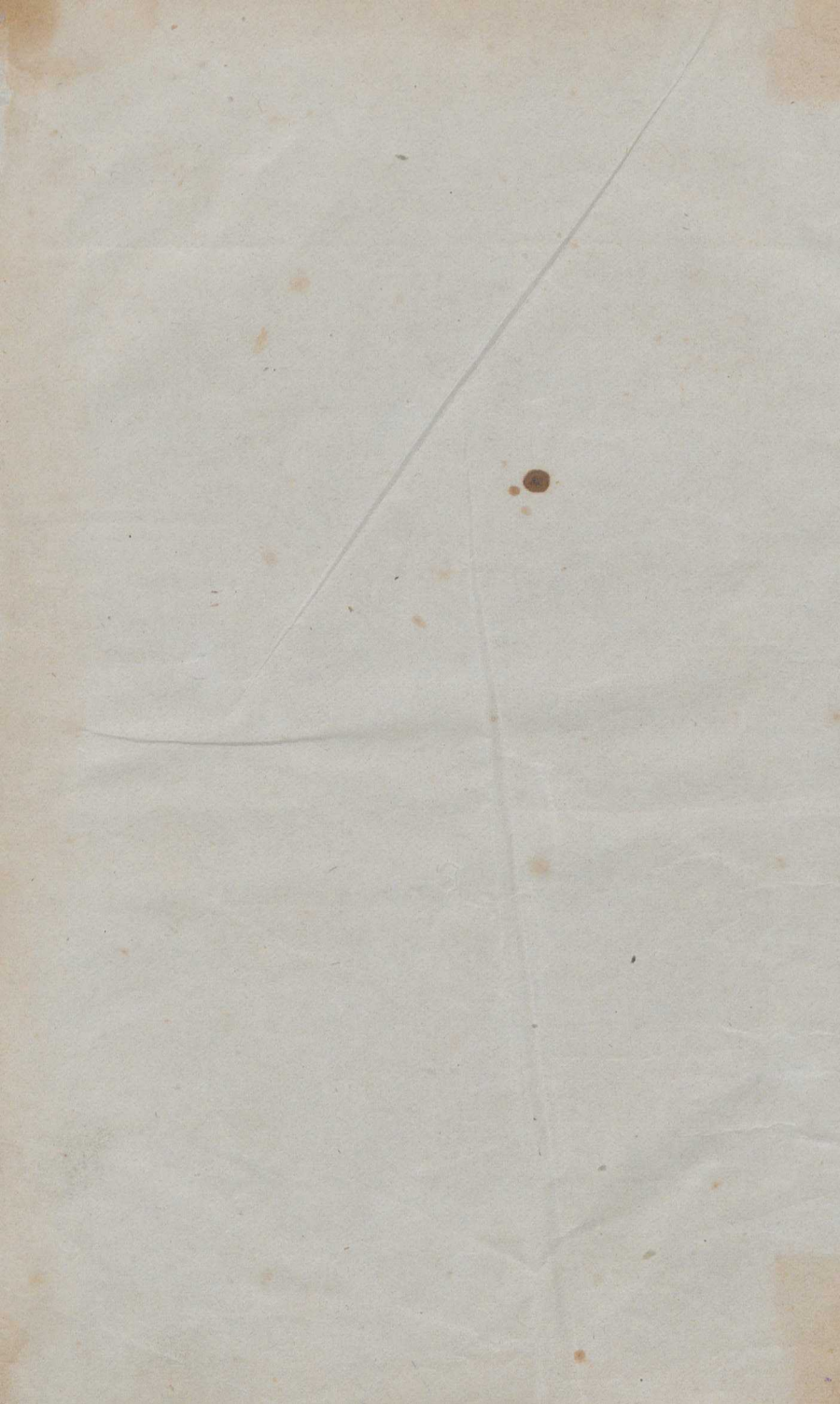
Минуть десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышли и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться, — я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Росковывали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

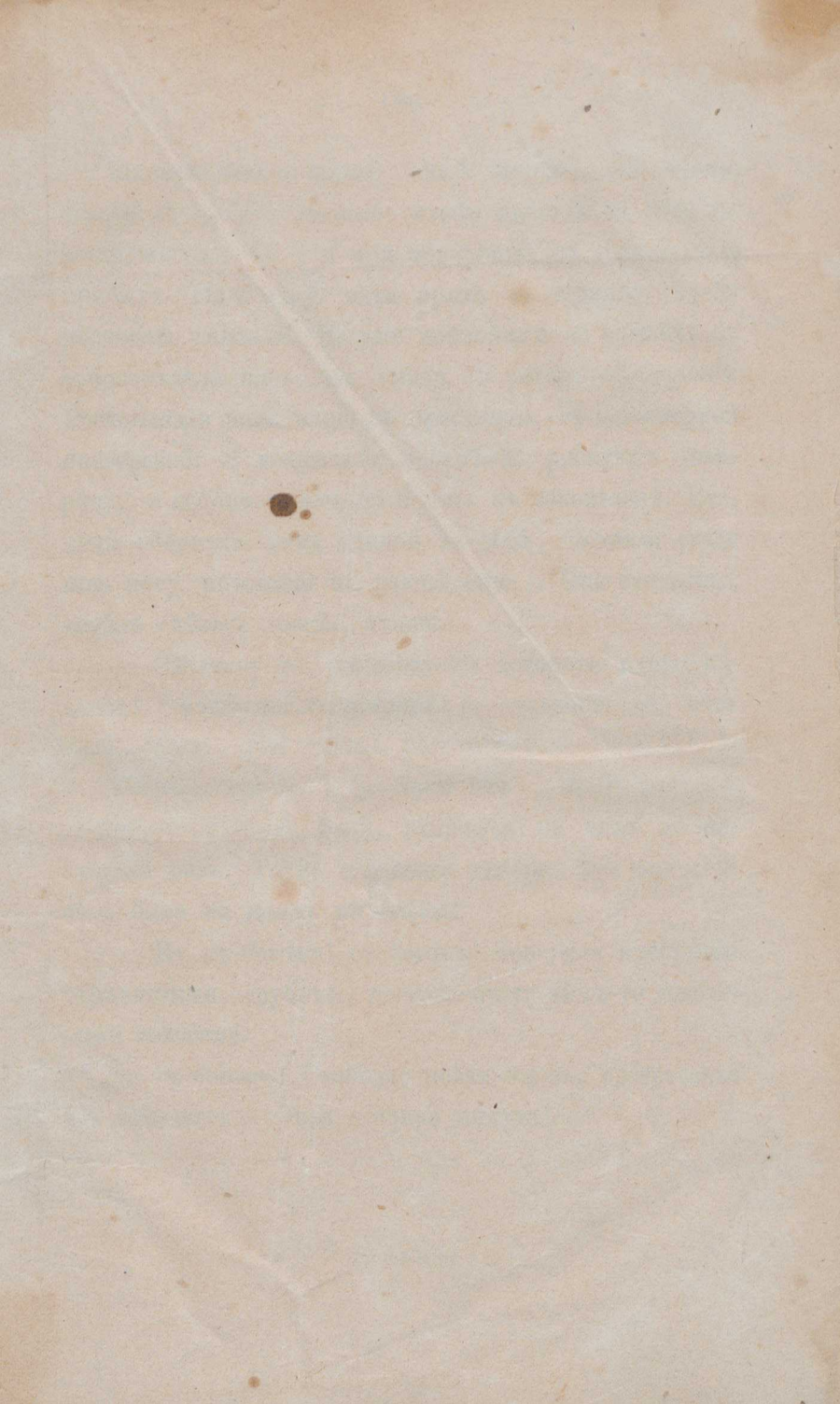
— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-на-перво!.. командовалъ старшій: — установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось подержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну съ-богомъ! съ-богомъ! говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ-будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да съ-богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресенье изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

2010481445